НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

Основан в 1993 г.

Серия ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2014, № 2

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	7
ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ	
Комаров А.Н. Новая идеология канадских консерваторов на всеобщих	
выборах 2004 г.: модернизированная партия на пути к победе	11
Глазов А.А. Социально-политическая эволюция франкизма как основа	
перехода Испании к демократии в 1975–1982 гг.	23
Анашкина А.Г. Резолюция Совета Безопасности ООН 1244 как воз-	
можная основа урегулирования косовского кризиса	30
из истории китая	
Чжун Жуй. Ситуация на Тибете в 1950-х гг.: политика Мао Цзэдуна и	
Далай ламы	37
Корноухова Г.Г., Луковкина Е.С. Особенности китайского женского движения в первой половине XX в.: историографический взгляд со-	
временных китайских исследователей	47
ВОСТОК – ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	
Аксенова А.А. Французские и русские путешественники в Египте в	
конце XVIII – начале XIX в.	58
из истории культуры	
Гвоздева Т.Б. Панафинейский пеплос на фризе Парфенона	66

Пышнова С.Л. Некоторые виды скульптурных изображений майя и их	
коммуникативный характер	79
Куприянова Ю.А. От бинтования стоп к туфлям на каблуке: трансформация внешнего облика жительниц Шанхая в первой половине XX в.	89
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Толмачева А.Ю. Российские немцы Оренбуржья : установки на мигра-	
цию (по материалам этносоциологического исследования)	103
РЕЦЕНЗИИ	
Куделин А.А. Рецензия на книгу «Ближний Восток, Арабское про-	
буждение и Россия: что дальше?» (Сборник статей / Отв. ред-ры:	
В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012	
593 c.)	110
НАШИ АВТОРЫ	115

[©] Российский университет дружбы народов, Издательство, 2014 $\mathbb O$ Вестник Российского университета дружбы народов, 2014

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship Founded in 1993 **University** of Russia

Series

WORLD HISTORY

2014, № 2

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Editor's note	7
IDEAS AND POLITICS IN HISTORY	
Komarov A.N. The New Ideology of the Canadian Conservatives During the General Election of 2004: the Modified Party on the Road to Victory	11
Glazov A. Franco's Spain social-political evolution as the foundation of Spanish transition to democracy between 1975 and 1982	23
Anashkina A. Security Council Resolution 1244 as a possible basis for	23
the settlement of the Kosovo crisis	30
STUDIES ON CHINESE HISTORY Zhong Rui. The situation in Tibet in the 1950s: Policy of Mao Zedong and the Dalai Lama Kornoukhova G.G., Lukovkina E.S. Features of the Chinese women's move-	37
ment in the first half of the XXth century: Historiographical view of contemporary Chinese researchers	47
EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS Aksenova A.A. French and Russian explorers in Egypt at the end of XVIII – early XIX centuries	58
HISTORY OF CULTURE Gvozdeva T.B. Panathenaic peplos in the frieze Parthenon	66

Pyshnova S.L. Some types of sculptural images of the maya and their communicative character	79
Kupriyanova Y. From footbinding to high heel shoes: transformation of the appearance of the shanghainese women in the first half of XX century	89
ETHNOLOGICAL STUDIES Tolmacheva A. Russian Germans in Orenburg region: related to migration (on materials of ethnosociological research)	103
REVIEWS Kudelin A.A. Review: «Middle East, Arab Awakening and Russia: What's Next?» (M., 2012)	110
OUR AUTHORS	115

[©] Peoples' Friendship University of Russia, Publication, 2014 © The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2014

Василий Митрофанович Заболотный 13.01.1950 – 26.02.2014

26 февраля 2014 г. после тяжелой болезни ушел из жизни замечательный преподаватель, историк и переводчик Василий Митрофанович Заболотный

Василий Заболотный родился в 1950 г. в Запорожье. С 1974 по 1980 г. обучался в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, специализируясь по кафедре всеобщей истории. Уже тогда стала складываться область его научных интересов, включавшая новейшую историю Великобритании и США, историю Британского содружества наций. В 1983 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Взаимоотношения стран Восточной Европы и освободившихся государств Южной Азии (70-е гг. XX в.)». С 1983 по 2013 г. работал на кафедре всеобщей истории РУДН. Преподавал новую и новейшую историю стран Европы и Северной Америки, а также читал уникаль-

ные курсы по культуре постмодерна в странах Запада, междисциплинарным подходам в современной исторической науке. С 1997 по 2013 г. также преподавал на кафедре теории и истории международных отношений РУДН курсы по внешней политике и международным отношениям в Европе и Северной Америке.

В.М. Заболотный профессионально занимался теорией и практикой перевода. С 1991 г. работал переводчиком в издательстве «АСТ», где перевел на русский язык более 50 книг американских и британских авторов. В 2005 г. был избран профессором кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ), где читал курсы «История и культура стран англоязычного мира», «Мир Британского содружества наций», «Древние языки и культуры», а также вел практический курс перевода с английского языка на русский.

В.М. Заболотный прожил честную и достойную жизнь. К нему всегда можно было обратиться за поддержкой. Его скромность, доброжелательность и отзывчивость известна всем, кто сталкивался в жизни с этим замечательным человеком.

Ученики и коллеги навсегда сохранят добрую память о Василии Митрофановиче Заболотном.

Основные публикации последних лет: Новейшая история стран Европы и Северной Америки: конец XX – начало XXI в.: Уч. пос. для вузов. – М., 2004; Страны Европы в условиях глобализации и перехода к постиндустриальному обществу (90-е гг. ХХ в.): Уч. пос. в 2-х ч. – М., 2001; История и культура народов Европы (Античность, Средневековье и Новое время): Уч. пос. – М., 2002; Британская империя в годы Второй мировой войны и образование Содружества наций // Вторая мировая война 60 лет спустя. – М., 1999; Великобритания между колониальной империей и Содружеством наций. Опыт реконструкции переходного периода // Право: история, теория, практика. – Брянск, 2001; «Британский консенсус» как системообразующий фактор Содружества наций // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2001. – № 1; Елизавета II и Содружество наций: личность и поиски новых форм диалога // Ежегодник историко-антропологических исследований 2001/2002. – М., 2002; Европа и Россия на пороге новой структуры коллективной безопасности // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». -2009. – № 1.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

РАСШИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК. ЦЕЛЯТСЯ В УКРАИНУ, А ПОПАДАЮТ В РОССИЮ

После Лиссабонского саммита НАТО в 2010 г. не осталось ни малейших иллюзий в отношении планов альянса по расширению на Восток. Гиперзадача — сжать в тиски российскую территорию — претворяется на протяжении последнего двадцатилетия. В Чечне не получилось.

Не обращая ни малейшего внимания на истерику Запада, Путин спокойно и уверенно зачистил от бандитов территорию Чечни, обеспечив мир и спокойствие на Кавказе, восстановив целостность и суверенитет РФ. Как-то не сложилось и в грузино-осетинском конфликте. Всего пять дней. Вот срок, в который решительные действия России восстановили порядок в регионе. Западные стратеги нерешительно переминались с ноги на ногу, с удивлением наблюдая за шагами России по защите своих национальных интересов. Снова не вышло. Дугу нестабильности перебросили на Ближний Восток и Северную Африку, пытаясь планомерно уничтожить геостратегических партнеров РФ. В ходе «внезапно» вспыхнувшей Арабской весны Запад ликвидировал Каддафи, расчленил Ливию. Получилось... И снова неудача в Сирии. Не сложилось и с Ираном. Коллективный Запад напоролся на стальную хватку русского медведя. Путин был безукоризненно логичен и последователен. Политическая воля, продемонстрированная российским руководством, показала всему миру – так будет и впредь. Настал черед Украины.

Глядя на события на Украине, не может не вызывать невольного уважения стремление, с которым Запад проводит свою геополитическую линию. Англо-саксонская внешнеполитическая доктрина неизменна вот уже на протяжении 500 лет. И все эти столетия наши «партнеры» уверенно, с упорством, достойного лучшего применения, идут к своей цели. Стабильно, планомерно долбят в одну точку, сеют хаос, сталкивают народы, решают свои геополитические задачи. Говоря словами Сталина, «загребают жар чужими руками».

Территория и ресурсы России подталкивают наших западных «партнеров» на ведение перманентной информационно-психологической войны, направленной на развал российской государственности. При колоссальной гео-

графической протяженности совокупно население России меньше, чем в Бангладеш. Нужно поделиться. Давняя мечта западных геополитиков от Маккиндера, Хаусхофера до Киссинджера и Бжезинского спровоцировать и организовать войну внутри славянского мира, с тем, чтобы руками, к примеру, Украины начать противостояние с Россией. А когда братские народы будут измотаны и ослаблены, прийти и поделить плоды победы. Это неоднократно получалось.

Невольно в голову приходят кондратьевские циклы в 100—150 лет развития. Как только Россия усиливается, Запад прикладывает титанические труды для ее дестабилизации. Инструментами провокации избираются, как правило, территории и народы, находящиеся по возможности на большом отдалении от англо-саксонского центра. Это может быть Гаврила Принцип и Сербия в 1914 г., а может Янукович и Украина в 2014 г. Каковы бы ни были акторы политического спектакля, ясно одно — конечная цель — свалить русского медведя.

Именно этим постулатом следует руководствоваться, оценивая происходящие события на Украине, в эпицентре Киевской Руси, в лоне зарождения российской государственности, в стране, где проживает 15 млн наших русских соотечественников. Так доколе народы Украины и России будут инструментом в англо-саксонских манипуляциях? Следует запомнить, что нет ничего более унизительного, чем быть пешкой в чужой игре.

Именно с учетом этих обстоятельств трагедия февральского переворота на Украине не может оставить Россию в позиции безучастно взирающей на нацистский бандеровский мятеж. Президент Янукович, выполнив волю Запада, позорно, трусливо сдал страну, после чего объявился в Ростове-на-Дону, прося защиты у Путина. Активы бывшего Президента заботливо и предусмотрительно выведены в Фуджейру в ОАЭ. Запад предоставил ему гарантии личной безопасности. Напомним, что на подобные предложения, сделанные в марте 2011 г., ливийский лидер М. Каддафи, прекрасно понимая истинную подоплеку разворачивающихся событий, отреагировал совершенно по-иному: отрекся от именных вкладов в швейцарских банках и остался защищать Родину до последнего вздоха. Что ждало бы отрекшегося от власти Каддафи, понятно. Арест, Гаагский трибунал, суд Линча и петля. Януковичу это было неясно. В результате, как только он сложил полномочия, новые хозяева страны объявили его в международный розыск.

Однако судьба Президента Януковича — далеко не самое главное, что заслуживает внимания в разразившемся политическом кризисе на Украине. Главный удар в стратегии, разработанной кукловодами Бильдербергского клуба и Рокфелеровского центра, конечно же, метит в Россию. Путину прилетел ожидаемый ответ за его блистательную комбинацию по Сирии и Ирану. Геополитическую игру перенесли, как и обещали, к самым границам РФ.

Украинские националисты словами сына Бульбы – Андрия умоляют польскую паночку – Запад: «Задай мне службу самую невозможную на све-

те, и я побегу ее исполнять». Запад манит многомиллионным финансированием национал-радикальных элементов: «За такую Отчизну все отдам, погублю. Ты – моя Отчизна, что мне отец».

В Украине начался погромный разгул. Громят и жгут автомобили, экспроприируют квартиры русских по национальности граждан Украины, оскверняют православные храмы и синагоги. Активизировалась деятельность греко-католической церкви. Русский язык объявлен вне закона, а русские – людьми второго сорта. В стране пока апофеоз безвластия.

Запад в канун 100-летия начала Первой мировой войны старательно раздувает меха антироссийской пропаганды, используя украинских марионеток. Ни в коем случае нельзя допустить усиления российского медведя, нельзя дать Путину шанс окончательно поднять Россию с колен.

Сочинская Олимпиада показала всему миру облик новой России: современной, динамичной, умной, стремящейся к прогрессу, демократии и процветанию. Такая Россия не нужна Западу. Судьба России, по их мнению, — это судьба Югославии, и они делают все возможное с целью достижения своей цели. Встать на защиту русских на Украине, за целостность Украины, предотвратить распад и крушение братского государства — святая обязанность российского государства. Восемь раз Богдан Хмельницкий обращался к России, пока не состоялась в 1654 г. Переяславская Рада. Народ Украины обратился к нам и сегодня.

Однако боюсь, что Украине неминуемо придется пройти через кровь и жертвы. Не поддаются нацистскому мятежу на востоке Украины и в Крыму. Губернатор Харьковской области М. Добкин объявил о своем решении баллотироваться на пост президента. В Крыму подняты российские флаги в год 70-летия освобождения Севастополя. Народ Украины ждет реакции России.

В этой связи Россия обязана в ближайшее время вынести вопрос о ситуации на Украине на обсуждение Совета Безопасности ООН. Поставить вопрос о нацистском характере сформированного майданной толпой правления. МИД РФ ни в коем случае не должен признавать новое псевдоправительство и не устанавливать дипломатические связи с ним. Нельзя легитимировать нацизм, повторять Мюнхенский сговор. Времени мало. В мае пройдут досрочные выборы, и будет поздно. Сейчас только от решительных действий России зависит будущее как Украины, так и нашей страны.

Мы верим, что Путину удастся разрешить и эту головоломку. Сломать хребет русскому медведю не получится. Действия Путина в отношении гуманитарной катастрофы на Украине являются единственно верной реакцией. Украина не Сирия, и опасность совсем не абстрактная и не гипотетическая. Беспорядки на Украине зримо приобретают очертания грядущей войны, привнесенной Западом фактически на нашу территорию. Вооруженные банды «Правого сектора» начали проникновение на территорию Воронежской, Курской, Белгородской областей. Создается прямая угроза национальной безопасности нашей страны. В этих условиях решение Совета Федерации РФ

о возможности введения ограниченного контингента ВС РФ на территорию Украины для предотвращения гуманитарной катастрофы и защиты русскоязычного населения своевременна и конституционно оправдана.

Какова возможная реакция Запада? Прежде всего, хотелось бы порекомендовать российской политической элите перестать жить с оглядкой на Запад. Так называемый Запад — лишь небольшая часть глобального мира. Помимо пресловутого постмодернистского Запада есть Китай, Бразилия, Индонезия, Иран, Индия... Устанешь перечислять.

Ну а в остальном – покричат и успокоятся. Президент США Б. Обама попытался угрожать, отметив, что Москва дорого заплатит за позицию по Украине. Пустое сотрясение воздуха. Сенатор Ю. Воробьев мгновенно отреагировал, потребовав отзыва российского посла из США. Страны G7 вроде бы отказываются принимать участие в саммите восьмерки в Сочи. Однако в друзьях согласия нет. Глава МИД Германии Франк Вальтер Штайнмайер уже высказался против такого решения.

Всем нам нужно понять главное. Не стоит искать симпатий Запада. Надо не пытаться понравиться, а научиться защищать свои национальные интересы. Предостережением всему русскому миру звучат слова Президента бывшей Югославии, умершего в гаагской тюрьме Слободана Милошевича: «Запад — это бешеная цепная собака, вцепившаяся в горло. Вы — русские, украинцы и белорусы не нуждаетесь в Западе. У вас все есть, и территория, и ресурсы. Нет главного — согласия. Запомните, это Запад нуждается в вас с целью получения ваших земель, вашей рабочей силы, чтобы, обманывая и завлекая, наводнить ваши рынки дорогостоящим и бесполезным барахлом. Помните печальный опыт Югославии, некогда единой и сильной страны, сегодня превратившейся в мелкие государства — прыщи на теле Европы. Помните и будьте едины!»

Будем помнить и будем бдительны.

3 марта 2014 г.

Главный редактор, доктор исторических наук, профессор С.А. Воронин

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАНАДСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НА ВСЕОБЩИХ ВЫБОРАХ 2004 Г.: МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ ПАРТИЯ НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

А.Н. Комаров

Кафедра всеобщей истории Российский государственный гуманитарный университет Миусская площадь, 6, Москва, Россия, ГСП-3, 125993

Статья посвящена участию новой объединенной Консервативной партии Канады в парламентских выборах 2004 г. Впервые, после длительного перерыва, консерваторам удалось переломить тенденцию регионализации голосования в Канаде, выступить в качестве центристской общенациональной партии, способной отвечать интересам избирателей не только канадского Запада, но также густонаселенных провинций Онтарио и Квебека. Это явилось первым шагом на пути консерваторов к их победе на всеобщих выборах 2006 г., когда С. Харперу удалось сформировать правительство парламентского меньшинства.

Ключевые слова: Консервативная партия, Канадский консервативный альянс реформ, С. Харпер, П. Маккей, П. Мартин, Дж. Кларк.

На современном этапе развития постиндустриального общества значительную роль в общественно-политической жизни стран Европы и Америки продолжает играть консерватизм, который, подобно либерализму с социалдемократизмом, отличается гибкостью, адаптивностью к новым реалиям, учитывает веяния времени, а также стремится максимально расширить свою электоральную базу.

Видоизменяясь, консерваторы в то же время оставляют за собой значительную часть избирательного корпуса, который регулярно отдает за них голоса на общенациональных выборах. В этой связи период новейшей истории Канады является по сути дела уникальным, прежде всего с точки зрения дальнейшего развития консерватизма в этой стране. В частности, постоянная

конкурентная борьба Либеральной и Прогрессивно-консервативной, а затем и Консервативной партий, осуществляемая исключительно парламентскими, мирными и реформистскими методами в рамках двухпартийной системы, победы консерваторов на всеобщих выборах 2006, 2008 и 2011 г., эпоха нахождения у власти консервативных кабинетов Б. Малруни в 1984—1993 гг., а также триумф Дж. Дифенбейкера на парламентских выборах 1958 г. и т.д. сами по себе свидетельствовали о действенности консервативной идеологии, ее прочности и долговечности. Ведь долгое время канадские консерваторы, объединенные в Прогрессивно-консервативной партии Канады, воспринимались лишь как дань традиции, некий рудимент прошлого и подчас чуть ли не синоним реакционных тенденций в общественно-политической истории страны, однако внимательное знакомство с их современной деятельностью показывает, что это далеко не так.

Создание объединенной Консервативной партии Канады в декабре 2003 г. явилось результатом длительных и кропотливых переговоров между представителями Прогрессивно-консервативной партии Канады (ПКП) и Канадского консервативного альянса реформ (ККАР), имевших место в течение периода 2001–2003 гг.

В этой связи стоит отметить гражданскую позицию канадских политиков, которые смогли поступиться своими личными интересами ради общественных и способствовали созданию единой Консервативной партии. Отчетливо осознавая после всеобщих выборов 1993, 1997 и 2000 г., что дальнейшее самостоятельное развитие ПКП, а также ККАР приведет к потере избирателей и исчезновению в целом этих партий с партийно-политической арены, прогрессивные консерваторы и бывшие реформисты решились на столь значительный шаг ради будущего своей страны исходя из необходимости развития ее демократических ценностей и двухпартийной системы. Как отмечали в этой связи Дж. Памметт и С. Дорнан, после всеобщих выборов 2000 г. самым важным в повестке дня был вопрос о том, будет ли создана общенациональная альтернатива либералам или партии станут продолжать сепаратное развитие каждая сама по себе, предоставив тем самым возможность либералам беспрепятственно победить в четвертый раз (1).

Весь период подготовки к объединению Прогрессивно-консервативной партии Канады и Канадского консервативного альянса реформ можно условно разделить на несколько этапов. Первый из них продолжался с момента завершения всеобщих выборов ноября 2000 г. и до марта 2002 г., когда лидером ККАР был избран С. Харпер.

Несмотря на позицию, занятую лидером ПКП Дж. Кларком и руководителем ККАР С. Деем, выступившими в целом против объединения обоих политических партий, консультации между прогрессивными консерваторами и представителями ККАР о возможных формах сотрудничества начались уже с января 2001 г. (2). В частности, в январе 2001 г. представители парламентской фракции прогрессивных консерваторов вместе с ключевыми фигурами из провинциальных консервативных правительств Онтарио, Мани-

тобы и Альберты провели длительную совместную конференцию с членами ККАР, по итогам которой приняли постановление о том, что необходимы определенные формы сотрудничества между двумя партиями. В то же время конкретизация того, на каких основах может строиться это сотрудничество, дана не была (3). Следующие важные события в этом направлении произошли летом 2001 г. В середине мая 2001 г. несколько членов парламентской фракции ККАР объявили о своем недоверии С. Дею в связи с его плохим менеджментом партии, а также неудачей на всеобщих выборах 2000 г. Они сформировали демократическую представительную фракцию и приняли решение о формировании парламентской коалиции с ПКП (4). В августе 2001 г. состоялась встреча более пятидесяти делегатов со стороны ККАР и ПКП, которые утвердили некоторые формы сотрудничества двух партий, и в том числе принципы существования будущей парламентской коалиции (5). В сентябре 2001 г. была сформирована объединенная парламентская коалиция, куда вошли представители ПКП и восемь диссидентов - бывших членов парламентской фракции ККАР, которые теперь могли проводить совместные заседания, консультировать друг друга, избирать своих собственных представителей, создавать объединенные комитеты и т.д.

Однако, несмотря на сотрудничество в парламенте, это новое политическое объединение не было зарегистрировано в качестве политической партии, что накладывало отпечаток на всю последующую деятельность.

Новый этап подготовки к объединению ККАР и ПКП начался с марта 2002 г. и продолжался до мая 2003 г. В этот период произошло два важных события, связанных со сменой политических лидеров у ККАР и ПКП. В марте 2002 г. новым лидером ККАР стал С. Харпер, получивший 55% голосов делегатов съезда и тем самым завоевавший поддержку 48 561 члена партии (6).

Необходимо отметить, что С. Харпер опередил С. Дэя, который получил поддержку 37,5% делегатов съезда, и Д. Аблонзи и Г. Хилла, совместно набравших 7,5% голосов (7).

Новый лидер ККАР сразу же обрушился с критикой на лидера ПКП Дж. Кларка, обвинив его в том, что он препятствует объединению двух партий, а только занимается переманиванием членов ККАР в ПКП. Более того, С. Харпер подчеркнул, что он не будет вести с Дж. Кларком переговоры об объединении двух партий, но оставляет этот вопрос открытым для нового лидера ПКП. Тем не менее, вскоре новый лидер ККАР выступил с инициативой объединения двух партий и достижения соглашения об этом не позднее лета 2003 г. Однако это предложение было в очередной раз отвергнуто лидером ПКП Дж. Кларком, который заявил о том, что объединять партии можно только на условиях, которые предложат прогрессивные консерваторы, и, что у него, в отличие от С. Харпера, больше шансов стать премьер-министром.

Однако вскоре ситуация изменилась, так как Дж. Кларк не стал выдвигать свою кандидатуру вновь на пост лидера партии, и в итоге новым руководителем ПКП был избран П. Маккей, который победил по результатам го-

лосования Д. Прентиса, Д. Оршара, С. Бризона, Д. Шандлера (8). Новый лидер ПКП П. Маккей, который первоначально, подобно Дж. Кларку, выступал против объединения ПКП и ККАР, впоследствии решил прислушаться к аргументам С. Харпера, настаивавшим на том, что стране необходима общенациональная альтернатива либералам, и вступил в переговоры об объединении двух партий. Это было связано с тем, что П. Маккей представлял правое крыло ПКП, в то время как Дж. Кларк являлся центристом (9).

Поэтому следующий этап подготовки объединения двух партий имел место с мая по октябрь 2003 г., когда оба лидера согласовывали условия объединения их двух партий. К середине октября 2003 г. С. Харпер и П. Маккей объявили о том, что соглашение об объединении двух политических партий в единую Консервативную партию достигнуто (10). Ряд организационных, тактических и идейных установок были заложены в основу функционирования новой политической партии. Самым важным явилось то, что обе партии признавали друг друга равными партнерами, ни одна из партий не являлась доминирующей, и именно этот принцип был взят за основу достигнутого соглашения.

Это явилось важной тактической находкой, поскольку соединяло авторитет, политический опыт и традиции старейшей Прогрессивно-консервативной партии с последними успехами ККАР – крупнейшей региональной партии канадского Запада, которая была поддержана значительным количеством избирателей на всеобщих выборах 2000 г.

Помимо этого обе стороны договорились в организационном плане о том, что новая партия будет называться Консервативной и она, кроме того, установит взаимосвязь с провинциальными отделениями Прогрессивно-консервативной партии и не будет способствовать созданию других консервативных партий в канадских провинциях и территориях. Помимо этого было оговорено, что Консервативная партия заимствует все принципы и программные установки Прогрессивно-консервативной партии и Канадского консервативного альянса реформ, т.е. будет их фактической преемницей (11).

В ходе достигнутых договоренностей было указано, что лидеры ПКП и ККАР предпримут необходимые меры для того, чтобы обеспечить в своих партиях поддержку принципов новой Консервативной партии. П. Маккей и С. Харпер договорились также и о выработке совместного плана действий, направленного на фактическое объединение партий, что было принципиально важным перед всеобщими выборами 2004 г. Помимо этого оба политических лидера обязались назначить из рядов своих партий уполномоченных представителей с целью их работы в межпартийном комитете, который должен был выработать устав новой партии, сформировать ассоциации Консервативной партии на местах, проконтролировать деятельность своих кандидатов в период избирательной кампании 2004 г.

Идейные установки новой североамериканской политической партии, отмеченные в соглашении, исходили из признания демократических ценностей, разделения властей, неотъемлемых прав индивидов, принципов право-

вого государства и гражданского общества. Именно вышеупомянутыми постулатами Консервативная партия отличалась от ультраправых, коммунистических, радикальных и прочих политических объединений, которые развивали свою активность в новое и новейшее время.

Консерваторы попытались позиционировать себя именно как центристскую общенациональную партию консервативного толка, которая бы отвечала интересам избирателей не только канадского Запада, но также провинции Онтарио и Атлантических провинций Канады. В дальнейшем эта тенденция стала прослеживаться и в ходе избирательной кампании консерваторов в 2004 г., а также выступлений С. Харпера перед электоратом и его поездок по стране. Руководители новой партии отдавали себе отчет, что только таким образом можно составить реальную конкуренцию либералам. В противном случае консерваторы осознавали, что они, по меньшей мере, не продвинутся дальше успехов Партии Реформ на всеобщих выборах 1993 и 1997 г. и Канадского консервативного альянса реформ в 2000 г., а в самой худшей ситуации их ожидает провал и потеря избирателей. Поэтому, рассчитывая на то, что электорат ознакомится с уставом и с принципами новой партии, консерваторы с самого начала внесли в них пункты о том, что партия будет отражать разумный баланс между необходимой финансовой отчетностью правительства, продуманной социальной политикой и индивидуальными правами и свободами граждан (12). Это было дополнено высказыванием о том, что партия будет стремиться к построению национальной коалиции граждан, разделяющих эти убеждения, и понимающих региональные, культурные и социоэкономические особенности Канады (13).

Ключевым в этой связи явилось выражение «национальная коалиция граждан», на которое консерваторы надеялись обратить внимание избирателей Онтарио и Атлантических провинций Канады. В частности, было указано, что Консервативная партия будет руководствоваться следующими принципами: верой в равенство всех канадцев, а также в суверенную и объединенную Канаду, управляемую в соответствии с конституцией, верховенством закона и парламентских институтов (14). Исходя из вышесказанного, консерваторы выражали уверенность в незыблемость конституционной монархии, парламента и демократии.

Последний этап подготовки объединения Прогрессивно-консервативной партии Канады и Канадского консервативного альянса реформ пришелся на период с октября по декабрь 2003 г., когда в итоге 12 декабря объединение двух партий состоялось (15). Таким образом, канадские политики, представляющие проконсервативную идеологию, нашли в себе мудрость, возможности и силы для объединения обеих политических партий, что, безусловно, отвечало как их интересам, так и чаяниям избирателей. Как отмечал в этой связи канадский ученый и политический деятель Х. Сигал, это было историческое соглашение, которое в новейшей истории стран Запада можно сравнить только событием разрушения Берлинской стены в 1989 г. (16).

Необходимо отметить, что автор этого высказывания имел в виду под Берлинской стеной то значительное расстояние, которое отделяло две партии, поскольку за ККАР голосовали избиратели канадского Запада, а за ПКП – Атлантических провинций. Теперь, после их объединения, появилась возможность получить голоса электората обеих регионов и предложить общенациональную альтернативу либералам.

В марте 2004 г. лидером новой политической партии был избран С. Харпер, которому не составило труда переиграть своих основных политических оппонентов — П. Маккея и Б. Стронах. С самого начала своего возникновения Консервативная партия повела борьбу за власть, конкурируя с либералами, НДП и Квебекским блоком, что отчетливо проявилось в период избирательной кампании партии накануне всеобщих выборов 2004 г.

Понимая, что предстоящие парламентские выборы будут проверкой на прочность только созданной партии, консерваторы стали основательно к ним готовиться. Как подчеркивают Дж. Памметт и С. Дорнан, это была лучшая избирательная кампания Консервативной партии за последние шестнадцать лет (17). Последний раз она была так основательно подготовлена в 1988 г., когда лидер ПКП Б. Малруни во второй раз выиграл всеобщие выборы (18).

Необходимо отметить, что профессиональные политики из обеих бывших партий — ККАР и ПКП теперь стали работать над тем, чтобы консерваторы одержали победу над либералами. Данная ситуация была принципиально отлична от предыдущей, когда накануне всеобщих выборов 1993, 1997 и 2000 г. Партия Реформ и Канадский консервативный альянс реформ, с одной стороны, и Прогрессивно-консервативная партия Канады, с другой, боролись за избирателей сепаратно и пытались перехватить инициативу друг у друга.

Значительное внимание консерваторы уделили рекламной кампании в средствах массовой информации, и, прежде всего, на телевидении с минимальным радиообращением к избирателям и фактическим отсутствием печатной рекламы. По указанию консерваторов было снято четыре ТВ-ролика на английском языке и один на французском языке. Содержание двух из этих телероликов было направлено против либералов, обращая внимание на коррупционные скандалы, в которых они были замешаны, а остальные два представляли С. Харпера в противовес лидеру либералов П. Мартину как спокойного, компетентного и взвешенного политика (19).

Составной частью избирательной кампании консерваторов явились поездки С. Харпера по стране, причем акцент был сделан именно на посещении провинции Онтарио, от избирателей которой зависело, одержат ли консерваторы победу на всеобщих выборах 2004 г. 56% всех поездок в целом по стране С. Харпера было направлено именно в Онтарио (20).

Анализ поездок лидеров либералов и консерваторов по Канаде перед всеобщими выборами 2004 г. показывает, что если П. Мартин совершил в

Онтарио 32 визита, то С. Харпер — целых 44, причем накануне теледебатов на английском языке последний нанес 31 визит, в отличие от будущего премьер-министра от партии либералов, который отметился десятью (21). Либералы же, наоборот, рассчитывали убедить избирателей канадского Запада голосовать за них, поскольку П. Мартин совершил 20 поездок на канадский Запад в целом, в то время как С. Харпер — только семнадцать (22).

Таким образом, как либералы, так и консерваторы боролись за расширение региональной базы своих партий. Это отчетливо проявлялось во взаимной тенденции перехватить друг у друга голоса избирателей.

П. Мартин, уверенный в том, что избиратели Онтарио и так проголосуют за его партию, сосредоточил свои усилия на работе с электоратом канадского Запада, а С. Харпер, напротив, популярный в провинциях канадского Запада как бывший лидер ККАР, считал необходимым завоевать голоса провинции Онтарио. Значительный интерес представляла собой и предвыборная платформа консерваторов.

Как отмечают Дж. Памметт и С. Дорнан, вскоре после объединения двух партий перед консерваторами встал вопрос о том, каким образом представить платформу партии так, чтобы она отвечала интересам не только избирателей канадского Запада, но и электората Онтарио и Атлантических провинций Канады (23). Для выработки программных установок К. Босенкол стал работать с П. Маккеем и в результате был сформирован 47-страничный документ, который и представлял собой предвыборную платформу партии (24).

Основными положениями программы консерваторов стали установки фискального консерватизма, которые могли бы заинтересовать избирателя в эпоху массового потребления и постиндустриального общества, когда именно экономический фактор, а не идеологический, как в эпоху «холодной войны», определяет характер и динамику развития любого общества, в том числе и канадского. Кроме того, консерваторы попытались избежать стратегии предыдущих лет, когда Партия Реформ и Канадский консервативный альянс реформ высказывались и действовали в интересах избирателей канадского Запада.

Поэтому предложения консерваторов были направлены на то, чтобы представить себя как центристскую политическую силу в интересах избирателей Онтарио и атлантических провинций. В частности, консерваторы писали о необходимости достижения отчетности правительства перед гражданами, антикоррупционной составляющей действия властей, мерах по снижению налогов и улучшению системы здравоохранения. Консерваторы указывали, что среди стран «большой восьмерки» Канада является страной с самым высоким уровнем налогообложения. Поэтому они предлагали годовой доход менее 70 тысяч канадских долларов обложить 16%, а не 22% налогом (25).

Кроме того, они предложили ряд мер по улучшению системы здравоохранения, и в частности выработку долгосрочного плана финансирования здравоохранения. Этими предложениями партия собиралась представить современный, компетентный и реалистичный выбор для избирателей Онтарио и Атлантических провинций. Идеологи Консервативной партии постарались избегнуть неоднозначных и сложных тем, связанных с абортами, эвтаназией, мультикультурализмом и т.д.

Первая неделя избирательной кампании консерваторов показала выигрышную позицию консерваторов перед либералами, погрязшими в коррупционных скандалах, находящимися у власти в стране уже более десяти лет, и начинающими испытывать доверие избирателей. На этом фоне усталости избирателей от либералов С. Харпер, создавший Консервативную партию, которая отражала имидж новизны, выступал компетентным и заслуживающим доверия политиком. Однако уже в конце первой недели один из сподвижников лидера консерваторов С. Рейд сделал неосторожное заявление о том, что необходимо пересмотреть нынешнюю редакцию закона о двуязычии. Это сразу же дало козыри либералам, которые заявили о том, что у консерваторов есть скрытая повестка дня, которую они осуществят, как только выиграют всеобщие выборы. В ответ С. Харпер вынужден был подчеркнуть, что С. Рейд выражал собственную точку зрения, но никак не отражал политику партии по данному вопросу (26).

Вторая неделя избирательной кампании С. Харпера была проведена им в провинции Онтарио. В этот период лидер консервативной партии обнародовал основные положения своей предвыборной программы перед электоратом провинции, высказался против каких-либо форм сотрудничества с сепаратистами Квебека, а также подчеркнул, что у его партии нет планов запретить аборты. Тем самым он желал подчеркнуть демократичность канадского общества, где нет каких-либо ограничений и присутствует свобода.

В то же время неожиданно консерватор Ж. Галлант сравнил аборты с террористическими атаками 11 сентября 2001 г., подразумевая их такую же разрушительную сущность. Это явилось выражением популизма, который был передан Консервативной партии в наследство от Партии Реформ, и, безусловно, сыграло не самую лучшую роль в предвыборной кампании С. Харпера. В свою очередь, либералы умело обыграли этот момент, противопоставив «Нашу Канаду» (известную, удобную для граждан) «Канаде С. Харпера» – неизвестной, экстремальной, меняющейся (27).

В период третьей недели избирательной кампании С. Харпер успешно принял участие в теледебатах на английском и французском языках, где довольно результативно дискутировал со своими политическими оппонентами.

Промахом избирательной кампании консерваторов на этом этапе явился их пресс-релиз, подчеркивающий, что лидер Либеральной партии П. Мартин поддерживает детскую порнографию. В ответ либералы развернули критику

С. Харпера за его поддержку американского вторжения в Ирак в 2003 г., а также распространили термин «скрытая повестка дня» на всю избирательную кампанию консерваторов, мотивируя это странными популистскими высказываниями некоторых деятелей Консервативной партии по вопросам абортов, двуязычия и т.д., которые будут реализованы в случае победы консерваторов (28).

Тем не менее результаты всеобщих выборов в Канаде, состоявшихся 28 июня 2004 г., были в целом успешными для консерваторов, поскольку впервые в отличие от Партии Реформ, ПКП и Канадского консервативного альянса реформ на всех предшествующих выборах 1993, 1997 и 2000 гг., им удалось преодолеть тенденцию регионализации голосования, которая до этого в течение десятилетия определяла политические предпочтения избирателей. Консервативная партия получила 99 мест в Палате Общин и 29,63% голосов избирателей (29). Консерваторы получили на 21 место больше, чем ПКП и ККАР вместе взятые в 2000 г. (30).

Принципиально важным явилось то, что консерваторы получили 24 места в Палате Общин от провинции Онтарио, в то время как на всеобщих выборах 2000 г. ККАР получил только 2 места от этой провинции, а ПКП не приобрела вообще ни одного.

Успех консерваторов в Онтарио свидетельствовал о том, что избиратели этой провинции восприняли программу их партии как центристскую и рассматривали ее в качестве реальной альтернативы либералам. Таким образом, С. Харпер заинтересовал электорат Онтарио, что не удавалось до этого сделать ни П. Мэннингу и его Партии Реформ на всеобщих выборах 1993 и 1997 г., когда реформисты получили только одно место в Палате Общин от этой провинции, ни С. Дею и его ККАР на всеобщих выборах 2000 г., ни К. Кэмпбелл, Ж. Шаре и Дж. Кларку в качестве лидеров ПКП на вышеупомянутых выборах (31). Более того, своим успехом консерваторы способствовали тому, что либералы получили 36,73% голосов избирателей на всеобщих выборах 2004 г. и только 135 мест в Палате Общин, что было недостаточно для формирования правительства парламентского большинства, для которого требуется 155 мест (32).

За Консервативную партию проголосовали также избиратели канадского Запада, поддерживающие ранее Партию Реформ и ККАР, предоставив ей 22 места от Британской Колумбии, 26 мест от Альберты, 13 мест от Саскачевана, 7 мест от Манитобы. Консерваторы получили также места от Атлантических провинций Канады, поддерживающих ранее ПКП, и в частности, от Нью-Брансуика – 2 места, от Новой Шотландии – 3 места, от Ньюфаундленда – 2 места (33).

Вследствие этого либералы во главе с их лидером П. Мартином вынуждены были сформировать правительство парламентского меньшинства, что означало, по сути дела, начало завершения эпохи их десятилетнего нахождения у власти, когда Ж. Кретьен по результатам всеобщих выборов 1993, 1997 и 2000 г. формировал правительства парламентского большинства, а разрозненный консервативный партийный спектр в виде Партии Реформ, ККАР и ПКП не мог эффективно ему противостоять.

Несмотря на то, что вследствие ряда популистских высказываний ее активистов Консервативная партия потеряла шанс сформировать правительство парламентского большинства или меньшинства после всеобщих выборов 2004 г., тем не менее ее успешные результаты в провинции Онтарио показали, что объединение ККАР и ПКП в декабре 2003 г. было абсолютно продуманным и закономерным шагом. Становилось очевидно, что грамотно проведенная избирательная кампания перед следующими всеобщими выборами приведет консерваторов к власти.

Подводя итоги данной главы в целом, следует отметить, что в период 1993–2004 гг. консерваторы проделали сложный и противоречивый путь.

Существуя по отдельности и формируя тенденцию к регионализации голосования и распылению консервативного ориентированного электората, правоконсервативные Партия Реформ и Канадский консервативный альянс реформ на всеобщих выборах 1993, 1997 и 2000 г., а также Прогрессивноконсервативная партия на всеобщих выборах 1993, 1997 и 2000 г. несмотря на политический талант их лидеров не смогли по отдельности одержать победу над либералами Ж. Кретьена и бросить им политический вызов. Только объединение ПКП и ККАР в 2003 г. позволило претендовать на возможный реванш, что доказали итоги последних всеобщих выборов 2004 г., когда консерваторы впервые получили 24 места в Палате Общин от провинции Онтарио. Это явилось свидетельством того, что новая партия заинтересовала избирателей на общенациональном уровне, а не только электорат канадского Запада или Атлантических провинций, как это было ранее.

Таким образом, канадские консерваторы сумели адаптироваться к новым общественно-политическим реалиям, сформировавшимся в Канаде после 1993 г., переломить негативные для них тенденции и тем самым претендовать на общий успех. В итоге консерватизм в качестве общественно-политической идеологии в Канаде не только не исчез, а продолжал развиваться и составлять конкуренцию либерализму и социал-демократизму. Консерваторы во главе со С. Харпером снова стали претендовать на роль одной из двух главных партий в традиционном двухпартийном механизме Канады. Консерваторам удалось прервать тринадцатилетнюю монополию Либеральной партии, которая под руководством Ж. Кретьена и П. Мартина последовательно выигрывала в Канаде всеобщие выборы 1993, 1997, 2000 и 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Pammet J.H., Dornan C.* The Canadian General Election of 2004. – Toronto: Dundurn Press, 2004. – P. 67.

- (2) Segal H. The Long Road Back: The Conservative Journey, 1993–2006. Toronto: HarperCollins Publishers Ltd, 2006. P. 124; Pammet J.H., Dornan C. Op cit. P. 74; Ажаева В.С. Партийно-политическая жизнь Канады накануне выборов // США Канада: Экономика, политика, культура, 2004. № 8. С. 100.
- (3) Segal H. Ibidem. P. 124.
- (4) Pammet J.H., Dornan C. Op cit. P. 75.
- (5) Segal H. Op cit. P. 126.
- (6) *Plamondon B*. Full Circle. Death and Resurrection in Canadian Conservative Politics. Toronto: Key Porter Books, 2006. P. 223.
- (7) *Mackey L.* The Pilgrimage of Stephen Harper. Toronto, Ontario: ECW Press, 2005. P. 54.
- (8) *Johnson W.* Stephen Harper and the Future of Canada. Ontario: McClelland and Stewart Limited, 2005. P. 206.
- (9) Ажаева В.С. Указ. соч. С. 103.
- (10) *Pammet J.H., Dornan C.* The Canadian General Election of 2004. Toronto: Dundurn Press, 2004. P. 82.
- (11) The Conservative Party Manifesto. Toronto, 2003.
- (12) *Flanagan T.* Harper's Team: Behind the Scenes in the Conservative Rise to Power. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2007. P. 45–47.
- (13) Ibid. P. 48.
- (14) Ibid. P. 50.
- (15) Ажаева В.С. Указ. соч. С. 104.
- (16) Segal H. The Long Road... P. 168–169.
- (17) *Pammet J.H., Dornan C.* The Canadian General Election of 2004. Toronto: Dundurn Press, 2004. P. 86.
- (18) Ibid.
- (19) Ibid. P. 87.
- (20) Ibid. P. 88.
- (21) Ibid.
- (22) Ibid.
- (23) Ibid. P. 89.
- (24) Demanding Better. Conservative Party of Canada Platform 2004. Ottawa, 2004.
- (25) Ibid. P. 5.
- (26) Pammet J.H., Dornan C. The Canadian.... P. 90.
- (27) Ibid. P. 91.
- (28) *Johnson W.* Stephen Harper and the Future of Canada. Ontario: McClelland and Stewart Limited, 2005. P. 56.
- (29) Pammet J.H., Dornan C. The Canadian.... P. 99.
- (30) Ibid.
- (31) О результатах всеобщих выборов 1993, 1997 и 2000 г. в Канаде см.: *Ажаева В.С.* Эволюция партийно-политической системы Канады в 90-е гг. // В кн.: Канада: взгляд из России. Экономика, культура, политика. М., 2002. С. 69.
- (32) Johnson W. Stephen Harper... P. 207.
- (33) Ibid.
- (34) Ibid.

THE NEW IDEOLOGY OF THE CANADIAN CONSERVATIVES DURING THE GENERAL ELECTION OF 2004: THE MODIFIED PARTY ON THE ROAD TO VICTORY

A.N. Komarov

Department of World History Russian State University of Humanities Miusskaya Square, 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

This article is to present the participation of the Conservative Party of Canada in the General Election of 2004. First time, after the long break, the Conservatives broke the tendency of regional voting in Canada, and became the national party, which communicated the interests not only Canadian West voters, but Ontario and Quebec electorate as well. This was the first step to the election victory of Conservatives in 2006, when Steven Harper formed the minority government.

Key words: The Conservative Party of Canada , the Canadian Conservative Alliance of Reform, Steven Harper, Peter MacKey, Paul Martin, Joe Clark.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНКИЗМА КАК ОСНОВА ПЕРЕХОДА ИСПАНИИ К ДЕМОКРАТИИ В 1975–1982 ГГ.

А.А. Глазов

Российский университет дружбы народов ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме послефранкистской демократизации Испании в 1975—1982 гг. Исследуя особенности послевоенной эволюции режима Франко, автор ищет ответ на вопрос: как стране, обескровленной и расколотой тридцатишестилетним франкистским режимом, удалось в кратчайшие сроки совершить переход к демократии, сопровождавшийся национальным согласием.

Ключевые слова: Испания, франкизм, демократизация, эволюция, Франко.

20 ноября 1975 г. является ключевой датой во всей новейшей истории Испании. В этот день умер Франсиско Франко Баамонде — человек, который олицетворял собой режим, правивший в Испании более трех десятилетий. В течение этого времени франкистская Испания сильно эволюционировала, и ко времени смерти диктатора во многих аспектах отличалась от той Испании, в которой Франко захватил власть в ходе гражданской войны.

Пожалуй, обеспечение стабильности и мира на протяжении более 30 лет стало главным достижением франкизма, хотя взамен испанцам и пришлось расстаться со многими своими гражданскими правами и политическими свободами. Именно спокойствие и процветание после многих лет бедности и общественных потрясений пробудили у большей части испанцев чувство благодарности и лояльности режиму.

Однако со временем эта лояльность обернулась из преимущества в один из ключевых недостатков режима, — безразличием к политической жизни страны. Ведь, как показывает исторический опыт, именно активная борьба гражданских сил за свои права побуждает власть к преобразованиям политической системы.

При поверхностном рассмотрении эволюции франкистского режима может показаться, что в политическом плане изменения были минимальными. Общераспространенным является мнение, в соответствии с которым Франко никогда не мог, да и не стремился использовать свою силу, чтобы направить Испанию на путь демократических преобразований.

Безусловно, следует признать справедливость замечания, что Франко отвергал возможность перенесения западной модели демократии на испан-

скую почву в силу ее противоречий с традициями и менталитетом испанцев: «Испанский народ не подготовлен к демократии и не ощущает ее так, как народы англосаксонских стран» (1).

Между тем последующий опыт испанского общества, которое впервые с начала гражданской войны встало на путь своего социально-политического самоопределения и повело борьбу за возвращение национального суверенитета, узурпированного за годы правления Франко, заставил по-новому взглянуть на эволюцию франкистского режима и на его роль в переходе Испании от авторитаризма к демократии.

Испанская модель демократического транзита во всем мире признана эталоном. Франкизм утвердился в ходе кровопролитной гражданской войны и прекратил свое существование мирным путем, без военного переворота или народных волнений. Хотя этот процесс был длительным и отнюдь не бесконфликтным.

Испанская нация, ведомая тридцатисемилетним наследником Франко Хуаном Карлосом де Бурбоном, уже к 1979 г. завершила первый этап демократизации, в ходе которого были сформированы новые демократические институты власти.

15 июня 1977 г. были проведены первые в современной истории Испании парламентские выборы, победу на которых одержала партия А. Суареса СДЦ. А 6 декабря 1978 г. на общенародном референдуме была принята Конституция, оформившая Испанию как представительскую демократию.

В историографии принято выделять и второй этап, – консолидацию демократии, то есть адаптацию общества к новой форме политического устройства (2). В рамках этого периода в 1982 г. на парламентских выборах победу одержала ИСРП, которая к середине 1980-х гг. сумела завершить процесс перехода к демократии. К этому времени исчез «синдром 23 февраля 1981 года» и появилась уверенность в необратимости демократических преобразований (3).

Главной особенностью испанского перехода к демократии стал дух национального согласия, которого придерживались основные общественные силы страны. Противоборствующие стороны отказались от политики социального мщения. Демократизация основывалась на принципах общественного плюрализма, поэтому бывшие деятели франкизма и их сторонники не подверглись преследованию и получили право участвовать в определении будущего Испании.

Эта особенность прослеживается с момента подъема массового демократического движения и образования в 1976 г. «Демократической координации» — единого блока демократической оппозиции, выдвинувшего программу «демократического разрыва» с франкизмом.

В 1976 г. была создана «комиссия девяти», объединившая оппозиционные демократические партии. Этот орган регулярно обсуждал с Суаресом проекты основных политических реформ.

И все же наиболее ярко общественный компромисс проявился в ходе подписания «пакта Манклоа» в 1977 г., когда правительство и все парламентские партии согласились пойти на определенные уступки во имя достижения общей цели — преодоления последних препятствий для принятия Конституции (4).

В свете вышесказанного возникает сомнение в том, что столь гладкий и быстрый переход к демократии, без серьезных социальных потрясений и сопровождающийся национальным согласием, мог быть реализован в стране, которая была расколота и обескровлена тридцатишестилетним режимом Франко.

Это мнение было традиционным в отечественной и зарубежной историографии, в которой принято рассматривать процесс перехода к демократии как последовательный процесс деконструкции политической системы франкизма, не пытаясь вывести его из многолетней политической эволюции режима.

Согласно данной точки зрения в последние годы своего существования франкистский режим переживал глубочайший социальный кризис, связанный с его неспособностью реформировать политическую структуру и решить ряд социальных вопросов, вызванных ускорением экономического развития в 1960–1970-е гг. Кризис системы усугублялся и ухудшением здоровья диктатора.

Следствием явился рост антифракистского движения. Все больше испанцев осознавали необходимость демократических преобразований. Испанская финансовая элита, выросшая и окрепшая в результате экономического скачка, видела авторитаризм Франко главным препятствием на пути вступления страны в ЕЭС.

Франко олицетворял созданный им режим, одним своим присутствием парализуя все попытки его реформирования. И лишь смерть генерала привела к активизации демократической оппозиции, которая смогла преодолеть сопротивление приверженцев «апертуризма» и ликвидировать оставшиеся институты франкизма.

Конечно, созданный Франко режим полностью основывался на его личности. В первую годовщину смерти каудильо Фрага Иррибарне резюмировал: «Франкизм... означает физическое присутствие генерала Франко» (5).

И все же предпосылки и истинные причины удачной демократизации Испании прежде всего следует искать в специфике социально-политической эволюции франкизма после Второй мировой войны. Ведь уникальным является тот факт, что переход Испании к новой политической системе был осуществлен правительством Суареса на основе франкистского законодательства, в котором были заложены механизмы пересмотра действующего порядка.

Благодаря принципиальной позиции Франко, который осознавал возможные последствия войны для режима, и отправки Голубой дивизии на Восточ-

ный фронт, Испании удалось избежать полномасштабного участия в военных действиях, а франкизм в ходе Второй мировой войны не был уничтожен.

Но к 1945 г. возникла необходимость эволюции франкистской политической системы с тем, чтобы выжить в новом послевоенном мире и навсегда порвать с образом франкизма как испанской разновидности фашизма. С этой целью 17 июля 1945 г. кортесами была одобрена «Хартия Испанцев», многие положения которой были созвучны конституциям демократических стран.

Трудовое законодательство было дополнено системой социального страхования: бесплатное медицинское обслуживание, санаторный отдых и др. Единственным условием была политическая лояльность режиму.

6 июля 1947 г. прошел референдум, на котором подавляющее большинство участников проголосовало за преобразование Испании в монархию.

26 июля 1947 г. «Закон о наследовании поста главы государства» объявил Испанию «католическим, социальным и представительным государством, которое в соответствии со своей традицией провозглашает себя конституированным как королевство» (6).

Таким образом, став монархией, Испания приобретала респектабельный внешнеполитический вид королевства.

Следует отметить, что план государственного строительства, предполагающий изменение формы власти, не имеет аналогов среди тоталитарных режимов, к разновидности которых и относят франкизм.

В 1959—1973 гг. Испания переживала интенсивное экономическое развитие, в результате которого страна вышла на восьмое место в мире и на пятое в Европе по объемам промышленного производства, а по объемам ВНП страна заняла 10-е место в мире.

Толчком к интенсивному росту экономики послужил отказ франкистского правительства от политики автаркии в пользу либерализации экономики. Результатом стало увеличение притока валюты от туризма с 385 млн долларов в 1961 г. до 2,5 млрд долларов в 1972 г. и денежных переводов рабочих-эмигрантов, увеличившихся со 116 млн до 1 млрд долларов (7).

Экономическая либерализация в долгосрочной перспективе явилась тем фактором, который поколебал фундамент режима и ослабил его институты.

Стремление к демократизации режима стало следствием экономического скачка, однако оно зародилось в самой Испании в результате социально-экономического развития и эволюции франкизма. Другими словами, демократизм в Испании возник на основе местных традиций и не был привнесен извне.

Другим последствием экономического роста и последующего его спада с 1973 г. стала боязнь испанцев потерять блага, впервые приобретенные ими за долгое время, а также снижение их политических запросов. Помимо этого испанцы хорошо помнили, чего им стоила гражданская война, и отрицательно относились к различным радикальным экспериментам.

Франко как политик-прагматик не мог не осознавать опасности изменений в общественном сознании, поэтому он попытался вернуть политическую инициативу в свои руки.

Каудильо одобрил разработку проекта «Закона о печати», который был принят кортесами 15 марта 1966 г. Закон отменил предварительную цензуру и сыграл важную роль в политической либерализации режима.

С середины 1960-х гг. стали проявляться первые признаки ухудшения здоровья каудильо. Он все чаще проявлял озабоченность по поводу будущего Испании после его смерти. Франко не отказывался от своих убеждений в том, что западный вариант конституционализма не подходит для его страны, но ради последующей интеграции Испании в европейское сообщество каудильо склонился в пользу ограниченной либерализации режима.

Значительным шагом на пути политической модернизации франкизма явилось принятие в 1967 г. «Органического закона» — своего рода конституционного статуса, вводившего ограниченный принцип выборности.

Новая политическая структура режима окончательно оформилась 23 июня 1969 г., когда Хуан Карлос был утвержден кортесами будущим королем Испании.

Хуан Карлос стал ключевой фигурой в определении будущего лица Испании после смерти Франко. Являясь преемником каудильо, он обрел легитимность в глазах франкистского генералитета и высшей бюрократии, что обеспечило мирный процесс демократизации.

Король Испании сыграл уникальную роль в процессе перехода страны от авторитаризма к демократии: возвышаясь над соперничеством различных общественных сил, X. Карлос занял позицию арбитра, примиряя интересы соперников и тем самым обеспечивая планомерное продвижение страны к демократии.

Личность преемника Франко лишний раз свидетельствует о роли франкизма в успешном переходе Испании к демократии. Например, каудильо лично составлял учебный план своего воспитанника, настояв на том, чтобы он жил и учился в Испании.

Впоследствии король отдал должное решению Франко: «Мог бы я сделать то, что сделал в Испании, если бы провел всю юность в Португалии или Швейцарии, если бы возвратившись в свою страну, говорил по-испански с французским акцентом?» (8).

Франко был уверен, что будущее Испании зависело от того, сумеет ли молодой король завоевать молодежь, которая была скептически настроена по отношению к монархической форме правления.

Каудильо оказался прав. Главными сторонниками короля стали его ровесники, представители так называемого «поколения сорокалетних». Они не участвовали в гражданской войне и стремились к демократизации франкизма.

Объясняя, как Испании удалось без больших потрясений мирным путем перейти к демократии, Хуан Карлос обращал внимание на огромное значение политического наследства Франко. Во-первых, король получил поддержку основных политических институтов франкизма, а, во-вторых, сформировавшегося и окрепшего за годы экономического роста среднего класса.

«Я унаследовал страну, которая познала сорок лет мира. И на протяжении этих сорока лет сформировался могучий и процветающий средний класс. Социальный класс, который в короткое время превратился в становой хребет моей страны» (9).

В целом франкизм представлял собой авторитарный режим, призванный обеспечить политическую и экономическую стабильность в обществе на этапе преодоления исторического отставания страны догоняющей модернизации от развитых демократических государств «первого эшелона».

Обеспечив несколько десятилетий стабильного развития государства и преодолев многовековое экономическое отставание Испании к началу 1970-х гг., режим Франко выполнил свое историческое предназначение.

Мирный переход Испании к демократии стал логическим завершением политической эволюции франкизма, в ходе которой был сформирован фундамент новой политической системы Испании.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Franco Salgado Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona, 1976. P. 363.
- (2) Подробнее см.: Transición política y consolidación democratica. España (1975–1986). Madrid, 1992. Р. 16–17; Transición política a la democratia en el Sur de Europa y en America Latina. Madrid, 1981. Р. 372; Пожарская С.П., Хенкин С.М. Испанский вариант перехода к демократии // Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 435.
- (3) Дата попытки военного реакционного переворота правыми силами армии.
- (4) Во-первых, осенью 1977 г. Испания стояла на пороге политического кризиса, вызванного активизацией ультраправых сил. Во-вторых, прогрессирующий с 1973 г. экономический спад, выразившийся в росте инфляции и безработицы, потребовал от правительства срочных мер по его преодолению. Решение данных проблем сделало коалиционную политику необходимой для дальнейшей демократизации Испании.
- (5) «Der Spiegel», 26. XI. 1976.
- (6) Конституции буржуазных государств. М., 1957. С. 521.
- (7) Подробнее см.: Испания. 1918–1972. Исторический очерк. М., 1975.
- (8) *Vilallonga de, J.L.* El Rey: Conversaciones con D. D. Juan Carlos I de España. B., 1993. P. 232.
- (9) *Vilallonga de, J.L.* El Rey: Conversaciones con D. D. Juan Carlos I de España. B., 1993. P. 229.

FRANCO'S SPAIN SOCIAL-POLITICAL EVOLUTION AS THE FOUNDATION OF SPANISH TRANSITION TO DEMOCRACY BETWEEN 1975 AND 1982

A. Glazov

Peoples' Friendship University of Russia *Miklukho-Maklaya Str.*, 6, *Moscow*, *Russia*, 117198

The author of the article brings up the subject of the Spanish democratization between 1975 and 1982. Searching Francoist Spain post-war evolution features, he answers the question: how was it made possible, that the country, survived 36 years of bloody Franco's rule, in the shortest possible time carried out the democratization, based on national consent.

Key words: Spain, Franco's regime, democratization, evolution, Franco.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН 1244 КАК ВОЗМОЖНАЯ ОСНОВА УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОСОВСКОГО КРИЗИСА

А.Г. Анашкина

Московский государственный областной университет *ул. Радио, 10a, Москва, Россия, 105005*

Статья посвящена Резолюции 1244, одному из важнейших документов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, принятых в целях урегулирования кризиса в Косове. Автор анализирует существующие в литературе оценки Резолюции и обосновывает свой взгляд на содержание документа и его роль в урегулировании регионального конфликта. По мнению автора, Резолюция могла бы стать возможной основой нормализации ситуации в Косове лишь при условии отсутствия однополюсности современного мирового порядка.

Ключевые слова: ООН, НАТО, Сербия, Косово, Резолюция 1244.

В конце XX в. международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций столкнулось с необходимостью эффективного реагирования на конфликтную ситуацию в Балканском регионе, в том числе на ситуацию в Косове. Многолетнее противостояние центральной югославской власти и сепаратистских сил Косова к 1998 г. вылилось в острый вооруженный конфликт, в котором одна сторона отстаивала государственную целостность и внутренний суверенитет СРЮ (Союзной Республики Югославии), а другая добивалась независимости, в том числе в рамках деятельности террористической организации ОАК (Освободительной армии Косова).

В этих обстоятельствах ООН должна была реагировать на ситуацию в Косове на основе «принципов справедливости и международного права» согласно Уставу этой организации. Реализуя данную цель, СБ ООН в июне 1999 г. принял Резолюцию 1244, которая до настоящего времени является последней резолюцией СБ ООН по Косово.

Это, однако, не означает, что данный документ в полной мере отвечает современным потребностям правового регулирования косовского кризиса. Ситуация в регионе существенно изменилась, что вызывает необходимость принятия СБ ООН новой резолюции. Как известно, в 2005–2007 гг. были предприняты активные попытки разработать план новой резолюции в рамках санкционированной ООН миссии М. Ахтисаари. Однако миссия не оправдала себя, а проблема так и осталась открытой.

Процесс разработки и принятия Резолюции 1244 проходил в сложной политической обстановке. Призванная учесть интересы обеих сторон конфликта и быть шагом на пути к оптимальному разрешению сложившейся ситуации в крае, она, тем не менее, принималась под сильнейшим давлением США и их союзников по НАТО. Они, в свою очередь, были настроены антисербски, так как преследовали свои стратегические цели в балканском регионе — экономически полностью колонизировать Балканы, получить контроль над маршрутами транспортировки нефти и разместить новые военные базы. Этих целей можно было достичь, только ослабив или даже уничтожив традиционно благоприятные позиции России в ряде стран Балканского полуострова.

Когда прозападный вариант соглашения, предъявленный сербской стороне как ультиматум в процессе «переговоров» конфликтующих сторон в Рамбуйе, был отвергнут, США и их союзники по НАТО начали несанкционированную ООН, давно планируемую вооруженную агрессию против СРЮ.

Проект резолюции, предложенный РФ на рассмотрение СБ ООН и содержавший требование прекратить бомбардировки, был поддержан только РФ, КНР и Нимибией как членами СБ ООН, а также представителями Индии, Белоруссии и ряда других стран, которые были приглашены принять участие в заседании Совета, но не были его членами (1). Россия официально назвала действия НАТО агрессией и военной авантюрой. Однако позиция России в целом, несмотря на такие категорические высказывания, не сопровождалась более серьезными попытками изменить сложившуюся ситуацию.

Тем временем США активно продвигали свой вариант соглашения, которому впоследствии суждено было стать основой резолюции СБ ООН. 1–3 июня в г. Бонне состоялась встреча Специального представителя Президента РФ по Югославии Виктора Черномырдина и Президента Финляндии Мартти Ахтисаари, представляющего ЕС, с заместителем Государственного секретаря США С. Тэлботтом, в результате которой был подписан «Петерсбергский документ», который содержал условия прекращения бомбардировок. Этот документ впоследствии стал одним из приложений к Резолюции 1244.

7–8 июня в г. Бонне состоялось совещание министров иностранных дел «Большой восьмерки» с целью обсуждения текста резолюции СБ ООН, на котором проамериканская позиция одержала верх. Госсекретарь США М. Олбрайт провела переговоры с каждой из сторон совещания в отдельности, склонив их к окончательному принятию основных положений проамериканской позиции (2). В результате принятая 10 июня 1999 г. СБ ООН Резолюция 1244, хотя и не носила откровенно проамериканский характер, но содержала много формулировок, отражавших позицию руководства США и НАТО, и допускавших неоднозначное толкование.

Известный американский общественный деятель и публицист Ноам Хомский отмечал, что по существу есть две версии Резолюции 1244. Одна из них –

это сам документ, а другая – это интерпретация этого документа США и их союзниками по НАТО. Так, согласно букве Резолюции, в Косово должны вводиться международные силы с существенным участием НАТО под эгилой ООН.

Однако в американской прессе принятие Резолюции воспринималось как легитимация оккупации Косова натовскими вооруженными силами. Международные силы, согласно американской трактовке, должны были действовать в регионе не под эгидой ООН, как это записано в Резолюции, а под эгидой НАТО (3). Кроме того, сама возможность реинтерпретации правовой базы сторонниками отделения Косова от Сербии в своих интересах периодически постулировалась в западных научных исследованиях (4).

Действительно, Резолюция 1244 оценивается по-разному. Довольно часто мы встречаемся с высказыванием, что Резолюция носит компромиссный характер, нацелена на поиск политической развязки вооруженного конфликта (5). Позиция РФ по вопросу Косова, согласно которой урегулирование ситуации в крае должно основываться на положениях Резолюции 1244, также исходит из компромиссного характера Резолюции.

В литературе отмечаются положительные стороны Резолюции: подтверждение целостности и суверенитета СРЮ, автономии Косова, демилитаризация ОАК и др. Отмечаются также и недостатки Резолюции, но основной акцент делается на том, что положения Резолюции, которые отвечают интересам сербской стороны, так и не были выполнены (6). В связи с этим анализ содержания самого документа дается, на наш взгляд, недостаточно подробно.

Существует также мнение, что Резолюция априори закрепляет военнополитическое господство НАТО в регионе. Негативная оценка документа вызвана наличием в нем противоречащих друг другу положений, в результате чего закрепленные в Резолюции права СРЮ фактически полностью аннулируются условиями диаметрально противоположной направленности (7).

В свою очередь отметим, что некоторые положения Резолюции сформулированы недостаточно четко. Так, например, даже положение резолюции о целостности СРЮ может трактоваться по-разному. Как пишет академик Е.М. Примаков, в отношении статуса Косова на момент обсуждения условий соглашения между конфликтующими сторонами существовало общее мнение: Косово не является независимым государственным образованием. Однако США настаивали на следующей формулировке: Косово – часть Югославии, а не часть Сербии (8). Принятие проамериканской позиции и включение в Резолюцию именно такой формулировки после распада СРЮ стало использоваться сторонниками независимости Косова как дополнительный аргумент в пользу создания им самостоятельного государства.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, как именно сформулировано положение об автономии Косова в Резолюции: «население Косово смо-

жет пользоваться существенной автономией в рамках СРЮ» (9). В Резолюции также встречается формулировка, в которой говорится о существенной автономии Косова, но не уточняется ее территориальная принадлежность. Таким образом, в документе опускается вопрос о территориальной принадлежности Косова к Сербии, но при этом и не говориться, что Косово становиться субъектом Федерации. Отметим также, что хотя в настоящее время СРЮ не существует, Сербия является продолжателем членства СРЮ в ООН, а в Конституции этой страны прописано, что регион Косово и Метохии входит в ее состав.

Действительно, в качестве субъекта в Резолюции везде выступает СРЮ, и нет ни слова о Сербии. Это объясняется тем, что Сербия не была на тот момент самостоятельным государством, а входила в состав СРЮ, поэтому не могла обладать признаком государства — суверенитетом. В связи с этим Резолюция подтверждает целостность и суверенитет СРЮ и не содержит утверждения о суверенитете Сербии. Гораздо важнее, на наш взгляд, то, что положению о суверенитете СРЮ противоречит ряд других положений Резолюции.

В этой связи нельзя не упомянуть ссылки на «соглашения, заключенные в Рамбуйе» (10), которые, согласно условиям Резолюции, следует принимать во внимание в полной мере. Между тем соглашения в Рамбуйе представителями СРЮ подписаны не были, а содержание их гораздо шире содержания обсуждаемого в настоящей статье документа. Исследователи, с которыми нельзя не согласиться, с полным основанием оценивают условия, предложенные сторонам конфликта в Рамбуйе не как возможное соглашение, а как ультиматум, который заключался в установлении протектората НАТО не только над территорией Косова, но и над территорией всей СРЮ, а также завершение процесса легитимации ОАК (11).

Нельзя не обратить внимания на структуру Резолюции, которая имеет не чисто логический, а скорее политический смысл. После ряда общих вводных положений Резолюция практически начинается с требований немедленно прекратить репрессии и насилие Союзной Республикой Югославия, вывода из Косова всех военных, полицейских и военизированных сил. Такое же требование к СРЮ содержится в аналогичной формулировке в обоих приложениях. А условие о демилитаризации террористической ОАК включено в один из последних пунктов Резолюции и затем встречается только в приложении 1, но не как важнейший самостоятельный принцип политического урегулирования косовского кризиса, а лишь в составе одного из принципов.

Кроме того, в перечне обязанностей международного присутствия по безопасности первым пунктом стоит вывод из Косова, находящихся там на законных основаниях, союзных и республиканских военизированных сил, а лишь потом — демилитаризация террористической АОК. И самое главное: отсутствие в тексте документа осуждения со стороны СБ ООН несанкционированных бомбардировок вооруженными силами НАТО территории Югославии по сути является их одобрением и возложением всей полноты ответственности за случившееся на СРЮ.

Нет сомнения, что Резолюция 1244 наряду с уже упомянутыми выше позитивными положениями содержала и другие: провозглашалось стремление урегулировать косовский кризис на основе целей и принципов Устава ООН, защищать и поощрять права человека, ставилась задача обеспечить безопасное и свободное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц в свои дома и условия для налаживания мирной и нормальной жизни для всех жителей Косова. Резолюция осуждала все акты насилия в отношении населения Косова и террористические акты с любой стороны.

Несмотря на требование вывода государственных военизированных сил из Косова, Резолюция содержала тезис о возврате согласованного числа югославского и сербского военного и полицейского персонала для осуществления определенных функций: в сотрудничестве с международным присутствием ими должны были осуществляться разметка/разминирование минных полей, охрана сербских святынь, несение службы на ключевых погранзаставах.

Хотя объем указанных полномочий далек от объема полномочий подобных структур в суверенном государстве, их выполнение было крайне важно в тогдашнем Косове. В Косове расположены около 1300 храмов и монастырей, принадлежащих Сербской православной церкви, возведенных в XII–XX вв. За год присутствия миротворцев в Косове было разрушено более 85 средневековых религиозных объектов и памятников истории и культуры (12). После событий, произошедших в марте 2004 г., Генеральный директор ЮНЕСКО резко осудил факты разрушения богатого культурного наследия края и напомнил, что тем самым «разрушают не столько здания, сколько историю и культурную самобытность» (13). В свою очередь, должным образом охраняемая сербская граница могла бы препятствовать незаконному перемещению через нее боевиков, оружия и др. Вместо этого, с момента вывода югославских пограничных сил из края, международные границы СРЮ в районе Косова оставались практически открытыми (14).

Край становился центром терроризма, организованной преступности, незаконной торговли оружием и наркотиками. Все это происходило при попустительстве международного присутствия, положения Резолюции игнорировались или трактовались в русле интересов США и их союзников по НАТО.

Действительно, большинство условий Резолюции 1244 не были выполнены, так как урегулирование косовского кризиса с самого начала проходило под жестким диктатом НАТО. Но и сама Резолюция, хотя она и давала возможность нормализации ситуации в крае, ставила эту возможность в зависимость от того, насколько крепким было государство СРЮ, и от линии, проводимой международным гражданским присутствием и присутствием по безо-

пасности, США и НАТО, а также руководством Сербии. Поэтому с момента принятия данного документа мы видим не воплощение в жизнь «недвусмысленных» положений Резолюции, а их различную трактовку и реализацию плана стран НАТО. В условиях однополюсного мира Резолюция 1244 стала ступенью к изменению статуса Косова и достижению странами НАТО своих стратегических целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Заседание СБ ООН от 24 марта 1999 года [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. 1999. Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/852/11/PDF/N9985211.pdf?OpenElement.
- (2) Госпожа Госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. М., 2004. С. 546.
- (3) *Наом Хомский*. Новый военный гуманизм: Уроки Косова / Пер. с англ. Л.Е. Переяславцева. М., 2002. С. 202, 206–207, 209.
- (4) *Erika de Wet*. The Governance of Kosovo: Security Council Resolution 1244 and the Establishment and Functioning of Eulex // The American Journal of International Law. 2009. Vol. 103. No. 1. P. 95–96.
- (5) См.: Кузнецов Д.В. Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения. М., 2009. С. 271–272; Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. Курс лекций. М., 2012. С. 284; Гришаева Л.Е. ООН: кризис миротворчества (Косовский вопрос. 1999–2008 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. М., 2008. № 4. С. 142; Yannis A. Kosovo under International Administration // Survival: Global Politics and Strategy. London., 2001. Vol. 43/2. Р. 35–36.
- (6) См.: Волков В.К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х годов [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. М., 2002. № 2. Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VOLKOV.HTM; Гуськова Е.Ю. Продолжающийся балканский кризис и политика России [Электронный ресурс] // Обозреватель. М., 1998. № 12. Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N12_99/12_11.HTM; Мартынова М.Ю. Сербия-Черногория-Косово: одно государство или три? М., 2006. С. 40–41.
- (7) См.: *Барышев А.П.* Мировая политика и организация объединенных наций 1945—2009 [Электронный ресурс] // Идеология и политика. М., 2009. Режим доступа: http://www.barichev.ru/book/index.php.
- (8) *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009. С. 186.
- (9) Резолюция СБ ООН № 1244 от 10.06.1999 г. [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. 1999. Режим доступа: http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement.
- (10) Там же
- (11) *Наом Хомский*. Новый военный гуманизм... С. 188–189; *Гуськова Е.Ю*. Динамика косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса. – М., 1999. – С. 65.
- (12) Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 685.

- (13) Генеральный директор ЮНЕСКО: «В Косово разрушают не столько здания, сколько историю и культурную самобытность» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). 2004. Режим доступа: http://www.unesco.org/bpi/rus/pdf/04-27-Russe.pdf.
- (14) *Бухарин Н*. НАТО и «стабилизация» косовского кризиса [Электронный ресурс] // Обозреватель. М., 2000. № 10–11. Режим доступа: http://www.rau.su/observer/ N10-11_00/index.htm.

SECURITY COUNCIL RESOLUTION 1244 AS A POSSIBLE BASIS FOR THE SETTLEMENT OF THE KOSOVO CRISIS

A. Anashkina

Moscow State Regional University Radio Str., 10a, Moscow, Russia, 105005

The article is devoted to Resolution 1244, one of the most important documents of the Security Council of the United Nations which was adopted in 1999 to resolve the crisis in Kosovo. The author analyzes different views on Resolution in scientific literature and expresses her assessment of the document's content and its role in the settlement of the regional conflict. In author's opinion, the resolution could become a possible basis for normalization of the situation in Kosovo if the modern world order were not unipolar.

Key words: UN, NATO, Serbia, Kosovo, Resolution 1244.

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

СИТУАЦИЯ НА ТИБЕТЕ В 1950-Х ГГ.: ПОЛИТИКА МАО ЦЗЭДУНА И ДАЛАЙ ЛАМЫ

Чжун Жуй

Российский университет дружбы народов ул. *Миклухо-Маклая*, 10, *Москва*, *Россия*, 117198

В статье на основании документов и воспоминаний, а также с привлечением специальной литературы рассматривается важный момент в истории современного Китая: события в середине прошлого века, обусловившие ввод войск НОАК на Тибет, и мнения по этому поводу Председателя КНР Мао Цзэдуна и духовного лидера Тибета Далай ламы. Изучается ситуация на Тибете, действия руководства КНР и тибетских лидеров, причины, обусловившие бегство Далай ламы в Индию в 1959 г.

Ключевые слова: Тибет, Китай, Индия, Мао Цзэдун, Далай лама, Дж. Неру, НОАК.

15 августа 1947 г. доминион Британская Индия завершил свою историю, и на политической карте мира вместо одной Индии появились два государства — Индия и Пакистан. Несколько ранее того, в июле 1947 г., правительство Великобритании и временное правительство Республики Индия приняли решение, что все права и привилегии прежней британской администрации на Тибете переходят к правительству Индии (1).

Следует отметить, что решение по Тибету игнорировало очевидное обстоятельство: он традиционно находился в зоне влияния Китая, и Лхаса стала проводить относительно независимую политику лишь со времени падения династии Цин в 1911 г., когда в стране более трех десятилетий не было единой центральной власти (2). Следовательно, были все основания для того, чтобы вскоре после объявления о создании Китайской Народной Республики (КНР, 1 октября 1949 г.) новые китайские власти заявили о необходимости вернуть все отторгнувшиеся в ходе гражданской войны земли под управление центрального правительства.

Становление КНР шло в непростых условиях. КПК воспринималась многими в Китае как партия, выступающая с позиций крайнего атеизма и борьбы с любым инакомыслием. Как часто бывало в условиях перемен, религия стала восприниматься не только как наследие предков, но и как идентификационный показатель.

Нередкими были гонения на религиозные организации и верующих, многие монастыри были закрыты, монахи репрессированы либо возвращены в мир. Особенно тяжело подобного рода трансформации проходили среди населения национальных окраин, чей многовековой уклад был в значительной степени связан с религиозными представлениями, в частности среди представителей не-ханьских народов: тибетцев, монголов, уйгуров, хуэйцев и др.

Партийные лидеры уделяли Тибету большое внимание. Как отмечал Мао Цзэдун: «Хотя Тибет не имеет большого населения, его международное [стратегическое] положение является чрезвычайно важным. Поэтому мы должны занять его и превратить в демократический народный Тибет» (3). В начале января 1950 г. Мао Цзэдун писал из Москвы, что признание КНР правительствами таких стран, как Пакистан, Индия и Великобритания, создает благоприятные условия для направления на Тибет войск и возвращения его в лоно Родины.

Для переговоров с центральным правительством руководители Тибета направили высокопоставленных сановников В.Д. Шакабпу и Цечхага Тубтена Гьялпо, известных в своей стране политиков. Переговоры состоялись в Дели, но каких-либо результатов достигнуто не было.

В литературе обычно не заостряют внимание на период, когда армия Китая заняла Тибет. В частности, один из видных современных специалистов по истории Тибета Э. Сперлинг пишет: «Организация современного Китая эволюционировала частично в ответ на спорадическую необходимость; она приняла современную форму лишь спустя время после образования КНР» (4).

Между тем источники показывают, что Мао Цзэдун был уверен в необходимости вернуть Тибет в состав Китая как можно скорее. Он писал: «Если из-за географических и погодных условий мы не сможем войти в Тибет с середины мая до середины сентября 1950 г., то это должно быть перенесено на 1951 г.» (5). Было принято решение ускорить подготовку войск перед осенней распутицей, и уже в начале октября 1950 г. НОАК частями Юго-западного военного округа во главе с генералом Чжаном Гохуа стала продвигаться к Лхасе. 10 ноября 1950 г. была выпущена прокламация НОАК, где отмечалось: «Войдя в Тибет, НОАК будет защищать жизнь и имущество всех религиозных организаций и народа Тибета, защищать ламаистские монастыри и храмы, помогать тибетскому народу развивать его образование, сельское хозяйство, животноводство, промышленность и коммерцию, чтобы улучшить жизнь народа. Существующая политическая и военная система на Тибете не будут меняться» (6).

Мао уделял внимание и индийскому фактору, поскольку Индия также имела многовековые связи с Тибетом, основывавшиеся, прежде всего, на ре-

лигии. Мао отмечал, что «в настоящее время Индия выступила с заявлением, где признала, что Тибет является частью китайской территории, но надеется, что вопрос может быть решен мирным, а не военным путем». Обращаясь к прошлому опыту, он указывал, что в колониальный период «Британия не позволяла тибетским делегациям приезжать в Пекин, теперь же это возможно».

Вместе с тем Мао отдавал должное военной стороне разрешения зарождающейся проблемы: если произойдут боестолкновения, то части НОАК смогут уничтожить основные силы тибетской армии и занять определенную территорию; в этом случае тибетская делегация, конечно, прибудет в Пекин для мирного разрешения проблемы путем переговоров. В таком повороте событий он видел шанс для руководства страны достичь целей, разрешая как минимум две задачи: во-первых, военные успехи НОАК подтолкнут тибетцев отправить делегацию в Пекин; во-вторых, появится возможность показать премьеру Дж. Неру приоритетность для руководства КНР путей мирного разрешения спорных моментов с тибетской администрацией, что также уменьшит его боязнь перед армией КНР (7). Очевидно, что для Мао был важен комплексный подход к разрешению вопроса с возвращением Тибета, и он с уважением относился к мнению индийской стороны.

В сложившихся обстоятельствах 17 ноября 1950 г. Национальная ассамблея Тибета передала всю полноту власти пятнадцатилетнему Далай ламе и посоветовала ему временно выехать из Лхасы. Далай лама отбыл в монастырь Донкар у индийской границы и перевез туда некоторое количество золота и серебра (8). Он понимал, что без международной поддержки Тибету будет тяжело противостоять давлению со стороны Пекина, и надеялся на поддержку со стороны ООН. Однако его надежды не сбылись; вопрос не был включен в повестку дня ООН. Далай лама писал, что «мы... были поражены, когда услышали, что вопрос был отложен по предложению Британии», с которой «у нас были очень дружеские отношения... на протяжении долгого времени» (9). События развивались так, как и предполагал Мао Цзэдун: тибетскому лидеру ничего не оставалось делать, как выслать новую делегацию во главе с Нгабо Нгаванг Жигме в Пекин, куда она прибыла в апреле 1951 г.

После трудных переговоров 23 мая 1951 г. тибетцами был подписан договор, известный как «Соглашение между Центральным народным правительством и автономным правительством Тибета о мерах по мирному освобождению Тибета» (известный также как «Договор из 17 пунктов»).

Согласно первому пункту Соглашения Тибет возвращался в большую семью матери-родины – КНР. Вторая статья давала разрешение на присутствие на Тибете частей НОАК, согласно восьмой все подразделения тибетской армии должны были войти в состав НОАК. Четырнадцатая статья утверждала, что внешние сношения Тибета будут вестись только Пекином. Власти КНР гарантировали сохранение политической системы, положение и роль Далай ламы и Панчен ламы. Тибет получал региональную автономию, все преоб-

разования должны были происходить только после их утверждения высшими руководителями этого региона (10).

После согласования всех пунктов 9 сентября 1951 г. солдаты НОАК вошли в Лхасу.

Мао считал, что нет никакой необходимости ускорять события (в части реализации положений Соглашения) в регионе, где относительно долгое время не было центрального влияния. Он писал, что через несколько лет дела будут обстоять иным образом, когда Далай лама и верхушка тибетского общества не будут иметь иного выбора, кроме как выполнять соглашения в полном объеме. Мао допускал вероятность отдельных восстаний, бунтов среди тибетских военных, но чем вероятнее бунты, тем больше он видел возможностей для последующей реорганизации военной и иных систем Тибета. Китайский лидер сделал вывод: следует быть готовыми идти на уступки, выждать подходящие условия, чтобы подготовиться к наступлению в будущем и разом решить многие проблемы (11).

В последующие три года шло тесное взаимодействие китайской и тибетской сторон в части постепенных трансформаций существовавших на Тибете порядков и отношений. Уважение к фигуре Далай ламы проявилось и в том, что в 1954 г. он был приглашен в Пекин для участия в работе Национальной ассамблеи народов Китая, когда планировалось принять Конституцию.

По пути в Пекин, когда делегация проезжала через Синин, к нему присоединился Панчен лама, бывший на четыре года младше Далая. Мао был осведомлен о давнем соперничестве между Далай ламой, пребывающем в Лхасе, и Панчен ламой, чей монастырь находился в Шигацзе, что в 250 км западнее Лхасы. Вероятно, поэтому власти страны стремились получить сотрудничество и поддержку в первую очередь от Панчен ламы, чтобы тем самым придать духовную легитимность включению Тибета в состав нового Китая (12).

В Пекине Далай лама имел встречи с Председателем Мао Цзэдуном, вице-президентом Чжу Дэ и премьером Чжоу Эньлаем. Духовные лидеры тибетцев получили высокие должности – Далай лама был избран заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП, а Панчен лама – членом этого комитета. Далай имел возможность более полугода провести в путешествиях по Китаю, общаться с разными социальными группами, и он отмечал позитивные преобразования в Китае, выделяя недостатки (13).

Между тем центральное китайское правительство отпустило значительные средства для экономического подъема Тибета. Строились медицинские учреждения в Лхасе, Шигацзе, Чамдо, в 1953–1955 гг. на Тибете работало более 400 китайских врачей и медсестер, было подготовлено 170 тибетских медиков. Открывались светские школы (14).

Здесь надо отметить, что центральное правительство Китая понимало под Тибетом только ту часть, на которое признавало политическое влияние руководства из Лхасы. Следовательно, «политический Тибет» обычно соотносился с областью, которая была под управлением правительства в Лхасе, тогда как

«этнографический Тибет» подразумевал под собой тибето-язычные районы в китайских провинциях Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, с севера и востока охватывающие тибетское плато (15).

1956 г. был насыщен различными политическими событиями: создан Подготовительный комитет Тибетского автономного района (ПКТАР, из 51 членов только пять были китайцами (16)), а Далай лама посетил Индию по приглашению премьер-министра этой страны Дж. Неру для участия в празднике дня рождения Будды. На встрече с Дж. Неру Далай выразил озабоченность ситуацией в восточном Тибете и сказал, что «хотел бы остаться в Индии до тех пор, пока мы не сможем получить свободу мирными средствами» (17). Можно сказать, что это фактически было первое обращение Далай ламы к индийскому руководству за политическим убежищем. По воспоминаниям Далай ламы, Дж. Неру заметил, что «никто никогда не признает независимость нашей страны... (т.е. Тибета). Он рекомендовал мне вернуться в Тибет и попытаться мирным путем добиться исполнения соглашения из 17 пунктов» (18).

Китайские власти понимали, что Далай лама может пожелать остаться в Индии и даже выступать против китайского присутствия на Тибете. Мао Цзэдун отмечал, что «мы никогда не будем инициировать наступление, и вместо этого дадим им самим возможность начать наступление. Затем мы перейдем в контрнаступление и безжалостно сокрушим тех, кто начал наступление» (19).

По воспоминаниям Далай ламы, Чжоу Энь-лай знал о его планах остаться в Индии, и уговаривал братьев тибетского лидера повлиять на его сомнения и вернуться на Тибет, поскольку «если я не вернусь, это может принести только вред мне и моему народу» (20).

1 апреля 1957 г. Далай лама вернулся в Лхасу.

Перед его возвращением в середине марта 1957 г. ЦК КПК принял «Замечания по решениям Рабочего комитета по Тибету по будущей работе в Тибете». В нем отмечались основные направления работы КПК с тибетцами: «во-первых, мы должны продолжать выполнять общую работу против верхушки, клики Далай ламы, в качестве основной цели. Во-вторых, мы должны и впредь обращать внимание на подбор и обучение тибетских кадров. В дополнение к подготовке некоторых на местах небольшое количество молодых людей может быть направлено на учебу вглубь страны. В-третьих, мы должны продолжать развивать экономические и культурные предприятия и учреждения, которые приветствуются массами, одобрены верхней прослойкой, работать должным образом, чтобы оказывать благоприятное воздействие на массы. В-четвертых, мы должны продолжать настаивать на том, что национальная оборона, иностранные дела и национальные дороги оборонительного значения должны быть помещены под контроль центрального правительства. В-пятых, мы должны использовать различные надлежащие средства для проведения патриотического воспитания в тибетской верхней прослойке и в массах, выступая против деятельности сепаратистов» (21).

Тем не менее, несмотря на постоянную работу с людьми и выделение немалых средств на развитие Тибета, ситуация как в Лхасе, так и в целом в Тибете выходила из-под контроля центральных властей. Тяжело продвигались в целом все реформы, что следовало объяснить, видимо, значительной консервативностью тибетского общества и отсутствием согласованных действий между китайскими и тибетскими властями. Кроме того, с первой половины 1956 г. в различных районах Тибета стали проявлять активность партизаны. В 1958 г. подпольными силами был создан союз «Тенсунг Дхангланг Магар» (Добровольческие силы для защиты Учения).

Мао Цзэдун отмечал, что восстание тибетцев, если оно случится, в целом облегчает задачу борьбы с враждебными элементами: «первоначально военные силы, подготовленные тибетскими правителями, были довольно слабыми, но сейчас они обладают повстанческими силами в 10000 человек, чей боевой дух относительно высок. Это опасный противник для нас. Но это не обязательно плохо, а скорее, может быть и к лучшему, потому что он позволяет нам решить проблему с помощью войны» (22).

Ситуация резко изменилась в начале марта 1959 г., когда Далай ламу пригласили на театрализованное представление в китайский военный лагерь, разбитый в трех километрах от Норбулингка, летнего дворца Далая. 10 марта, когда должно было состояться представление, толпы тибетцев окружили Норбулингку, чтобы не допустить выезда своего лидера в военный лагерь. В последующие дни Лхаса была охвачена беспорядками и волнениями (23). Вскоре произошло открытое столкновение между китайскими солдатами и демонстрантами. Далай лама принял решение бежать в Индию, что и случилось в ночь на 17 марта 1959 г. (24).

Как отмечалось выше, главы КНР в целом ожидали подобного развития событий. Мао Цзэдун отмечал позитивную сторону этого восстания – благодаря ему было бы легче провести реформы: «если ситуация будет развиваться в этом направлении, не исключено, что тибетский вопрос может быть принудительно (а если принудительно, то это было бы очень хорошо) разрешен в более раннее время» (25). Более того – Мао, осведомленный о выражавшемся Далай ламой желании остаться в Индии, не исключал возможности бегства туда руководителей Тибета. Он указывал: «Если Далай лама и его окружение побегут [из столицы Тибета], то нашим войскам не следует пытаться остановить их. Пусть даже [тибетцы] направляются в южный Тибет и в Индию, их следует просто отпустить» (26).

Тем не менее, исходя из понимания текущей политической ситуации Мао считал важным указать, что Далай ламе следует выполнять Соглашение из семнадцати пунктов, реализовывать обещания, которые он сделал в прошлом, и поддерживать отношения с центральным правительством. Если Далай лама не сможет следовать любому из этих положений, то «тибетский народ будет ущемлен и в конечном итоге покинут людьми» (27).

Политбюро ЦК КПК обращало особое внимание на поддержание мира и порядка в Лхасе, на предупреждение беспорядков. Как видно из упоми-

наемых нами источников, руководство КПК и КНР предполагало различные варианты событий, даже бегство Далай ламы, но расценивало это возможное событие как повод для углубления реформ. Допускалось также, что специально задерживать Далай ламу не стоит.

Таким образом, использование армией артиллерии против демонстрантов в Лхасе утром 17 марта было осуществлено без ведома и разрешения высшего китайского руководства. Как отмечается в издании «Важные события истории КПК на Тибете, 1949—1994 гг.», это было личным решением младшего офицера Жэнь Хуэйшена, который все последние дни находился в стрессовом состоянии из-за сложной ситуации в городе (28). И только 19 марта коммунистическим органам Тибета стало известно, что Далай лама бежал ночью 17 марта.

После бегства Далай ламы ситуация на Тибете стала резко осложняться. Тибетские повстанцы обосновались в Мустанге (регион в Непале, где традиционно проживали тибетские народности), они получали военную и иную помощь также от правительства Индии. США использовали возможности ЦРУ по доставке вооружений и боеприпасов в партизанские лагеря, тренировали тибетцев в своих лагерях в Колорадо. Вооруженная поддержка США прекратилась в 1969 г., окончательно вся операция по поддержке сил сопротивления была свернута лишь в 1974 г. (29).

21 марта ЦК КПК издал документ «Решения по некоторым вопросам политики в осуществлении демократических реформ в Тибете путем подавления восстания». В нем отмечалось, что в сложившихся условиях преобразования должны исходить из понимания локальной специфики, уважения к традициям, но вместе с тем придерживаясь партийной линии на демократизацию общества (30).

28 марта было опубликовано Постановление Государственного совета КНР о роспуске правительства Тибета. В ответ на следующий день Далай лама и его окружение создали новое правительство, чья «формальная инаугурация прошла в дзонге Лхунцзе» (31). В своих воспоминаниях Далай лама описывает маршрут бегства и отмечает, что последним пунктом был Ман-Манг, находившийся рядом с местечком под названием Таванг.

Всего в Индию из Тибета в 1959 г. бежало около 80 тыс. чел. (32).

На индийской территории беженцев встречали журналисты и региональные индийские официальные лица. Далай ламе передали телеграмму от Дж. Неру: «Мои коллеги и я приветствуем Вас и посылаем наши поздравления по случаю Вашего благополучного прибытия в Индию. Мы будем счастливы предоставить необходимые средства и удобства для Вас, Вашей семьи и свиты, необходимые для пребывания в Индии. Народ Индии, который Вас так почитает, без сомнения, сохранит традиционное уважение к Вашей личности. Добро пожаловать» (33). С этого времени начался новый этап развития отношений как между Далаем и центральным правительством Китая, так и между КНР и Индией.

Фигура Далай ламы играла большую роль в истории как самого Тибета, так и соседних регионов, фактически Далай был духовным наставником для лидеров соседних с Тибетом народов. Между императорами Китая и Далай ламой традиционно существовали отношения «наставник – милостынедатель», которые в том числе подразумевали известную степень подчинения Лхасы Пекину. Далай ламы и их представители неоднократно бывали в столице империи, когда в ходе переговоров уточнялись позиции и определялась совместная политика в разрешении разных вопросов и ситуаций.

С началом нового этапа в истории Китая руководители КПК и правительства пытались вернуть Тибет в состав КНР, опираясь прежде всего на фигуру Далая, его значимую роль как в истории Тибета, так и в контексте китайско-тибетских отношений. Мао Цзэдун и его окружение искали возможные пути и сферы совместных интересов с тибетским лидером, при этом их политика исходила из понимания того обстоятельства, что Тибет с давних времен имел особые отношения с Китаем.

Между тем политика Далай ламы в 50-е гг. прошлого века в отношении Пекина определялась не столько реминисценциями прошлых обстоятельств, сколько контекстом всех тех бурных событий, которые охватили Тибет наряду с другими частями страны. Известное влияние на него оказали и ближайшее окружение, стремившееся сохранить достигнутую независимость, и общая нестабильность ситуации в Лхасе в связи с присутствием войск.

При изучении современной ситуации на Тибете следует исходить из того объективного обстоятельства, что обретение им независимости в начале прошлого века случилось на основании процессов, охвативших в то время весь Китай: кризис Цинской династии, революция и гражданская война, японская оккупация. Председатель Мао Цзэдун проводил в отношении Тибета политику по нескольким основным направлениям: военное подчинение; вовлечение рядовых тибетцев в преобразования; реформирование административного руководства регионом; уделялось внимание всем тибетским правителям, особенно Далай ламе и Панчен ламе; получение зарубежной поддержки. Ввод частей НОАК на Тибет в 1949 г. имел, кроме позитивных, также определенные негативные последствия, в частности бегство Далай ламы в Индию в 1959 г. и ухудшение отношений между Китаем и Индией, что оказало свое воздействие на возникновение пограничной войны 1962 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Wei Ling Leng zhan hou zhong yin guan xi yan jiu [Вэй Лин. Исследование китайскоиндийских отношений после холодной войны]. – Пекин: Zhong guo zheng fa da xue chu ban she, 2008. – Р. 21. Об особом значении Тибета для Индии см.: Tibet and India's Security: Himalayan Region, Refugees and Sino-Indian Relations. – New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2012.
- (2) Fan Ming xing Qing mo min chu zhong ying (yin) guan xi zhong de xi zang wen ti --- Qing mo min chu zhong guo zheng fu wei hu xi zang zhu quan de nu li // Nan ya yan jiu ji kan [Фань Минсин. Проблема Тибета в китайско-британских (индийских) отно-

- шениях в конце династии Цин и начале республики Китай Усилия китайского правительства по сохранению суверенитета над Тибетом в конце династии Цин и начале республики Китай // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии]. Чэнгду: Si chuan da xue nan ya yan jiu suo, 2011. IV квартал. Р. 90—99.
- (3) Jianguo yilai Mao Zedong wengao [Записки Мао Цзэдуна со времени основания Народной Республики]. Пекин: Zhongyang wenxian, 1987. Vol. 1. Р. 208.
- (4) *Sperling E.* The Tibet-China Conflict: History and Polemics. Washington: East-West Center, 2004. P. 8.
- (5) Jianguo yilai... P. 208.
- (6) *Кузьмин С.Л.* Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб., 2010. С. 179.
- (7) Jianguo yilai... P. 475–477.
- (8) Далай лама. Моя страна и мой народ. М., 2000. С. 84–85.
- (9) Там же. C. 85.
- (10) Там же. С. 88–89; *Цепон В.Д. Шакабпа*. Тибет. Политическая история. СПб., 2003. С. 318–323. Полный текст соглашения приводит в своей книге С.Л. Кузьмин: *Кузьмин С.Л*. Указ. соч. С. 186–189. Современную точку зрения правительства Далай ламы на соглашение см.: Facts about the 17 point agreement between Tibet and China. DIIR Publications, 2001.
- (11) Mao Zedong xizang gongzuo wenxuan [Избранные работы Mao Цзэдуна по тибетским делам]. Пекин: Zhongyang wenxian and Zhongguo zangxue, 2001. P. 63–64.
- (12) Jianguo yilai... P. 450.
- (13) Далай лама. Указ. соч. С. 120-121.
- (14) Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 208.
- (15) *Melvyn C. Goldstein* The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet and the Dalai Lama. Berkeley: University of California Press, 1997. P. X–XI.
- (16) Далай лама. Указ. соч. С. 123.
- (17) Там же. С. 150.
- (18) Там же. С. 150.
- (19) Dangdai zhongguo de Xizang [Современный китайский Тибет]. Т. 1. Пекин: Zhongguo shehui kexue, 1991. Р. 43.
- (20) Далай лама. Указ. соч. С.152.
- (21) Dangdai zhongguo... P. 232.
- (22) Mao Zedong Xizang... P. 164.
- (23) Богословский В.А. Тибетский район КНР. М., 1978. С. 79–87.
- (24) *Shakya Ts*. The Dragon in the Lands of Snow: A History of Modern Tibet Since 1947. London, 1999. P. 185–211.
- (25) Dangdai zhongguo... P. 253.
- (26) Zhonggong Xizang dangshi dashi ji, 1949–1994 [Важные события истории КПК на Тибете, 1949–1994]. Лхаса: Xizang renmin, 1995. Р. 91.
- (27) Mao Zedong Xizang... P. 165.
- (28) Zhonggong Xizang... P. 93.
- (29) *Carole McGranahan*. Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War. Duke University Press, 2010. Р. 9. Более подробно об американской помощи см.: *Кузьмин С.Л.* Скрытый Тибет... С. 248–250.
- (30) Zhonggong Xizang... P. 96–97.

- (31) Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 245.
- (32) *Кузьмин С.Л.* Указ. соч. С. 246. В настоящее время там проживает более 120 тыс. беженцев. См.: *Wei Ling*. Leng zhan hou zhong yin guan xi yan jiu [*Вэй Лин*. Исследование китайско-индийских отношений после холодной войны]. Пекин: Zhong guo zheng fa da xue chu ban she. 2008. Р. 198.
- (33) Далай лама. Указ. соч. С. 220.

THE SITUATION IN TIBET IN THE 1950S: POLICY OF MAO ZEDONG AND THE DALAI LAMA

Zhong Rui

Graduate student
of the Department of World History
of the Faculty of Humanities and Social Sciences
of Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay Str., 10, Moscow, Russia, 117198

In the article on the basis of documents and memoirs, as well as using the literature, which deals with an important moment in the history of modern China, the author studies the events in the middle of the last century that led to the PLA troops entering Tibet, and opinions of PRC Chairman Mao Zedong and the Tibetan spiritual leader the Dalai Lama. There also are studied the situation in Tibet, the actions of the Chinese and Tibetan leaders, the reasons for the flight of the Dalai Lama to India in 1959.

Key words: Tibet, China, India, Mao Zedong, the Dalai Lama, Nehru, PLA.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Г.Г. Корноухова Е.С. Луковкина

Кафедра истории России Российский университет дружбы народов ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье решается вопрос о правомерности существования бытующего в китайской историографии положения о национальной специфичности китайского феминизма. Наложение выявленных особенностей китайского женского движения (при сопоставлении с западноевропейским феминизмом) на матрицу с перечнем особенностей женского движения в Советской России 1920-х гг. и эпохи сталинизма привело к совпадению выявленного контента. Полученный результат переводит «уникальное» в категорию «общего», характерного для гендерной истории двух социалистических государств рассмотренного периода.

Ключевые слова: женское движение, женская история, женские исследования, китайский феминизм, гендерный статус, китайская историография, КНР.

В современную эпоху, несмотря на активизацию средств массовой информации, расширяющиеся научные, профессиональные, бытовые связи с западными странами, Китай по-прежнему остается малоизученной и недостаточно хорошо понимаемой европейцами страной. В истории Китая до сих пор наблюдаются заметные лакуны, ждущие своего заполнения. Причина сложившегося положения, очевидно, связана с идеологическим контролем, сдерживавшим долгие десятилетия активность исследователей в проработке «неудобных» или малозначащих с точки зрения власти вопросов. Политика открытости обусловила значительные перемены в научно-исследовательской жизни КНР. Так называемая «академическая глобализация» привела к восприятию исследователями «западных теорий». Следствием этого стало появление в рамках социальной истории нового направления в исследованиях — «женская история», «женские исследования» (1).

Отечественные авторы отмечают рост устойчивого интереса китайских исследователей к исторической феминологии, но одновременно указывают на определенную односторонность выводов научных работ китайских коллег, лишаемых тем самым необходимой научной объективности (2). Подоб-

ная ситуация порождает актуальность параллельного обращения российских авторов к изучению различных вопросов гендерной истории китайского общества.

В частности, в китайской историографии активно звучит рефрен о национальной специфике женского движения в Китае при сопоставлении его с соответствующими процессами в Европе. Это положение присутствует также в работах китайских исследователей, публикующихся в отечественных изданиях, где в частности указывается: «Развитие китайского женского движения несет исключительно китайские особенности и проходит по другому пути, чем западный феминизм» (3). В этом смысле для выяснения степени справедливости утверждения китайских исследователей целесообразным становится сопоставление истории развития «женского движения» Китая и России, страны, также претендующей на свою отличность.

Что касается положения женщин в Китае, то здесь они находились в еще более угнетенном состоянии, чем в дореволюционной России.

Образ жизни, который вынуждена была вести каждая китаянка, имел затворнический характер и был строго изолирован от мужчин: женщины не имели права показываться на глаза никому из них, за исключением своего отца. Даже братьям не всегда разрешалось видеться с сестрами, зачастую семейные трапезы происходили раздельно по половому принципу. Женщина оставалась абсолютно бесправным существом и была лишена даже возможности самостоятельно решать вопрос о собственном внешнем виде. Все, вплоть до мелочей, за китаянку решал в юные годы отец, а затем муж и свекор (4).

Положение работающих китаянок оставалось также весьма трагичным. Условия их труда были крайне тяжелыми: женщины работали днями и ночами зачастую без перерыва, получали в день так мало, что порой не хватало даже на еду. В то же время на предприятии кормили очень скудно, выдавая за весь день лишь небольшую чашечку риса. Отгулы работодателем не были предусмотрены, и получить хотя бы один свободный день было невозможно. Очень часто за отработанные часы могли не заплатить, также существовало злоупотребление в практике взимания штрафов (5).

Между тем объединения китайских женщин для начала сознательной борьбы за свои права не происходило, в то время как в Европе женщины уже активно принимали участие в прогрессивных общественных движениях первой половины XIX столетия (чартизм, борьба за отмену хлебных законов и ограничение продажи спиртных напитков). В 40–50-х гг. XIX в. поднялось общественно-политическое движение женщин за уравнивание в политических правах с мужчинами, предоставление женщинам избирательных прав (6).

Формирование и развитие российского женского движения происходило практически одновременно с аналогичными процессами в большинстве западных стран во второй половине XIX в.

В современной китайской историографии рождение женского движения связывают только с началом второго десятилетия XX столетия. Сигнальной

точкой отсчета указывается при этом «Движение четвертого мая», или «Реформы четвертого мая во имя новой культуры и обновления народа», начавшиеся с 4 мая по начало июня 1919 г. (7). Это массовое движение имело антияпонскую направленность и одновременно возникло под влиянием Октябрьской социалистической революции в России. Китайские исследователи связывают начало распространения идеи женского движения с проникновением марксистской идеологии в страну (8).

Со времени Синьхайской революции 1911 г. и основания Китайской республики 1 января 1912 г. партия Гоминдана являлась политической силой, за которой исследователи признают возникновение внимания к женской части общества с точки зрения ее мобилизации в своих интересах.

Признавая гендерный фактор в вопросе укрепления своего политического режима, ГНД приступил к созданию специальных женских организаций: «Союз женщин», «Новые женщины» и пр. (9)

Также партия организовала работу ряда газет, в которых содержались призывы к установлению равноправия мужчин и женщин в обществе, введению для женской части населения обязательного образования и права голоса, улучшения условий труда китаянок (10). Это такие издания, как «Газета молодых женщин», «Женская газета», «Ежедневная газета женщин-патриоток», «Молодые годы: женские вопросы», «Женские и семейные вопросы», «Труд и женщины», «Газета женского движения освобождения».

Показательным при анализе статей этих газет является периодическое обращение к положению женщин в России. Например, в еженедельном выпуске «Народной газеты» от 12–28 апреля 1920 г. появилась большая статья, посвященная женскому деревенскому труду в России, а чуть позже — успехам Октябрьской революции и получению прав русскими женщинами на участие в выборах и избрание, на восьмичасовой день и одинаковые с мужчинами условия труда (11). Весной 1922 г. в «Народной газете» вышла статья под названием «История женского движения за получение прав», посвященная Октябрьской социалистической революции и обретению российскими женщинами политических прав и свобод (12). 2 января 1924 г. в «Женской газете» была опубликована статья «Новые вехи в китайском женском движении». Она содержала сравнительный анализ процесса получения прав и свобод в России и США, в которой автор призывал идти по пути «коренного освобождения женщин», используя только положительный опыт обеих стран (13).

Анализ статей показал, что, как и в Советской России, в китайской прессе освещались злободневные проблемы женской жизни, связанные с семейно-брачными отношениями, доступа женщин к получению образования, достойной профессии.

Вместе с тем данные гендерно ориентированные газеты имели охранительный характер: в них категорически запрещалась малейшая критика существовавшей власти, а ссылки в статьях на партийных деятелей и цитиро-

вание их высказываний по злободневным женским вопросам, наоборот, приветствовались (14).

Анализ материала по развитию женского движения в Китае в 1920-е гг. дает возможность прийти к выводу, что политические процессы в стране привели к действительному оживлению женской активности. Ряд представительниц женского пола покинули закрытую территорию своей женской части дома и включились в общественную жизнь. Этот процесс совпал с заинтересованностью правительства в росте социальной активности женщин, что привело к содействию в вопросе институализации их деятельности. В результате появились женские организации, участницы которых настойчиво выдвигали требования, касавшиеся получения официального права доступа к бесплатному образованию наравне с мужчинами и права «самим выбирать жизненный путь»: за кого выходить замуж, сколько рожать детей, что надевать, как себя вести и пр. (15).

Между тем исследователи отмечают, что пробуждение сознательности китайских женщин происходило в период острейшего кризиса, который переживала страна в первые десятилетие XX в., поэтому и для правительства, которое поддерживало женское движение, и для самих его участниц собственно женский вопрос не являлся первостепенным. Его решение рассматривалось как способ преодоления других общенациональных проблем. Китайские исследователи отмечают: «Почти все коллективные женские выступления были тесно связаны с "нависшей над Китаем угрозой", с "судьбой страны" ... Женские объединения, созданные в первой половине XX в., имели, по сути, националистическую окраску и характер. И хотя назывались они "женскими" организациями, и женщины действительно создавали их и входили в их состав, но целью создания почти всегда была борьба за сохранение целостности и национального самосознания, за развитие и процветания Китая, в самой их основе отсутствовало стремление к феминистическим идеалам» (16).

Особенно эта специфическая черта китайского женского движения проявилась в годы противостояния Китая японской агрессии. Ее начало привело к появлению с 1931 г. новой темы на страницах женских изданий — участия китаянок в борьбе против противника. Газетные и журнальные статьи этого периода отмечали «патриотический подъем ввиду наступления противника». Все прочие аспекты женской жизни практически полностью ушли со страниц печати, уступив место успешной работе женщин в тылу, их службе в армии, борьбе наравне с мужчинами против японских милитаристов (17).

Правительство вновь успешно использовало активность женщин для достижения общегосударственных задач, в то время как собственно женские проблемы оставались нерешенными. Согласно воспоминаниям современницы военного периода, гендерный статус женщины внутри ее собственной семьи оставался по-прежнему крайне низким, а на отчаянную борьбу с противником китаянок толкала не столько потребность защитить от внешних сил «счастье» мирной жизни, сколько страх попасть в еще более тяжелые условия сущест-

вования в случае победы врага – из рабства у китайских мужчин в рабство к японским мужчинам.

Кан Кэ Цин пишет в своих поздних мемуарах: «Мы, женщины, подчинялись не только на работе, но и в семье. Мы не имели права голоса нигде. У нас не было собственности, своего дома, своей земли. Часто нас продавали как дешевую или вовсе бесплатную рабочую силу в богатые семьи. В годы войны с японцами мы имели право бежать и скрываться от врагов только с разрешения отцов. Мы боялись быть порабощенными японскими мужчинами» (18).

Указанную подчиненность женского вопроса решению общенациональных проблем Китая в китайской историографии выделяют в качестве одной из специфических черт китайского женского движения, отличного от западноевропейского феминизма (19).

Вместе с тем сходная ситуация складывалась и в советской России, где женщины также довольно активно вступали в опекавшиеся государством женкомиссии и женотделы. В стране активно издавалась женская коммунистическая пресса, — журналы «Коммунистка» (с 1920 г.), «Крестьянка» (с 1922 г.), «Делегатка» (с 1923 г.) и пр., на страницах которых публиковались статьи о необходимости покончить с бытовым рабством женщин.

Активной поборницей интересов женщин выступала первый в истории социалистической России народный комиссар по государственному призрению А.М. Коллонтай. Она призывала совершить «революцию быта», реорганизовав его на новых коллективных началах: перенести процесс питания в общественные столовые, стирку – в прачечные, воспитание детей должно было стать заботой государства и осуществляться в детских садах и школах (20).

Между тем освобождение женщины при осуществлении политики социализации быта являлось вовсе не целью, а лишь задачей, с помощью решения которой как раз и предполагалось достигнуть главного — включить женскую часть населения в общественно-производственный процесс.

Об утилитарном отношении к решению «женского вопроса» свидетельствуют высказывания самой А.М. Коллонтай: «...необходимо спасти женщин от непродуктивной траты энергии, которая может быть эффективно использована в интересах коллектива. Необходимо защитить их здоровье, чтобы гарантировать трудовой республике приток здоровых рабочих в будущем» (21).

Таким образом, так же как и в случае с китайским женским движением, решение женского вопроса в советской России демонстрировало тесную связь с «судьбой страны» и имело подчиненный характер, а не являлось самоцелью деятельности женских организаций.

Образование КНР стало поворотным рубежом в истории Китая XX столетия и привело к очередным изменениям в гендерной сфере.

В китайской историографии первое десятилетие существования республики оценивается как время окончательного освобождения женщины и на-

деления ее всеми гражданскими правами. Действительно, уже впервые годы своего утверждения правительство КНР приступило к активной разработки законов в сфере женского вопроса. Так, 1 мая 1950 г. был обнародован «Закон о женитьбе Китайской Народной Республики». Он гласил: «...Осуществить свободу действий женщинам и мужчинам, обеспечить равноправие в обществе и в семье по принципу – один муж, одна жена – защищать честь и интересы женщин в новом общественном строе» (22). За этим законом последовали другие, касавшиеся закрепления за женщиной земельного надела, «Женский закон», провозглашавший равноправие полов в семье, отдельно оговаривались и узаконивались права избирать и быть избранными в органы местной и государственной власти и пр. (23).

Таким образом, очевидным является серьезное повышение гендерного статуса женщины в Китае. Вместе с тем, на наш взгляд, интересы женщины как социальной группы по-прежнему не ставились, и решение женского вопроса по-прежнему продолжало подчиняться логике интересов партии.

Как и правительство Гоминдана, КПК инициировала издание женской периодической печати. Более того: число печатных изданий, посвященных женскому вопросу, увеличилось почти в два раза. Газеты «Женщины вне войны», «Освободительная газета», «Женский труд», «Обновление женского общества», «Гуандунские женщины», «Чжецзянские женщины», «Женский вестник», «Новые женщины» несли в массы лозунги о «свободе, самоутверждении, равноправии» женщин (24).

Между тем партия вновь, как в свое время Гоминдан, рассматривала решение женского вопроса в качестве инструмента для реализации собственных задач. На этот раз речь шла о мобилизации женских масс для социально-экономического строительства в условиях проведения политики «Большого скачка». Показательными в этом смысле являются слова самого Мао Цзэдуна: «Китайские женщины — это неисчерпаемый источник, работающий во благо строительства нового китайского общества в рамках грядущих великих изменений» (25); «Новые китайские женщины должны идти в ногу с новым китайским народом, они должны много работать и трудиться над созданием нового Китая. Чтобы сполна выполнить эту задачу, необходимо опираться на женский труд, по возможности присоединиться к группам и союзам трудящихся женщин, уважать и с пользой использовать их знания и умения. Женщины должны быть образованными и здоровыми, только так они смогут помочь осуществить великие задачи» (26).

В современной китайской историографии связывают повышение женского статуса на юридическом уровне с непосредственной активностью самих китаянок. Китайские исследователи указывают на то, что Вторая мировая война привела к повышению социальной роли китаянок и это повлияло также на возрастание активности феминисток, все настойчивей требовавших право голоса, организаций, запрета мужчинам на пренебрежительное отношение к женщинам (27). Вместе с тем ключевая роль в решении женского вопроса отводится председателю компартии – Мао Цзэдуну. В современной

китайской энциклопедии «История китайского гендера. Столетнее исследование» написано, что в основе женского освободительного движения в Китае конца 1940-х — начала 1950-х гг. лежала сложная, но четко сформулированная теория, авторство которой принадлежало Мао Цзедуну (28). Научные публикации, посвященные феминологии, также традиционно изобилуют цитатами из высказываний Мао Цзэдуна с целью высветить судьбоносную роль председателя компартии в повышении гендерного статуса китайской женщины.

Таким образом, в качестве очередной отличительной особенности женского движения в КНР от западноевропейского китайские исследователи отмечают факт сотрудничества правительства и женских активисток, в то время как движение западных феминисток происходило в ситуации постоянной конфронтации с политическими силами европейских государств.

В частности, утверждение о партнерском характере отношений между китайскими феминистками и КПК в качестве примера можно привести из работы Ли Чженьчжи, в которой она касается деятельности Женского союза, созданного по инициативе самой партии и лично Мао Цзэдуна в 1949 г. (29), и утверждает, что все действия в направлении решения женского вопроса «выполнялись государством и Женским союзом, то есть в паре». При этом автор намеренно подчеркивает полную независимость и самого Женского союза, и входивших в нее организаций от контроля со стороны КПК: «Женский союз — это не партия и даже не экономическая или культурная организация, это группа, отражавшая интересы женского населения страны. Это не правительственная организация ... Все женские организации оставались самостоятельными и действовали на местах как представители Женского союза в столице КНР» (30).

Между тем, на наш взгляд, в реальности речь шла более не о «партнерстве» женских организаций и партии, а о монополизации решения женского вопроса последней. Даже если признать положение китайской историографии о невключенности Женского союза и подотчетных ей организаций в партийную структуру, печатный материал того времени свидетельствует о существовании такой идеологической атмосферы, при которой члены женских организаций неизбежно должны были решать именно партийные задачи. Показательным в этой связи является отрывок одной из статей, публиковавшихся в газете «Новые китайские женщины» — своеобразной должностной инструкции члена женской организации: «...она призвана помогать народу ... понимать ... цель женского освободительного движения в Китае, основанного на марксистско-ленинской теории; ...помогать народу уяснить задачи и суть преобразований...» (31).

Внимание в этом отрывке привлекает то, что в газете сами китайские женщины рассматриваются не как активные субъекты социального действия, способные быть инициаторами конкретных идей по решению собственных проблем, а как пассивные объекты, которым предписывается правильно

понимать «задачи и суть преобразований» в женском вопросе. Здесь явной является разобщенность между решением женского вопроса и самими женщинами. Очевидно, что инициатива в этой сфере принадлежала не им, а партии, использовавшей женские организации в качестве приводных ремней для реализации своей собственной программы.

Сами китайские женщины также связывали положительные изменения в своей жизни не с собственной активностью, а исключительно с именем председателя компартии. В женских политических газетах-вестниках читательницы имели возможность публиковать собственные статьи и заметки. Наибольшая их часть состояла из хвалебных речей и слов благодарности в адрес «спасителя» Мао Цзэдуна. Приведем в качестве примера некоторые строки: «Наш любимый Председатель Мао Цзэдун, глава и сердце великих изменений, наше Солнце! Мы горячо любим и благодарим нашего Председателя! Под его руководством мы приобрели новые возможности! Великий Мастер! Слава Мао Цзэдуну!» (32).

В европейском контексте китайское «женское движение», действительно, можно рассматривать как явление специфическое, поскольку, согласно определению, в европейском понимании женское движение — «это совокупность многих женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения интересов различных социальных слоев женщин, а также корректировки государственной политики для достижения гендерного равенства в различных сферах общественной жизни» (33).

В китайской практике женские организации имели своей действительной целью не удовлетворение интересов женщин, ибо права женщин даровались партией и лично ее председателем Мао Цзэдуном, а были структурами, поддерживавшими новый гендерный порядок, который регулировал отношения между государством, гражданами и гражданками. С точки зрения отечественных исследователей, подобная модель являлась характерной для советской гендерной политики 1920-х гг. и периода сталинизма (34).

Для женского движения в КНР и СССР одинаковым было превращение его в инструмент власти для подчинения женской инициативы государственным задачам. Спецификой китайского варианта «женского движения» является отсутствие в нем самой женщины как самостоятельного субъекта социальных действий. Это существенно отличает женское движение в КНР от истории западного феминизма, однако не может считаться уникальным при учете особенностей женского движения в советской России.

Очевидно, что современная китайская историография продолжает занимать консервативные позиции, демонстрируя устойчивую традицию, начавшую складываться с середины XX столетия и связанную с возвеличиванием дел Председателя КНР Мао Цзэдуна. В настоящее время в Китае наблюдается определенное возрождение культа легендарного вождя: опрос, проведен-

ный газетой «Хуаньцю шибао» в минувшем году, показал, что 85% китайцев считают, что заслуг у Мао Цзэдуна больше, чем ошибок и промахов, а 90% респондентов высказали свое почтение «великому кормчему» (35).

Секрет возрождения маоизма кроется в тех сбоях, которые продемонстрировала модель Дэн Сяопина, функционировавшая в Китае более 30 лет и давшая своим результатом помимо беспрецедентных экономических успехов также увеличивающееся экономическое расслоение, коррупцию и перерождение правящей партии в режим «красных капиталистов». Эти отрицательные побочные явления повлияли на доверие к партии, авторитет которой и должна была возродить фигура такой сильной личности, как Мао Цзэдун. Ряд внутрипартийных фракций стал использовать маоистскую риторику задолго до предстоящих выборов в ЦК партии весной 2012 г. По их результатам и по итогам прошедшего 14 марта 2013 г. голосования на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва новый лидером КНР стал Си Циньпин, который в свою очередь сделал множество заявлений в духе классического социализма.

Китайская историческая наука в этом смысле является лакмусовой бумажкой происходящих в стране изменений в политико-иделогической сфере, и распространенное в обществе представление об исключительности личности Мао Цзэдуна автоматически переносится на все исторические явления, тем или иным образом связанные с его именем. Свое объяснение в этом ключе получает и бытующее положение в современной китайской историографии о национальной специфичности китайского феминизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Сарина Γ .В. Особенности женских исследований в Китае // Вестник Амурского государственного университета 2009. Вып. 46. С. 60.
- (2) См. об этом подробней: *Синецкая* Э.А. О национальных особенностях китайского феминизма // Синология. Ру // http://www.synologia.ru/a/O_национальных_особенностях китайского феминизма.
- (3) *Хань Юйфэн*. Статус и роль женщины в изобразительном искусстве Китая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. М., 2008. N 85. С. 130.
- (4) Си Лиза. Zhongguo nvshu. 19 shiji (Секретный шифр китайских женщин. XIX век). Шанхай, 2010. – С. 31.
- (5) Zhongguo funv yundong wenxuan .1938 нень 1987 нень (Избранные статьи по истории освобождения женщин в Китае. 1938—1987 гг.). Пекин, 1988. С. 10.
- (6) *Пушкарева Н.Л.* Женское движение и феминизм в России 1812–2000 // Женское движение: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Г.М. Михалева. М., 2010. С. 153–172.
- (7) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). Шанхай, 2012. С. 59.
- (8) Движение «4 мая» 1919 года в Китае. М., 1971. С. 24.

- (9) Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). Пекин, 2011. С. 14–17.
- (10) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). Шанхай, 2012. С. 62.
- (11) Shandongsheng dadang. Zhongguo renminbao. 1920nian 4yue 12–28ri (Шаньдунский государственный архив. Народная газета. 12–28 апреля 1920 г.).
- (12) *Liu Renfeng*. Zhongguo funv baokan yanjiu (Исследования китайских женских печатных изданий). 2012. С. 310.
- (13) Шаньдуншен дадан. Zhongguo renmin bao. 1924 nian 1 yue 2ri (Шаньдунский государственный архив. Женская газета. 2 января 1924 год).
- (14) Liu Renfeng. Указ. соч. С. 313.
- (15) Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). Пекин, 2011. С. 14–17.
- (16) Цит. по: Хань Юйфэн. Исследование живописи женского движения Китая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. М., 2008. № 82. 1. С. 367.
- (17) Guanyu Zhongguo funv de wenzhang (Сборник статей о женской истории Китая). Пекин, 2011. С. 111.
- (18) Zhongguo funv yundong wenxuan. 1938 nian 1987 nian (Избранные статьи по истории освобождения женщин в Китае. 1938–1987 гг.). Пекин, 1988. С. 31.
- (19) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). Шанхай, 2012. С. 53; Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). Пекин, 2011. С. 14–17; Чжунгофунююньдунвенсюань.1938 nian 1987 пian (Избранные статьи по истории освобождения женщин в Китае. 1938–1987 гг.). Пекин, 1988. С. 10.
- (20) Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. М., 1928. С. 146.
- (21) Там же. С. 142.
- (22) Guojia, zuzhi funv: funv jiefang: zhongguo funv jiefang de yunzuo jizhi yanjiu (Государство, организации и женщины: исследования новой системы, возникшей в результате женского движения). Шанхай, 2012. С. 62.
- (23) Zhongguo funv (Китайские женщины). Шанхай, 2010. С. 127.
- (24) Liu Renfeng. Указ. соч. С. 321
- (25) *Liu Xue*. Mao Zedong: Mao Zhuxi zaoqi he zhongguo funv jiefang yanjiu (Mao Цзедун: исследования ранних лет председателя и идеологии женского освободительного движения в Китае). 2004. № 2. С. 57.
- (26) Liu Renfeng. Указ. соч. С. 310.
- (27) Zhongguo funv yundong: bainian jianshi (История китайского гендера. Столетнее исследование). Пекин, 2011. С. 33.
- (28) Там же. С. 47.
- (29) 1949 год: создание Женского союза // Новости Агенства Синьхуа // http://news.xin-huanet.com/politics/2007-11/12/content_7056345.htm
- (30) *Li Zhenzhi*. Zhongguo funv yanjiu (Антология исследований феминистского движения в Китае). Пекин, 2011. С. 38.
- (31) *Liu Renfeng*. Цит. соч. С. 313.
- (32) Там же. С. 319.
- (33) Словарь гендерных терминов // http://www.owl.ru/gender/080.htm

- (34) *Здравомыслова Е., Темкина А.* Гендерное гражданство и советский этактический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Самара, 2003. С. 29.
- (35) Карнеев А. Мао Цзэдун как часть современной китайской политики // Радио Голос России // http://rus.ruvr.ru/2013_12_26/Mao-Czjedun-kak-chast-sovremennoj-kitajskoj-politiki-FOTO-7840.

FEATURES OF THE CHINESE WOMEN'S MOVEMENT IN THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY: HISTORIOGRAPHICAL VIEW OF CONTEMPORARY CHINESE RESEARCHERS

G.G. Kornoukhova E.S. Lukovkina

Department of Russian History Peoples' Friendship University of Russia Miklukho-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The question about legality of existence existing in Chinese historiography of the provisions of national specificity of the Chinese feminism is determined in this article. The thickening of disclosed features of the Chinese women's stir (confronting with Western European feminism) in source with a list of women's stir features in Soviet Russia in the 1920s and also the Stalinism epoch led to match the identified content. The final result translates «unique» in category «general» typical for gender history of two socialist States in considered period.

Key words: women's movement, women's history, women's studies, Chinese feminism, gender status, Chinese historiography, the PRC.

ВОСТОК – ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

ФРАНЦУЗСКИЕ И РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ЕГИПТЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

А.А. Аксенова

Кафедра истории России Российский университет дружбы народов ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме формирования образа Востока среди русских и французских путешественников в конце XVIII — начале XIX в. Автор рассматривает наиболее известные произведения путешественников в этот период, выделяя цели путешествия, ключевые моменты изучения Египта, на которых делали акцент путешественники и которые влияли на формирование образа, общие представления о древней истории Египта. В статье анализируются причины возрастания интереса к Египту и его истории, а также его роль во внешней политике Франции и России.

Ключевые слова: образ Востока, Египет, французские путешественники, русские путешественники, Мухаммед Али, Авраам Норов, французская экспансия.

Развитие науки о Древнем Египте в конце XVIII – начале XIX в. – один из важнейших периодов для будущей египтологии. Этот этап характеризуется активным интересом к истории и культуре Египта со стороны путешественников и ученых из разных стран. Европу, особенно Англию и Францию, охватила «египтомания», которая в XIX в. распространилась и в России.

После будоражащего открытия Жан-Франсуа Шампольона Древний Египет раскрыл свои тайны перед учеными благодаря первой удачной попытке дешифровки иероглифов. Отныне интерес к Египту охватил Европу и Россию, где видные научные деятели и будущие египтологи создавали монографии, вели оживленную переписку среди своих коллег, отправлялись в далекую страну, чтобы познакомиться с монументами и достопримечательностями забытой «цивилизации Нила».

Большинство путешествий в Египет началось в XVII в., когда в Европе, а затем и в России возрождается интерес и вновь изучаются античные архивы и первые упоминания в трудах паломников и путешественников. Однако нынешними путешественниками двигал не только интерес к истории и географии новой страны, одни из первых крупных путешествий, совершенных французскими исследователями Савари и Вольней, имели явный политический подтекст.

До начала египетской экспедиции Наполеона велись многочисленные споры о необходимости вторжения в Египет и о возможности его организации. Естественно, Франция уже имела сложившийся образ Востока к тому моменту. Он был составлен благодаря заметкам и работам первых путешественников, таких как Норден Покок, Донати, отец Сикар, Киршер, работы которого вдохновляли Шампольона-младшего. В начале XIX в. Египет стал ареной противостояния двух мощных европейских держав: Англии и Франции. Таким образом, Египетская кампания стала важным внешнеполитическим шагом, выполнение которого было необходимо.

Один из первых французских путешественников, побывавших в Египте, был Этьен Савари. Совершенное им путешествие в 1776 г. описано в «Письмах о Египте» («Les lettres sur l'Egypte»).

Вначале он посетил ряд городов: Александрию, Розетт и Каир, оставив подробное описание достопримечательностей и традиций современного населения. Произведение сложно отнести к научным трудам молодого египтолога, «Письма о Египте» можно назвать скорее литературными записками о путешествии, так как автор с восторгом и романтичностью описывает увиденное, использует высокопарный слог, и он также склонен к идеализации. Он пишет: «Вдоль гор, которые рождают Сахару на закате, можно различить вдали виднеющиеся пирамиды, самая большая из которых нашла свое прибежище в Гизе: подобный вид притягивает мой взгляд против воли, заставляя погружаться в размышления... Мы покидаем захоронения и эти высокие пирамиды, которые оставляют лишь меланхоличное настроение...» (1).

Автор представляет Египет как страну магии, сокрытой в древних ритуалах и обычаях, а также уделяет много места для описания истории Древнего Египта. Общая направленность работы может быть охарактеризована как этнологическая. Стоит заметить, что много места в ней уделено описанию обычаев и традиций жителей Египта. Особенно это заметно в последних главах, которые посвящены исключительно быту, одежде, нравам местных жителей. «Девушки воспитаны в подобной манере. Корсетная кость и корсетная пластинка, доставляющие страдания молодым европейкам, неизвестны им. До шести лет они носят лишь рубаху на голое тело. Одежды, которые они носят всю оставшуюся жизнь, свободны и не сжимают никакие из их членов» (2).

Помимо одежды Савари выделяет общие черты, присущие местным жителям, такие как гостеприимство и радушие, семейную сплоченность и ува-

жение к старшему поколению, с сожалением замечая, что европейцы утратили их.

Для молодого европейца все преимущества их быта меркнут перед скучностью и пресностью жизни там. Подчеркивая патриархальный характер общества, он указывает на рабские настроения, царившие в данный период.

Отдельная часть его трехтомной работы посвящена этно-конфессиональному составу Египта. В этом направлении стоит отметить грандиозную работу, проделанную Савари, так как Вольней не стал уделять этому вопросу внимание.

Ученый делит все население на две группы в зависимости от управления: население под надзором мамлюков, которые участвуют в различных видах разбоя, и обычных земледельцев под властью шейхов. Помимо этих групп населения он выделяет также малочисленные, но проживающие на территории Египта группы бедуинов, свободолюбивых и гордых жителей пустыни. Также он упоминает и коптское население, называя из коренными жителями и потомками фараонов, однако подчеркивая их бесправное положение и постоянное притеснение со стороны арабского населения.

Две другие группы не принадлежат к местным жителям — это пришлые народы, оккупировавшие или торгующие на территории Египта: турки-османы, в которых Савари видит причины упадка и разорения Египта, и сирийцыхристиане, греки и т.д., торгующие на их территории.

Подобные сведения, расписанные в самой подробной манере, могли послужить отличным пособием для подготовки к вторжению в Египет. Савари нарисовал новый, слегка возвышенный образ Востока, особенно в отношении Древнего Египта, не избегая проблем, охвативших страну: рабства, эксплуатации турками, общего упадка духа и традиций.

Будучи отличным специалистом по арабскому языку, в дальнейшем Савари выпускает еще несколько книг о переводе Корана и описания жизни пророка Муххамеда («Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés» (3)) и посвященной арабской грамматике («Grammaire de la langue arabe vulgaire et littérale; ouvrage posthume augmenté de quelques contes arabes» (4)). Именно в «Письмах о Египте» Савари указывает на сугубо политическую цель изобретения Корана, а в своей последующей книге «Коран, перевод с арабского, сопровожденный комментариями...» развивает эту мысль глубже.

Так как Коран лежит в основе управления государством, а значит и влияет на государственный строй, в Египте укоренилась деспотия и тирания, которые порождают анархию и общий упадок.

Во многом с этим утверждением был согласен Вольней, который также отзывался о религии египтян крайне негативно в своей книге «Путешествие в Сирию и Египет», называя ее деспотичной религией, созданной для под-

чинения человека. Оба ученых сходились в том, что для возрождения Египта необходима светская власть, которую, естественно, смогут принести с собой европейцы.

Благодаря этим заключениям можно определить истинную цель французских путешествий на Восток XVIII в. – подготовка к длительной экспансии восточных территорий.

Произведение Вольнея «Путешествие в Сирию, Египет в 1783, 1784 и 1785» («Voyage en Syrie et en Égypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785») было составлено чуть позже Савари и заметно отличается по структуре, стилю написания. Работа разделена на две части: географическое и политическое состояние страны («état physique du pays» и «état politique du pays»). Работа написана сухим научным языком, что сильно противопоставляется ранней работе Савари.

Свою работу о Египте Вольней начинает с Александрии и описания местных древностей. Вначале он кратко описывает климат, который влияет на сохранность архитектуры, папирусов и различных находок, подчеркивая, что он сухой, а погода крайне жаркая. Также он пишет о том, что при таком климате необходима сложная ирригационная система, чтобы выжить, вот почему и Вольне, и Савари выделяли практически сакральное отношение к Нилу (как в древности, так и в настоящее время). «В наши дни сохранилось религиозное почитание Нила, и нужно простить нас, европейцев, когда, услышав восторженное восхваление красот этих вод, мы игнорируем это» (5). Однако, в отличие от своего предшественника, Вольней замечает лишь скудность и однообразность пейзажей.

Историю Древнего Египта он практически не затрагивает, дает лишь краткую справку, опираясь на греческие источники. Однако он цитирует Савари, указывая на ошибки, и оспаривает моменты. В данном случае это произведение действительно напоминает научную работу, а не только художественное описание.

Вольней интересуется армией. По мнению автора, положение мамлюков было крайне шатким, так как их жестокое обращение и постоянное угнетение вызывало ненависть у арабов-земледельцев, единственных, кто смог бы дать отпор туркам.

Самым главным выводом обоих авторов стал итог о разрозненности и слабости народа, проживающего в Египте, что представляет возможность для ведения завоевательной политики. Конечно, экспедиция Бонапарта оказала немалое влияние на Восток, так как с этой эпохи начинается активная французская экспансия.

В данный период продолжают формироваться знания о Египте в России. Первые знания о Ближнем Востоке, в том числе и Египте, можно отнести к XI в., связано это было с принятием христианства на Руси. К этому периоду можно отнести первые паломничества в Святую Землю. Более того, биб-

лейские книги, которые получили свое распространение в это время, содержали информацию не только о Палестине, но и о странах и народах, с которыми она сталкивалась, например египтянах.

Но одними из самых подробных источников для того времени стали византийские хроники, которые содержали самую разнообразную информацию. Многие хроники были переведены на славянский язык. Поэтому к XVIII в. русские путешественники имели определенный образ Востока. Однако с XVI до XVIII в. путешествия в Египет заметно сократились.

Василий Григорович-Барский стал тем, кто возобновил русские поездки в Египет. В. Григорович-Барский не относился к торговой или купеческой сфере, не был ни светским человеком (из дипломатической сферы), ни духовным лицом, он был именно путешественником без определенной миссии. Путешествуя, он жил милостыней, останавливаясь в общественных домах. Пройдя свой путь через Львов, Будапешт, Вену, Венецию, Рим и Неаполь, попав на ближний Восток, он оставался там практически 25 лет, тщательно записывая свои наблюдения и впечатления. В 1778 г., по распоряжению князя Г.А. Потемкина-Таврического, его работа была опубликована. К концу XVIII – началу XIX в. «Странствования Василья Григоровича-Барскаго по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг.» имели большой успех.

До 1819 г. книга уже была опубликована в шести изданиях, а также содержала 137 изображений и набросков, сделанных самим путешественником. Среди них можно найти интересные панорамы Розетты, Каира и Александрии, а также таких достопримечательностей, как «Иглы Клеопатры» и колонн Помпеи.

Египет представлен чудесной страной, хранящей тайну древности, в своих неразгаданных обелисках, пирамидах, письменах. Путешественник пытается объяснить причины строительства пирамид. По его мнению, пирамиды служили убежищем для фараонов и их прислуги во время потопов. Это мнение уже было распространено на Руси, так как описание пирамид появились значительно раньше путешествия Григоровича-Барского. Уже в 1634 г. Василий Гагара, уроженец города Плес, оставил свое подробное описание пирамид, которое до него было лишь намечено в «Хождении Варсонофия в Египет, на Синай и в Палестину». «Да во Египтътже за рекою Нилею, а по гречески Геонъ, адъланы полаты велми велики и страшны, аки горы сильные; а отъ ръки Нили 6 поприщь. А стоять на горъ, а дъланы четвероугольны, а верхи у нихъ, какъ башни, а дъланы тъ полаты израильтяны, какъ были порабощены во Египтъ царю Өараоново» (6).

Впервые в истории русской литературы о Египте автор не просто описывает, но и пытается объяснить сущность непонятных ему явлений, как, например, пирамида. Причина строительства таких грандиозных объектов, на его взгляд, кроется в практическом применении во время потопа. Боковые входы в пирамиду он видит как место для хранения зерна, а в кризисные ситуации, при

потопе, фараон со своими приближенными может укрыться на самом верху постройки.

Григорович-Барский, как и Савари, дает описание и классификацию местного населения, характерных занятий и промыслов. «Тамо различного язика и вѣри людіе обрѣтаются: Греки, Римляне, Армени, Копти, Жидове, Турки же и Арави» (7). Книга содержит именно те знания, которые были бы интересны русскому купцу: восточные базары, население, традиции и обычаи, опиисание примечательных достопримечательностей, географии и природы Египта. Конечно же, путешественник упоминает историю Древнего Египта в контексте библейских текстов, дает краткое описание трех коптских монастырей.

К концу XVIII в. знаний простых путешественников и паломников, которые рисовали образ религиозного Востока, для России уже было недостаточно, поэтому Академия Наук Санкт-Петербурга занимается переводами французских ученых. Так с 1749—1762 гг. был опубликован перевод десяти томов Шарля Роллена «Древняя история Египтян, карфагенян, ассирийцев, вавилонян, персов, македонцев и греков». Далее Академия Наук продолжала публиковать первые источники об истории Древнего Египта, также как переводы Геродота, Диодора Сицилийского. Книги Вольнея и Савари вышли в русском переводе.

Активная деятельность накануне похода Наполеона в России показывает изменившиеся цели в исследовании Египта.

Первая половина XIX в. ознаменовалась повышенным интересом к Ближнему Востоку и адаптации опыта по преимуществу в области государственных реформ. Это связано с деятельностью Муххамеда Али. Стоит отметить заметки русского врача Рафаловича, Муравьева, лингвиста Ерезина. Но самой успешной сферой сотрудничества между Россией и Египтом была религиозная. Поддержка коптского христианского меньшинства в Египте, которое еще Григорович-Барский называл ересью, могла послужить отличной причиной для внедрения в Египет. Поэтому стоит выделить путешествие Авраама Норова «Путешествие по Египту и по Нубии в 1834—1835 г. Авраама Норова, служащее дополнением к путешествию по Святой Земле» (8) с паломнической целью.

Основная суть книги — это неразрывная связь Египта с библейскими сюжетами, с описанием достопримечательностей и географии.

В его записках подробно рассматривалась жизнь египтян после реформ Муххамеда Али: экономика страны, сельское хозяйство, финансы и флот. Более того, этот труд был весьма ценен для Российского Министерства иностранных дел, которому он служил. Книга рассказывает о раннехристианской истории Египта, проникновении христианских идей, упоминает и перечисляет подвижников и деятелей, приводит описание церквей.

Даже при встрече с пирамидами Норов пытался разгадать их назначение исходя из своего христианского мировоззрения. Более того, он предложил

увенчать их крестами, наподобие российских храмов. Благодаря Норову происходит заметное сближение русской православной церкви и коптской.

Вследствии такого активного проникновения русских на Восток, в том числе в Египет, русское правительство пыталось упрочить свое положение в борьбе с европейскими державами за наследство Османской империи, используя конфессиональную близость православных Русской и Коптской церквей.

Таким образом, данный период и для Франции, и для России характеризуется внешнеполитическими стремлениями к открытой экспансии, как в случае с Францией, или же закрепления позиций на Востоке со стороны России. В XVIII в. Россия обретает выходы к незамерзающим морям, что дает возможность включить страны Востока в сферу своей внешней политики и торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Savary C.-Et. Lettres sur l'Égypte. 1 vol. Paris, 1785–1786. P. 11–12 [version électronique].
- (2) Там же. P. 161.
- (3) Savary C.-Et. Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Paris, 1821. P. 416 [version électronique].
- (4) Savary C.-Et. Grammaire de la langue arabe vulgaire et littérale; ouvrage posthume augmenté de quelques contes arabes. Paris, Impr. Impériale, 1813. P. 536 [version électronique].
- (5) *Volney C.-F.* Voyage en Syrie et en Égypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785. 2 vol. Paris, 1785, 1787. P. 36 [version électronique].
- (6) Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634–1637, С.О. Долгова, Православный палестинский сборник, 33 выпуск. С.-Петербург: Императорского православного палестинского общества, 1891. С. 16. Zhitie i hozhdenie v Ierusalim i Egipet kazanca Vasilija Jakovleva Gagary. 1634–1637, S.O. Dolgova, Pravoslavnyj palestinskij sbornik, 33 vypusk. S.-Peterburg: Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshhestva, 1891. S. 16 [The existence and voyage to Jerusalem, Egypt of Vasily Yakovlev Gagara]. S.-Peterburg, 1891. P. 16.
- (7) Странствования Василья Григоровича-Барскаго по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб.: Православное палестинское общество, по подлинной рукописи под редакцией Николая Барсукова. Часть 1, 1885. С. 409. Stranstvovanija Vasil'ja Grigorovicha-Barskago po svjatym mestam Vostoka s 1723 po 1747 gg. Spb.: Pravoslavnoe palestinskoe obshhestvo, po podlinnoj rukopisi pod redakciej Nikolaja Barsukova. Chast' 1, 1885. S. 409 [The voyage of Vasilyi Grigorovich-Barskii on sacred places of the East in 1723–1747]. S.-Peterburg, 1885. P. 409.
- (8) Норов А.С. Путешествие по Египту и по Нубии в 1834—1835 г. Авраама Норова, служащее дополнением к путешествию по Святой Земле. Часть ІІ. СПб., 1840. С. 125 [электронная версия]. Norov A.S. Puteshestvie po Egiptu i po Nubii v 1834—1835 g. Avraama Norova, sluzhashhee dopolneniem k puteshestviju po Svjatoj Zemleé Chast' II. Spb., 1840. S. 125 [The voyage to Egypt and to Nubia in 1834—1835 of Abraham Norov, serving as addition to travel on the Holy Land]. S.-Peterburg, 1840. P. 125.

FRENCH AND RUSSIAN EXPLORERS IN EGYPT AT THE END OF XVIII – EARLY XIX CENTURIES

A.A. Aksenova

The Department of Russian History Peoples` Friendship University of Russia Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

Article deals with the problem of forming the image of the East between Russian and French explorers in the late XVIII – early XIX centuries. The author examines the most famous works of explorers during this period, with accent on mission goals, the key insights in exploration of Egypt, which have focused by explorers and influenced the formation of the image, the general ideas of the history of ancient Egypt. The article analyzes the reasons for the growing interest in Egypt and its history as well as its role in the foreign policy of France and Russia.

Key words: image of the East, Egypt, French explorers, Russian travelers, Muhammad Ali, Abraham Norov, French expansion.

из истории культуры

ПАНАФИНЕЙСКИЙ ПЕПЛОС НА ФРИЗЕ ПАРФЕНОНА

Т.Б. Гвоздева

Кафедра всеобщей истории Российский университет дружбы народов ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Панафинейский фриз Парфенона является основным источником в изучении торжественной панафинейской процессии. Она проводилась в день рождения Афины и являлась кульминацией праздника Великих Панафиней. На фризе изображены как участники процессии, так и олимпийские боги. Центральная сцена восточного фриза Парфенона посвящена главному акту священнодействия — передаче священного пеплоса от афинян богине. Пеплос готовили аррефоры и эргастины для статуи Афины Полиас в Эрехтейоне.

Ключевые слова: Великие Панафинеи, Парфенон, панафинейский фриз, панафинейский пеплос, Фидий, Афина Полиас, Афина Парфенос, аррефоры, эргастины, дифрофоры.

28 гекатомбеона в Афинах (день рождения Афины) проходил праздник Великие Панафинеи (1). В этот день все население афинского полиса принимало участие в большой торжественной процессии. Жители города подносили богине свой дар — богато украшенный новый пеплос, совершали жертвоприношения на Акрополе, которое завершалось пиром для всех граждан.

Торжественная панафинейская процессия стала темой для ионического фриза Парфенона. Фриз был размещен внутри колоннады на стене целлы (центральной части храма) и занимал в длину 160 м, а в высоту 1 м.

Тщательный анализ фриза показал, что в его изготовлении принимал участие целый ряд художников. Возможно, что, как и при изготовлении метоп Парфенона, фриз делали по эскизам и при участии Фидия (2). Являлся ли Фидий автором фриза Парфенона, точно неизвестно. Одни исследователи отри-

цают роль Фидия в создании фриза, другие приписывают ему сюжетную композицию и скульптуры фриза.

Многими было принято на веру его безоговорочное участие (3). Б. Швейтц доказывал единство всех скульптурных работ Парфенона, а известно, что Фидий являлся организатором этих работ (4). К. Блюмель отмечал, что автором ионического фриза не мог быть мастер, который не владел бы ионической техникой, а фриз был создан мастерами «нового поколения» (5). К.М. Колобова полагала, что Фидий мог стилизовать свое искусство в работе над статуей Афины, но в изображении своих сограждан в религиозной процессии он не был связан рамками религиозных традиций (6). В.Д. Блаватский отмечал, что для архитектуры «века Перикла» характерно было стремление «создать панэллинский стиль путем переработки дорического ордера и внесения в него некоторых особенностей ионического» (7).

Возможно, что это же смешение господствовало и в скульптуре и рельефе, т.е. намеченный переход к панэллинизму нашел свое выражение в изображении праздника, которому Перикл старался придать панэллинский характер (8). Г. Шрадер авторство скульптур западного фронтона Парфенона приписывает Пеонию, а восточного фронтона и ионического фриза – Алкамену, ученику Фидия (9).

Если авторство ионийского фриза вызывало споры, то его тематика и вовсе стала темой нескончаемой дискуссии, продолжающейся и по сей день. Впервые подробно панафинейский фриз описал Ф. Вернон в 1676 г., заключив, что на нем отображены некая процессия и жертвоприношение. В 1789 г. Дж. Стюарт и Н. Реветт в своей монографии идентифицировали процессию, изображенную на фризе, с праздничным панафинейским шествием (10).

В современной историографии можно выделить три точки зрения по вопросу о тематике фриза Парфенона. Представители первой считают, что сюжет фриза уходит корнями в мифологическое прошлое Афин и отображает легенду основания Панафиней (11). Такое предположение связано с тем, что ранее, как правило, все фризы содержали сакральные сюжеты (12). Так, например, Дж. Конелли считает, что сцена изображенная на фризе – это жертвоприношение царю Эрехтею и его дочерям (13). Представители второй группы полагают, что на фризе была изображена некая праздничная процессия, не связанная с Панафинеями (14). Однако большая часть ученых придерживается той точки зрения, что на фризе Парфенона нашла свое отражение панафинейская процессия (Великих или Малых Панафиней) (15). Дж. Вордмэн, придерживаясь этой концепции, считал, что фигуры на колесницах и конница олицетворяли погибших при Марафоне воинов, причисленных к культу героев (16), тогда как С. Ротрофф полагала, что фриз был посвящен не всей панафинейской процессии, а только одному эпизоду праздничного жертвоприношения на Панафинеях (17).

Но даже среди сторонников этой теории идут нескончаемые уточнения по поводу того, какая часть панафинейской процессии изображена на фризе и в

какой момент ее действия. Это может быть или сам момент вступления процессии на Акрополь (18), или различные, не связанные с единым шествием части процессии (19), или вообще — это некое идеальное изображение Панафиней (20). Однако описание процессии в письменных источниках позволяют нам предположить, что шествие на фризе было иллюстрацией панафинейской торжественной процессии.

Композиция фриза Парфенона была задумана таким образом, что процессия, изображенная на нем, начиналась на юго-западном углу храма и двумя крыльями — более коротким по южной стороне храма и более длинным по западной и северной сторонам — подходило к восточному фасаду храма, где было изображено главное событие панафинейского праздника — передача пеплоса жрецу Афины. Авторский замысел состоял в том, чтобы изображение процессии охватывало все стороны храма и в то же время четко делилось на четыре части. Построение всей композиции было обусловлено последовательностью этапов разворачивающегося шествия афинян. Перед тем, как предстать перед восточной стороной Парфенона (главная сторона храма), процессия разделялась на две части и огибала храм с двух сторон, что было отражено на южной и северной сторонах фриза. Головная часть процессии подходила к Парфенону с западной стороны, и на западной части фриза ее участники могли наблюдать начало своего пути еще на Керамике.

На восточной стороне фриза, в его центре, была изображена передача священного пеплоса Афины. Эта сторона фриза отличалась от остальных. Если на других сторонах фриза все «находилось в движении», то на восточной стороне царил покой (21). Именно центральная сцена восточной стороны фриза — одна из самых сложных сцен в плане интерпретации, т.к. исследователи по-разному идентифицируют ее фигуры и определяют те действия, которые они совершают. Кроме того, ученые расходятся во мнении, каково будет следующее действие, которое, как подразумевается, должно было последовать за тем, что изображено на центральной сцене восточной стороны фриза.

В центре восточной стороны панафинейского фриза расположено пять фигур. Фигуры n. 31 и n. 32 – это две молодые девушки, держащие на головах некие предметы, одна из них застыла (фигура статична) (n. 31), вторая (n. 32) обращена к фигуре n. 33 и передает ей тот предмет, который она держит на голове. Эти две девушки могут быть или аррефорами (22), или дифрофорами (23).

Аррефорами называли четырех юных девочек, выбираемых из семей афинской аристократии, которые, в возрасте от 7 до 11 лет ежегодно избирались архонтом-басилеем для службы богине Афине (Harp. s.v. arrephorein; Suid. s.v. arrephorein). Во время своей службы аррефоры должны были носить особые белые одежды и золотые украшения, считавшиеся священными (24).

Вместе с тем аррефория являлась литургией, исполняемой родителями девочек (Lys. XXI. 11) (25). Аррефоры принимали участие в ночном ритуале плодородия (Paus. I. 27. 3). После своего избрания аррефоры жили на север-

ной части Акрополя, близ Эрехтейона, в специально построенном для них доме. Кладка V в. до н.э., которая покоится на более древнем фундаменте, позволяет восстановить большую комнату, открывающуюся во двор двухколонным портиком с антами. В примыкающем к зданию дворике, к западу от постройки, находится колодец с ведущими вниз ступенями. По подземному ходу, который ранее служил для сообщения с древним микенским колодцем, девочки проходили в грот, через который попадали в священный участок. Их назначением было святилище Эроса и Афродиты, находившееся на расстоянии 7 м от колодца.

Роль дифрофор в панафинейской процессии обычно выполняли женщины-метеки. Они несли за афинскими девушками из знатных родов (канефорами) ритуальные скамейки (Aristoph. Av. 1508; 1550; 1559, schol; Aristoph. Eccl. 734).

Е. Пфуль полагал, что это были только скамейки для канефор (26). Схолиаст Аристофана объясняет, что на Панафинеях дочери метеков несли зонты и скамейки за афинскими канефорами (schol. Aristoph. Av. 1549–1551). Они нужны для того, чтобы канефоры могли отдохнуть, сидя под ритуальным зонтом во время гекатомбы на Акрополе (27). Л. Дойбнер полагал, что дифрофоры имели подчиненное положение при канефорах (28).

В панафинейской процессии зонт и скамейка должны были подчеркнуть приоритетное положение афинян перед метеками, несущими за канефорами эти предметы. Л.И. Акимова ошибается, когда пишет о том, что дифросы носили в процессии коренные афинянки для Афины и Посейдона-Эрехтея (29).

Те предметы, которые девушки (п. 31 и п. 32) несут на головах, вполне могут быть дифросами (ритуальными стульями), предназначенными для богов (30), которые могли принадлежать к ритуальной трапезе Афины, связанной с обрядом теоксении (31). Э. Саймон считает, что девушки не могли быть дифрофорами, так как дифрофоры являлись дочерьми метеков, и, кроме того, их должность была служебной при канефорах, т.е. настолько незначительной, что вряд ли их могли изобразить на главной, восточной стороне фриза (32), тогда как С. Ротрофф утверждает, что это могут быть только дифрофоры (33).

Б. Весемберг, проведя ряд сопоставлений, доказывает, что на головах девушек не дифросы, которые изображались на рельефах совсем иным образом, и отсюда делает вывод, что эти юные девушки могут быть только аррефорами (34). К.М. Колобова настаивает, что предмет в руках первой девушки вовсе не дифрос, а курильница (35). Л.Д. Бондарь полагает, что аррефоры несут сиденья, и ошибочно считает, что дифрофоры — это второе название аррефор (36).

Фигура n. 32 передает некий предмет фигуре n. 33, которая снимает его с головы девушки. Это взрослая женщина в длинной одежде. Ее чаще всего идентифицируют со жрицей Афины Полиас, принадлежащей к роду Этеобу-

тадов (37). К.М. Колобова высказывает предположение, что это могла быть супруга архонта-басилея (38).

Рядом со жрицей/супругой-архонта расположены еще две фигуры – n. 34 и n. 35. Фигуру n. 34 идентифицируют как с архонтом-басилеем (39), так и со жрецей Афины (40), или со жрецом Посейдона-Эрехтея (41).

Последнее предположение кажется более спорным, так как восточная целла Парфенона вряд ли могла изображать жреца Посейдона-Эрехтея, которому принадлежал соседний храм — Эрехтейон. С другой стороны, С. Херингон отмечает, что пеплос изготовляли для ксоанона Афины, который хранился в Эрехтейоне, а не для статуи Афины Парфенос, поэтому его вполне могли передавать жрецу Посейдона-Эрехтея (42).

Фигура п. 35 вызывает самые жаркие споры (43). Большинство исследователей полагает, что это мальчик, помощник жреца (44), или некий храмовый слуга (45). Также возможно, что это ритуальный сын архонта, как, например, аррефора являлась его ритуальной дочерью (46), или это сын жреца, будущий жрец из рода Бутадов (47). Некоторые ученые вообще считают, что это не мальчик, а девочка, одна из аррефор (48). Между этими двумя фигурами происходит некое действие, которое и является главным в центральной сцене. Мужчина (п. 34) протягивает руку своему помощнику, в левой руке у него прямоугольный кусок сложенной ткани, часть которой, как считает Б. Нейдж, расположена под его левым локтем (49). Возможно, что он принимает сложенный новый пеплос из рук своего помощника (п. 35) (50).

Э. Саймон высказала предположение, что сцена представляет собой картину развертывания нового пеплоса (51). Некоторые, наоборот, предполагают, что жрец/архонт складывает полученный от мальчика пеплос (52). М. Робертсон доказывал, что сцена на восточной стороне фриза является не изображением обряда принятия пеплоса, а только подготовкой к ней (53). Т.е. жрец (п. 34) передает своему помощнику (п. 35) на хранение старый пеплос и, таким образом, подготавливает зрителей к следующей сцене, которая должна последовать чуть позже — к сцене передачи нового пеплоса.

Б. Нейдж вслед за М. Робертсоном полагал, что восточная сторона храма олицетворяла факт смены старого пеплоса на новый, который только что несли участники процессии (54). Это давало возможность всем афинянам, еще идущим в процессии, смотреть на ожидающую их через несколько минут сцену. И, наконец, А. Моммзен доказывал, что вручение пеплоса, которое являлось важнейшим сакральным актом Панафиней, происходило за несколько часов до самой процессии или вообще за несколько дней. И только в конце V — начале IV вв. до н. э. удалось соединить эти два мероприятия, о чем и свидетельствует тематика панафинейского фриза (55).

Итак, мы видим, что, несмотря на большое количество различных предположений, с уверенностью можно сказать, что главная сцена Парфенона была посвящена передаче богине панафинейского пеплоса.

За работой над пеплосом, а также за узорами, которые на нем вышивались, следил Совет. Аристотель указывает, что после того, как в этом вопросе было

проявлено некое пристрастие со стороны Совета, его функции перешли к избранной по жребию комиссии гелиеи. Только после этого пеплос поступал в распоряжение комиссии атлотетов в дикастерии (Arist. Ath. Pol. 49. 3).

В словарях Гарпакратиона и Свиды есть указания на то, что аррефоры должны были работать над изготовлением пеплоса, который подносили Афине 28 гекатомбеона во время праздника (Harp. s.v. arrephorein; Suid. s.v. arrephorein).

Гарпократион добавляет, что из четырех аррефор для работы над пеплосом выбирали двух девочек. Работа над пеплосом под руководством жрицы Афины Полиас и Пандросы начиналась за 9 месяцев до начала Панафиней, в последний день месяца пианопсион, во время праздника Халкеи (Paus. I. 27. 3). В течение этого времени аррефоры натягивали нити на ткацкий станок и начинали ткать. Пеплос был украшен сценами из титано- или гигантомахии (Plat. Eutiph. 6c; Eur. Hec. 466–474; Eur. Iph. T. 221–226, schol., Verg. Scop. 31; schol. Aristoph. Av. 566; schol. Eur. Hec. 466, 469; schol. Eur. Iph. T. 221).

Кажется маловероятным, чтобы праздничный пеплос могли соткать две маленькие девочки-аррефоры. Возможно, что работа над пеплосом была некой инаугурацией для аррефор, тогда как в действительности над праздничной одеждой Афины трудились ткачихи под руководством эргастин (Hesych. s.v. ergastynai), которые в качестве награды за свою работу получали почетное место в праздничной панафинейской процессии (56). С.А. Жебелев приводит текст афинского декрета (SEG. 28. 90) в честь эргастин: «так как отцы девушек, обработавших шерсть для пеплоса Афине, сделав доклад совету, свидетельствуют, что девушки приняли во внимание все на этот счет постановления народа, выполнили все, как полагается, приняли участие в торжественном шествии, согласно приказаний, наипрекраснейшим и благопристойнейшим образом, приготовили за свой счет серебряную фиалу в 100 драхм, которую и желают посвятить Афине в память об их благочестии в отношении богини...» (57).

С.А. Жебелев предполагает, что общая цифра эргастин равнялась 120 (по 10 эргастин на каждую филу в среднем) (58). Возможно, что в период V–IV вв. до н. э. количество эргастин было большим. Итак, к работе над пеплосом было привлечено большое количество ткачих, многие из которых принадлежали к знатным афинским родам (59). Их работа, так же как и действия аррефор, была очень почетной и крайне сложной.

Источники не дают представления о том, где изготовляли пеплос и где он хранился до того момента, когда его размещали на корабле-повозке. Изначально работы, скорее всего, проходили на Акрополе (60). Возможно, что конкретным местом для размещения эргастин была западная часть Парфенона (61).

28 гекатомбеона пеплос провозили на корабле-повозке из внешнего Керамика через город, по главным улицам к подножию Акрополя. Там пеплос снимали с повозки и передавали праздничной процессии, которая и достав-

ляла его богине. Размеры пеплоса трудно установить. Г. Парк считал, что пеплос был достаточно большой, так как его изготовляли для статуи Афины Парфенос (62). Однако Л. Циен, Л. Дойбнер и другие, наоборот, отмечали, что пеплос передавали в дар Афине Полиас, и его размер не мог быть большим (63).

Задача повозки-корабля в процессии состояла в том, чтобы показать пеплос всему городу и перевезти подальше от Элевзина (64).

По Филострату путь повозки-корабля проходит от Керамика до Элевзина (Vit. Soph. II. 1.7), где пеплос снимали с мачты, а повозка отправлялась мимо Пеласгика до Питиума на юго-западе Афин. Первоначально повозка, которая перевозила пеплос, не имела формы корабля. Е. Пфуль и Е. Дюмлер полагали, что сначала пеплос ввозили на обычной повозке, которая позднее приобрела вид корабля (65).

Сведения о повозке-корабле появляются только в IV в. до н. э. К этому же времени относятся и данные о том, что пеплос в виде паруса на мачте корабля-повозки был виден всему городу. Комический поэт Стратис (66), которого цитировал Гарпократион (Harp. s.v. topeion), сравнивает пеплос с парусом. Но ни у трагиков, ни у Аристофана нет указаний на корабль-повозку или парус-пеплос (67). Н. Робертсон, наоборот, видит в панафинейской повозке аналогию с кораблем Диониса, существование которого он относит к VI в. до н. э. (68).

А. Моммзен считал, что до IV в. до н. э. подношение Афине нового пеплоса являлось самостоятельным обрядом, который проводился в промежуток между Панафинеями (69). Он доказывал, что в V в. до н. э. пеплос не несли в процессии, так как его изготовляли на Акрополе. Следовательно, не было никакой необходимости нести его на Акрополь, так как он уже там находился. Момент передачи пеплоса жрице Афины являлся внутренним актом службы богини. Кроме того, А. Моммзен считал, что макет повозкикорабля появился позднее, в эллинистический период, и был заимствован из Александрии — из культа Исиды (70).

Еще один интересный вопрос, — почему повозка-корабль не была изображена на панафинейском фризе в ходе процессии. Отсутствие корабля-повозки или Т-образной схемы с парусом-пеплосом на фризе часто объясняют тем, что корабль оставляли у подножия Акрополя, или тем, что изображение корабля не помещалось на фризе из-за его высоты (71).

Е. Пфуль считал, что высота фриза была недостаточна, чтобы вместить в себя повозку с мачтой (72). Однако Л. Циен отмечал, что если фриз мог вместить в себя изображение всадников, то вполне мог бы вместить и повозку-корабль с мачтой (73). Возможно, что пеплос несли в развернутом виде на плечах и головах эргастины (74).

Апофеозом этого действия была передача пеплоса жрецу Афины, изображенная на восточной стороне фриза. Однако стоит отметить, что пеплос на фризе показан сложенным, что несколько затрудняет возможность представить его размеры (75). Пеплос принимался жрецом и тайно относился в Эрехтейон, так как он предназначался для древней статуи Афины Полиас, расположенной в старом храме богини, вошедшем в состав Эрехтейона. Заключительная сцена проходила в самом храме и была скрыта от посторонних глаз. Зрители хорошо представляли ее себе и могли домыслить. Это обусловило и необычное композиционное построение центральной сцены: предназначенная только для богов, она изображена отдельно от процессии и расположена в центре симметрично сидящих олимпийских божеств. Афина в свой день рождения устроила прием всех олимпийских богов в своем доме на Акрополе. Художники по обе стороны от центральной сцены изобразили в группах по шесть сидящих богов. Их фигуры выполнены несколько крупнее фигур людей — даже сидящие боги одного роста со стоящими фигурами людей.

По тому, что участники процессии обращены к богам спиной, можно судить, что боги присутствуют на празднике незримо. На двух почетных местах — справа и слева от центральной группы — изображены Зевс (от зрителей налево) и Афина (направо).

Афина изображена без шлема, так как она у себя дома принимает гостей. За Зевсом (справа налево) – Гера, Ирида, Арес, Деметра, Дионис и Гермес. От Афины вправо Гефест, далее Посейдон, Аполлон, Артемида и Афродита с Эротом. Перед группой богов с обеих сторон – группы стоящих и беседующих друг с другом мужчин; на южной половине три группы по два человека, на северной – одна группа из четырех человек. Вероятнее всего, что эти одетые в гиматии мужчины -10 архонтов (76), или атлотетов (77), или гиеропеев (78). Они стоят в ожидании приближающейся с двух сторон процессии. За ними, с северной стороны – первый распорядитель, встречающий процессию, и второй, который уже принял от двух канефор, идущих впереди процессии, корзину со священными предметами (п. 49–51) (Arist. Ath. Pol. 18. 2; Thuc. VI. 56. 1). За ними длинный ряд девушек, несущих чаши для возлияний и большую курильницу (п. 2–17; 56–61). Это были канефоры, и они возглавляли шествие. Согласно литературным источникам, канефоры несли на головах kana (корзины с бескровными жертвами) (Harp. s.v. kanephoroi). Однако kana на панафинейском фризе отсутствуют, зато есть другая священная утварь, например ойнохои (79).

С южной стороны за группой должностных лиц следует головная часть процессии из девушек с фиалами и кувшинами, впереди которых идут четыре девушки с пустыми руками. Л. Циен считал, что если девушки не несут корзины, то это новые аррефоры (80). Последняя фигура за группой девушек на южной половине — это распорядитель, который дает знак процессии, изображенной на южной стороне фриза, и соединяет этим композицию восточной и южной стороны фриза. На северном конце восточной стороны такой соединяющей фигуры нет.

Дж. Бордмен задается интересным вопросом: воспринимали ли современники панафинейский фриз как изображение реального панафинейского

шествия (81)? Соответствовала ли процессия ее современному восприятию в V в. до н. э.?

Л. Циен отмечал, что участники и ход процессии были подтверждены литературными источниками, и это говорит в пользу ее достоверности (82). Р. Осборн полагал, что для ответа на этот вопрос существовали зрители, и их внимание к фризу являлось гарантией того, что процессия воспринималась как современная своему времени (83). При анализе фигур фриза следует помнить, что «изображение на фризе очень условно, оно передает только некоторые детали шествия, те, которые создатели его считали наиболее важными, а некоторые эпизоды воспроизводились весьма условно» (84).

Зрители, прекрасно зная состав процессии, сами могли понять и объяснить центральную сцену на фризе. Участники шествия хорошо представляли себе, как идет процессия и чем она должна закончиться. Раз на фризе не было изображено окончание процессии, т.е. не было ее кульминации, то зритель сам ее додумывал. Визуально панафинейский фриз не являлся окончанием процессии, но, с другой стороны, любой человек мог войти в храм и увидеть статую Афины. Это являлось как бы завершением сакральной процессии, т.е. окончанием похода афинян к богине. Праздничный панафинейский пеплос как-бы скреплял союз Афины и города. Вышитые на нем сцены из гигантомахии являлись свидетельством военной мощи как Афины, так и афинского полиса как главы Афинского Морского союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Гвоздева Т.Б. Процессия Великих Панафиней на фризе Парфенона и в комедиях Аристофана // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. — М., 2011. — Том IV. – С. 174.
- (2) Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 207.
- (3) *Романов Н.И.* Об отношении Фидия к скульптурам Парфенона // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.-Пг., 1900. Июнь. С. 136; *Колпинский Ю.Д.* Великое наследие античной Эллады. М., 1988. С. 109.
- (4) Schweitzer B. Pheidias der Parthenon-Meister, III // Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. 1940. Bd. 55; Schweitzer B. Neue Wege zu Pheidias // Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. 1957. Bd. 72.
- (5) Blümel K. Phidiasische Reliefe und Parthenonfries. 1957.
- (6) Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 156.
- (7) Блаватский В.Д. Архитектура античного мира. М., 1939. С. 54.
- (8) Об искусстве эпохи Перикла см.: *Cloché P.* Le siècle de Périclès. Paris, 1960; *Kagan D.* Pericles of Athens and the birth of democracy. New York, 1991.
- (9) Schrader H. Phidias. 1924.
- (10) Stuart J., Revet N. Aniquities of Athens. L., 1789. Vol. 2.
- (11) *Kardaras Chr.* O panathènaikos peplos // Archaiologike Ephemeris. 1960. P. 185–201; *Jeppesen K.* Where was the so-called Erechtheion? // American Journal of Archeology. 1979. Vol. 83. P. 381–394.

- (12) Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 16.
- (13) *Connelly J.* Parthenon and Parthenoi: A Mythological Interpretation of the Parthenon Frieze // American Journal of Archeology. 1996. Vol. 100. P. 53–80.
- (14) *Petersen Ch.* Die Feste der Pallas Athene in Athen und der Friezs des Parthenon. Hamburg, 1855; *Holloway R.R.* The Archaic Acropolis and the Parthenon Frieze // Art Bulletin. 1966. Vol. 48. № 2. P. 223–226.
- (15) Beschi L. Il fregio del Partenone: Una proposta di lettura // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. - Roma, 1985. - Vol. 40; Boardman J. The Parthenon Frieze - Another View // U. Höckmann and A. Kryg (éds). Festschrift für Frank Brommer. – Mainz, 1977. – S. 39–49; Brulé P. La fille d'Athènes: La religion des filles à Athènes à l'époque classique. – Paris, 1987; Bruno V.D. (ed). The Parthenon. – N. Y., 1974; Deubner L. Attische Feste. – Berlin, 1956. – S. 25–31; Collignon M. Le Parthénon. – Paris, 1914; Jenkins I.D. The composition of the co-called Eponymous Heroes on the east frieze of the Parthenon // American Journal of Archeology. – 1985. – Vol. 89. – № 1; Kroll J.H. The Parthenon frieze as a votive relief // American Journal of Archeology. – 1979. – Vol. 83. – № 3. – P. 349–352; Mansfield J.M. The robe of Athena and the Panathenaic peplos: Diss. univ. of California Berkeley, 1985. - P. 2-50; Michaelis A.A. Der Parthenon. – London, 1870; Mommsen A. Feste der Stadt Athen, geordnet hach attischen Kalender. - Leipzig, 1898.; Nagy B. The ritual in slab V, east on the Parthenon frieze // Classical Philology. – 1978. – Vol. 73. – № 2. – P. 137–138; Osborne R. The viewing and obscuring of the Parthenon frieze // Journal of Hellenic Studies. - 1987. - Vol. 107. -P. 98-105; Parke H.W. - Op. cit. - P. 16; Robertson M., Frantz A. The Parthenon Frieze. – London, 1975; Simon E. Festivals of Attica. An archaeological commentary. – Madison, 1983. – P. 62–65; Steinhart M. Die Darstellung der Praxiergidai im Ostfries des Parthenon // Archäologischer Anzeiger. – 1997. – H. 4. – S. 475–478; Wesenberg B. Panathenäische Peplosdedikation und Arrhephorie. Zur Thematik des Parthenonfrieses. Mit 14 Abbildungen // Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. – 1995. – Bd. 110. – № 3. – S. 149–178; Wohl V. Hegemony and democracy at the Panathenaia // Classica et midiaevalia. – 1996. – Vol. 47. – Р. 52–53; Колобова К.М. – Указ соч. – С. 150; Колпинский Ю.Д. – Указ. соч. – С. 35; Виппер Б.Р. – Указ. соч. – С. 109; Блаватский В.Д. – Указ. соч. – С. 206; Фармаковский Б.В. Художественный идеал демократических Афин. – Пг., 1918. – С. 133; Гвоздева Т.Б. – Указ. соч. – С. 76–81.
- (16) Boardman J. Op. cit. S. 39-49.
- (17) *Rotroff S.I.* The Parthenon frieze and the sacrifice to Athena // American Journal of Archeology. 1977. Vol. 81. № 3. P. 379–382.
- (18) Колобова К.М. Указ соч. С. 150.
- (19) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 133.
- (20) Osborne R. Op. cit. P. 101–103; Гвоздева Т.Б. Указ. соч. С. 76–81.
- (21) Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 147.
- (22) Колобова К.М. Указ соч. С. 155; Simon E. Op. cit. P. 65; Steinhart M. Op. cit. P. 476; Wesenberg B. Op. cit. P. 157.
- (23) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Виппер Б.Р. Указ. соч. С. 207; Michaelis A. Op. cit. S. 255.
- (24) Brulé P. Op. cit. P. 83.
- (25) Бондарь Л.Д. Афинские литургии V-IV вв. до н.э. Спб., 2009. С. 100-102.

- (26) *Pfuhl E.* De Atheniensium pompis sacris. Berlin, 1900. S. 33.
- (27) *Гвоздева Т.Б.* Панафинейская процессия в комедиях Аристофана и на панафинейском фризе // Альманах славяно-греко-латинского кабинета приволжского федерального округа. Н. Новгород, 2009. Вып. 2. С. 78.
- (28) Deubner L. Op. cit. S. 49.
- (29) *Акимова Л.И*. Сакральное пространство древнегреческого праздника: Великие Панафинеи // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных праздников. М., 2009. С. 40.
- (30) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Виппер Б.Р. Указ. соч. С. 207; Simon E. Op. cit. Р. 65.
- (31) *Simon E.* Ibid.
- (32) Ibidem.
- (33) Rotroff S.I. Op. cit. P. 381.
- (34) Wesenberg B. Op. cit. P. 157.
- (35) Колобова К.М. Указ соч. С. 155.
- (36) Бондарь Л.Д. Указ. соч. С. 101.
- (37) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Bunnep Б.Р. Указ. соч. С. 207; Simon E. Op. cit. Р. 65; Boardman J. Op. cit. Р. 41; Boardman J. The Parthenon and Its Sculptures. Austin: Univ. of Texas Press. 1985. Р. 240; Connelly J. Op. cit. Р. 59; Steinhart M. Op. cit. S. 476; Mansfield J.M. Op. cit. Р. 293–294.
- (38) *Колобова К.М.* Указ соч. С. 155. Ср.: *Brommer F.* Der Parthenonfries. Mainz, 1977. S. 268.
- (39) Колобова К.М. Указ соч. С. 155; Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Brommer F. – Op. cit. – S. 41; Simon E. – Op. cit. – Р. 65–66; Connelly J. – Op. cit. – P. 58; Mansfield J.M. – Op. cit. – Р. 291, 346.
- (40) Колобова К.М. Указ соч. С. 155; Bunnep Б.Р. Указ. соч. С. 207; Nagy B. Op. cit. Р. 138; Steinhart M. Op. cit. S. 476.
- (41) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135.
- (42) *Herington C. J.* Athena Parthenos and Athena Polias: A study in the Religion of Periclean Athens. Manchester, 1955. P. 32–34.
- (43) *Clairmont Ch.* W. Girl or boy? Parthenon East Frieze 35 // Archäologischer Anzeiger. 1989. № 4. P. 495–496.
- (44) Колобова К.М. Указ соч. С. 155; Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Виппер Б.Р. Указ. соч. С. 207; Nagy В. Ор. cit. Р. 138; Simon E. Ор. cit. Р. 65; Wesenberg B. Ор. cit. Р. 152.
- (45) Э. Саймон сравнивает его с Ионом Еврипида, см.: Simon E. Op. cit. P. 65.
- (46) Ibidem.
- (47) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135.
- (48) Simon E. Op. cit. P. 65; Brommer F. Op. cit. S. 203.
- (49) Nagy B. Op. cit. P. 138.
- (50) Колобова К.М. Указ соч. С. 155; Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Waldstein C. Essays on the Art of Pheidias. Cambr., 1889. Р. 246; Michaelis A. Op. cit. S. 255; Kroll J.H. Op. cit. Р. 180; Mommsen A. Op. cit. S. 114; Deubner L. Op. cit. S. 30—31; Ziehen L. s.v. Panathenaia 1 // Real-Encyclopödie der Klassischen Altertuaswissenschaft. Éd. Paulu et Wissowa, 18. 2. 2. 1949. S. 461.

- (51) Simon E. Op. cit. P. 65.
- (52) Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 135; Виппер Б.Р. Указ. соч. С. 207.
- (53) *Robertson M., Frantz A.* Op. cit. P. 11. N. 5.
- (54) Nagy B. Op. cit. P. 138.
- (55) *Mommsen A.* Op. cit. S. 114.
- (56) *Brulé P.* Op. cit. P. 99; *Cole S.* Women and politics in democratic Athens // History Today. 1994. Vol. 44. № 3. March. P. 36.
- (57) *Жебелев С.А.* Парфенон в «Парфеноне» // Вестник Древней Истории. 1939. № 2. С. 54.
- (58) Там же.
- (59) Wohl V. Op. cit. P. 66–67; Lefkowitz M.R. Women in the Panathenaic and Other Festivals // Worshipping Athena: Panathenaia and Parthenon Ed. J. Neils. Madison, 1996. P. 80.
- (60) Premerstein A. von. Der Parthenonfris und die Werkstatt des panathenäischen Peplos // Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. – 1912. – Bd. 15; Brulé P. – Op. cit. – P. 102; Kardaras Chr. – Op. cit. – P. 185.
- (61) *Robertson N*. The Riddle of the Arrephoria at Athens // Harvard Studies in Classical Philology. 1983. Vol. 87. P. 273.
- (62) Parke H.W. Op. cit. P. 39.
- (63) Deubner L. Op. cit. S. 32; Ziehen L. Op. cit. S. 461.
- (64) *Robertson N.* The origin of the Panathenaea // Rheinisches Museum für Philologie. 1985. Bd. 128. H. 3–4. P. 290. См. также: *Norman N.J.* The Panathenaic ship // Archaeological News. 1983. Vol. 12. P. 41–46.
- (65) Pfuhl E. Op. cit. S. 10; Dümmler F. Op. cit. S. 51.
- (66) 400-е гг. до н. э.
- (67) Ziehen L. Op. cit. S. 461–463. О корабле-повозке см.: Neils J. Pride, Pomp and Circumstance: The Iconography of Procession // Worshipping Athena: Panathenaia and Parthenon Ed. J. Neils. Madison, 1996. P. 186.
- (68) Robertson N. The origin of the Panathenaea... P. 291.
- (69) Mommsen A. Op. cit. S. 112-116.
- (70) Ibidem.
- (71) Ziehen L. Op. cit. S. 461; Phyle E. Op. cit. S. 11. N. 68.
- (72) *Pfuhl E.* Ibid.
- (73) Ziehen L. Op. cit. S. 463.
- (74) Cole S. Op. cit. P. 32-37.
- (75) *Petersen Ch.* Op.cit. Pl. 34–35.
- (76) Michaelis A. Op. cit. S. 254; Mommsen A. Op. cit. S. 143; Jenkins I.D. Op. cit.
- (77) Колпинский Ю.Д. Указ. соч. С. 130.
- (78) *Pfule E.* Op. cit. S. 19, 124.
- (79) *Rotroff S.I.* Op. cit. P. 380.
- (80) Ziehen L. Op. cit. S. 465.
- (81) Boardman J. The Parthenon and Its Sculptures... P. 210–215.
- (82) Ziehen L. Op. cit. S. 463.
- (83) Osborne R. Op. cit. P. 100.
- (84) *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Указ. соч. С. 151.

PANATHENAIC PEPLOS IN THE FRIEZE PARTHENON

T.B. Gvozdeva

World History Chair Peoples Friendship University of Russia Miklukho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Panathenaic procession east frieze of the Parthenon is problems of interpretation. This procession moves on the east frieze into the presence of an assembly of seated gods, the twelve Olympians. In the midst of the gods is a group of five human-sized figures engaged in the prosaic task of folding a piece of cloth. Because this scene holds the most prominent place on the frieze, the cloth is surely the peplos presented to Athena, albeit to her cult statue housed in another temple, the Erechtheion. While the priest, the archon Basileus, folds the robe with the help of a young assistant, possibly one of the arrephoroi, the priestess of Athena Polias is receiving two diphrophoroi, or stool-bearers.

Kew words: Greater Panathenaia, Parthenon, Panathenaic frieze, Panathenaic peplos, Phidias, Athena Poliac, Athena Parthenos, arrephoroi, ergastinai, diphrophoroi.

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ СКУЛЬПТУРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ МАЙЯ И ИХ КОММУНИКАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

С.Л. Пышнова

Кафедра теории и истории культуры Российский университет дружбы народов ул. Миклухло-Маклая, 6, Москва, Россия. 117198

Статья посвящена скульптурным изображениям майя и их значению для понимания мировоззрения этого народа. Скульптура майя глубоко символична, ее символы религиозны. Она несет информацию о религии, представлениях о загробной жизни майя, а также об особенностях их исторического развития. Это является подтверждением того, что в древнем искусстве семиотический аспект является более значимым, чем эстетический.

Ключевые слова: семиотическая система, символ, скульптура майя, стела, алтарь, «ритуальная полоса», культ предков, археологическое искусство, мировоззрение майя, архитектурный декор, тольтеки.

Важнейшей функцией искусства ранних обществ является коммуникативная, поскольку оно передает идеи, значимые для каждого члена общества. Исходя из этого искусство майя целесообразно изучать как совокупность знаков определенной семиотической системы, несущих информацию о мировоззрении этого народа. С точки зрения семиотического анализа мы рассмотрим некоторые виды скульптурных изображений майя. В данном исследовании мы используем периодизацию истории древних майя представленную американским исследователем культуры майя М. Ко в его работе «Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты».

Скульптура майя очень разнообразна, а ее назначение неоднозначно. С одной стороны, скульптура была неотъемлемой частью архитектурного сооружения, с другой — она существовала как самостоятельный вид искусства. Для изготовления скульптуры использовались разные материалы: камень, штукатурный гипс, дерево, глина.

Наиболее известны резные монолиты, называемые стелами. Анализ этого типа памятников майя проводится в работах таких ученых, как Г.Г. Ершова, В.И. Гуляев, М. Ко, В. фон Хаген и других, исследования которых посвящены различным аспектам культуры и искусства майя. Стелы — это большие обелиски, сооруженные во всех городах майя, существовавших с 328 по 889 год н.э. (1). На этих стелах изображены портреты жрецов или правителей, а также иероглифы, означающие дату постановки обелиска.

В классическую эпоху истории майя ряды стел устанавливались на площадях крупных поселений перед главными храмами и перед дворцами. Перед каждой из них помещался невысокий круглый алтарь, который можно считать нижним уровнем (2).

Обе стороны стел украшались резьбой с одинаковым сюжетом: это был персонаж, держащий в руке либо так называемую «ритуальную полосу», либо скипетр в форме человека-карлика.

Фигуры строги и монументальны, поскольку они изображают представителей наиболее влиятельных социальных слоев майянского общества. Другой вариант изображения на стелах – пышно одетый персонаж со щитом и копьем в руке, попирающий ногами пленника, распростертого на земле. Начиная с конца III в. н.э. вплоть до крушения цивилизации майя классического периода на большинстве стел и других памятниках монументальной скульптуры вырезались календарные даты. Эти стелы, монументы и календарные даты связаны с захоронениями или возведением различных архитектурных сооружений.

Стелы города Копан имеют свою специфику, однако в них можно выделить некоторые черты, присущие подобным памятникам Мезоамерики.

Человеческая фигура помещается в стоячем положении во всем пространстве стелы. Ее лицо подчеркнуто статично: рот приоткрыт, мимика отсутствует. Руки, поддерживающие «ритуальную полосу», сложены на груди, пальцы полусогнуты, ступни ног развернуты в разные стороны. На этих стелах изображены не живые люди. Это становится очевидным, если сравнить их персонажи со скульптурными портретами из Копана, передающими черты живых людей. Интересно, что в Копане встречаются стелы и с женскими фигурами. Персонажи стел Копана изображаются одетыми в пышные головные уборы. Среди прочих деталей можно выделить верхнюю часть морды зверя, а также иногда появляющийся контур пещеры. Сверху виден знак прорастающего растения; встречаются также фигуры человека в сидячем положении, символизирующие идею возрождения души из преисподней.

В Киригуа, одном из поселений классической эпохи, находятся огромные стелы, напоминающие стоячие камни. Одна из них, возведенная в конце VIII в., считается крупнейшим каменным монументом Нового Света. На ней вырезана фигура бородатого человека с маленьким щитом и скипетром в виде карлика в руках. По бокам стелы находится иероглифический текст, содержащий несколько календарных дат. О мастерстве скульпторов Киригуа свидетельствуют фигуры припавших к земле чудовищ на «зооморфных» стелах, а также змееподобные боги, между кольцами тел которых находятся фигуры людей. Около таких стел обычно располагаются «алтари». На пьедестале одной из стел Киригуа с обеих сторон видна морда животного, упирающаяся в землю. Над ней помещено лицо человека, покрытое пастью животного. Над пьедесталом находится человеческая фигура. Поверх голов

обоих персонажей возвышаются по три морды-пасти, накладывающиеся одна на другую, еще выше виден знак «ростка», над ним – морда животного, сверху – еще один знак «ростка».

Для стел Копана и Киригуа характерны глубокие рельефные техники выполнения орнаментов и фигур. А в Тикале, одном из самых крупных городов майя, возводили не только рельефные, но и гладкие стелы. На одной из самых древних стел Тикаля стоящий в профиль человек в пышном уборе правой рукой придерживает полую трубку («ритуальную полосу»), от которой отходят раздваивающиеся концы; между ними расположена человеческая голова. Как отмечает исследователь культуры майя Г. Ершова, это изображение напоминает так называемую стелу Хауберга, на которой в качестве «душепровода» выступает тело змеи, по которому поднимаются призраки. Из раскрытой пасти, выполненной в виде знака струй крови раздваивающегося тела змеи, по которому перемещаются призраки, видно лицо человека (3).

Еще один памятник, упоминаемый Г. Ершовой – стела из Ицимте (4). На ее нижнем уровне видна пещера, внутри которой помещена фигура человека, держащего маленькую фигурку. На пещере – стоящий человек, от шеи или головного убора которого свешивается крученая веревка из змеиных тел. Раскрытые пасти змей видны на веревке в виде раздвоенных концов. Над головой персонажа, покрытой пышным убором, возвышается открытая змеиная пасть. Веревка, змея, ритуальная полоса символизируют родство по крови, связь между миром живых и миром мертвых, куда попадают призраки умерших. Знаком, обозначающим мир мертвых, является пещера предков, изображенная в виде овального контура.

Интересна стела 31 из Тикаля, которую описал известный исследователь цивилизаций Мезоамерики Майкл Ко (5). Эта стела сооружена в начале V в. н.э. На ней персонаж майя в костюме с множеством нефритовых украшений несет голову бога, покрытую головным убором с «иероглифом эмблемы», характерным для Тикаля. На другой стороне стелы изображен воин из Теотиуакана (о чем свидетельствуют его одежда и вооружение) (6), на щите которого виден теотиуаканский бог дождя Тлалок. Вероятно, жители Теотиуакана стремились усилить свое влияние в Петене (7), заменив Чака, бога дождя майя, на Тлалока.

Стелы Пьедрас-Неграс отличаются от подобных памятников других городов майя (8). На них видна ниша с сидящей внутри фигурой, на груди которой висела «ритуальная полоса». По бокам ниши помещались столбцы знаков. Голова сидящего человека увенчана убором в виде морды животного. На одной из стел Пьедрас-Неграс женская фигура держит в одной руке ритуальный нож, а с другой руки свешивается веревка. Эти предметы использовались майя во время совершения обряда кровопускания, символизировавшего кровнородственную связь. На другой стеле имеется также контур пещеры с человеческой фигурой. На нижнем уровне изображен человек, из живо-

та которого торчит ритуальный нож. Он принесен в жертву, то есть отправлен к предкам в качестве посланника. Вверх, от человека к прародителю, расположенному в нише, ведут кровавые следы, то есть душа, находящаяся в крови, попала к предкам.

Таким образом, основные особенности стел из Пьедрас-Неграс заключаются в том, что на их нижнем уровне представлены события, связанные с ритуалами, посвященными культу предков.

Рассмотрев майянские стелы как объекты археологического искусства (9), мы пришли к выводу, что они помогают выявить определенные элементы мировоззрения майя, а именно их представления о загробном мире и связи между миром мертвых и миром живых. Некоторые стелы (из Пьедрас-Неграс) дают нам сведения о ритуалах майя, посвященных культу предков. Кроме того, эти памятники несут информацию об особенностях исторического и культурного развития майя (например, стела 31 из Тикаля).

Стелы сооружались и в других частях доколумбовой Америки. В своей монографии «Между Андами и Европой» исследователь латиноамериканской культуры Л.И. Тананаева приводит в качестве примера так называемую Стелу Раймонди, в которой выражены особенности искусства доинкской культуры Чавин (10).

Стелу Раймонди покрывает изображение, выполненное в неглубоком рельефе, напоминающее и очертания початка маиса, и возвышающихся одно над другим чудовищ, расположенных над головой антропоморфной фигуры, которая держит в руках предметы, напоминающие жезлы, скипетры, копья, початки кукурузы, змей. Большинство ученых справедливо считают, что подобная многозначность объясняется высокой организованностью религиозной системы, существовавшей в Чавине (11).

Каменные стелы возводились и в Восточном Средиземноморье. Например, в храмах Угарита и Библа перед статуями богов были установлены так называемые маццебы (12). О маццебах упоминается в Библии: это камни, воздвигнутые для культовых целей (13) или в ознаменование каких-то важных событий (14) и договоров (15), а также маццебы сооружали над могилами (16).

Согласно М. Ко среди самых древних артефактов на территории проживания майя были найдены небольшие глиняные головы, предназначенные для умилостивления богов. А в развалинах поселений этапа «окос» (17) были обнаружены массивные женские статуэтки, вылепленные из глины. Предположительно, их изготовление связано с культом плодородия.

Подобные статуэтки (Богини-Матери), относящиеся к неолитической и бронзовой эпохе, были обнаружены и в Европе, где также существовал культ плодородия. Мелкая пластика характерна также и для искусства Малой Азии и эгейского мира. Например, хетты изготавливали бронзовые статуэтки божеств, как женских, так и мужских. Однако статуэтки богинь здесь часто имеют вытянутые пропорции, а мужские фигурки имеют пропорции, близкие к естественным – широкие плечи, тонкую талию и узкие бедра. В мужских ста-

туэтках можно проследить связь с бронзовой мелкой пластикой эгейского мира (18).

Майя, будучи земледельческим народом, связывали плодородие земли с плодовитостью женщин, поэтому они изготовляли женские фигурки. Подобные фигурки исчезли в поздний доклассический период, поскольку в это время происходят изменения в развитии религиозных верований. Возникла теологическая система, включавшая различные божества. Для поклонения им были возведены церемониальные центры, а ритуалы проводили специально предназначенные для этого жрецы.

Наиболее интересные глиняные фигуры были обнаружены на кладбище острова Хайна, который использовался в качестве некрополя. Многие фигурки с этого острова являются пустотелыми, в их задней части расположены отверстия. Они представляют собой свистульки (19). Но самое примечательное состоит в том, что эти статуэтки имеют портретные сходства с реальными людьми, возможно с теми, кто был захоронен в могиле, где эти фигурки были найдены. Их лица вылеплены настолько искусно, что видны даже особенности их выражения.

Фигурки с острова Хайна относятся к позднеклассическому периоду цивилизации майя. К этому времени общество майя претерпело заметную эволюцию, усложнилась социальная структура, началось социальное расслоение, изменились верования. Мы считаем, что именно эти процессы отразились в характере глиняных фигурок.

Среди этих скульптур можно увидеть изображения аристократов, воинов с татуировкой на лицах, молодых и пожилых женщин, актеров, вождей, а также одного из богов пантеона майя — «толстого бога». Однако в основном статуэтки представляют людей, принадлежащих к различным социальным слоям, имеющих разные физические черты.

Представляется очевидным, что глиняные статуэтки с острова Хайна дают нам информацию о том, как выглядели майя, а также об их социальных типах. Возможно, их изготовление было связано с погребальными обрядами.

Из искусства лепить из глины развилась лепнина как вид скульптуры. Она связана с архитектурой, т.к. обычно появлялась на фасадах зданий. Это очень древний вид искусства. В Паленке, одном из самых красивых городов майя, лепнина достигла необычайной выразительности. Здесь находятся целые галереи лепных изображений. Стены галерей покрыты слоем алебастра и украшены рельефами, представляющими правителей майя, держащих в руках символ своей власти; по бокам размещаются персонажи в позе со скрещенными ногами.

Известны огромные маски, украшающие храм в Вашактуне: их высота 2,5 м (20). Лестничные блоки одной из построек в Вашактуне украшены масками, символизирующими божества. Они выполнены в форме голов змей и ягуаров. Обычно боги изображались в виде человека, животного, растения или с помощью сочетания геометрических и иероглифических форм. Очень

часто они имели черты человека и животного. Маски изготавливались из камня или штука. Ими украшали храмы. Обычно их размещали на гребнях, фризах, углах фасадов, над входами в здания. Кроме того, они встречаются на алтарях и стелах.

Фасады зданий майя часто украшали масками небесного змея. Такие маски встречаются в поселениях Шпухил, Ормигуэро, относящихся к архитектурному стилю рио-бек, а также в регионе Ченес (21). А на Юкатане они становятся важнейшим мотивом декора архитектурных сооружений.

Для стиля ченес характерно обилие декоративных украшений, состоящих из маленьких скульптур, расположенных на фасаде зданий (22). Напрашивается параллель с искусством Андского региона, где архитектурные сооружения также украшались изображениями божеств: стены здания Кастильо – центрального строения Чавина – Чавин де Уантар – опоясаны стилизованными головами с чертами человека и ягуара – божества, которому здесь поклонялись (23).

В районах Рио-Бек и Ченес скульптура была функционально связана с архитектурой. Фасады храмов перегружены декором, в котором использовалось сочетание камня и штука. Чаще всего на фасадах встречается маска бога дождя, поскольку дожди в этих местах редки. Маска может располагаться по вертикали фасада, а ее рот служить входом в здание. Ее детали – большие глаза, нос, клыки – производят устрашающее впечатление.

В поселениях, расположенных рядом с цепью холмов Пуук (24), маски, закрывающие фасад, рот которых служит входом в храм, особенно известны. Углы фасадов зданий покрыты ярусами масок, расположенных одна над другой. В крупнейшем поселении, построенном в стиле Пуук, Ушмале, находится пирамида Колдуна. В храм, расположенный на ее вершине, ведет дверной проем, выполненный в виде маски огромного чудовища.

Другим важным религиозным центром, построенным в стиле пуук, является Кабах. Фасад одного из его зданий полностью покрыт многочисленными изображениями Чака в виде масок, эффектно выделяющиеся на фоне различных элементов орнамента — решеток, ломаных и зубчатых полос и др.

Еще одним видом майянской скульптуры была резьба по дереву. Майя покрывали резьбой деревянные стелы и балки. Самые искусные деревянные резные изделия были обнаружены в Тикале. В храмовых пирамидах Тикаля сохранились деревянные резные панели. Майя также делали деревянных идолов, маски, жезлы, резные доски, служившие переплетом для их «книг».

В конце XI — начале XII в. территория майя подверглась чужеземному нашествию. Завоеватели принесли на эти земли свою культуру. Это была культура тольтеков. В результате ее слияния с майянской культурой возник смешанный, майя-тольтекский стиль, просуществовавший до прихода испанцев. На зданиях, сооруженных тольтеками, находятся маски бога Чака, свидетельствующие о том, что пришельцы, захватившие власть, были вынуждены считаться с религиозными верованиями порабощенного ими народа. Однако несмотря на то, что в искусстве этого периода появился смешанный

майя-тольтекский стиль, то есть искусство было синтетическим, в нем больше проявилось мастерство майя, обладавших совершенной техникой и утонченным вкусом. Всего этого не имели тольтеки.

Примером искусства этого периода могут служить скульптуры воинов на косяках «Храма Ягуаров» в г. Чичен-Ица. В этом городе, скорее всего, взаимовлияние культур майя и тольтеков возникло не только в сфере искусства, но и в области религии и социальной жизни, поскольку представители тольтекских воинских орденов изображались рядом с персонажами, одетыми в майянские одежды, а небесный пантеон тольтеков сосуществовал с пантеоном богов майя.

В центре Чичен-Ицы находится храмовая пирамида, связанная с культом Кукулкана (25). Это самое важное сооружение в городе. Его называют Эль-Кастильо. На вершине пирамиды находится храм, покрытый ступенчатым сводом, характерным для архитектуры майя.

Сам храм может рассматриваться как образец смешения культурных традиций майя и тольтеков. Внутри него находятся маски в виде небесного бога, а дверные косяки украшены рельефами, изображающими тольтекских военачальников. Внутри пирамиды находятся остатки другой пирамиды, более древней. В камере, находящейся в ее основании, был найден каменный трон красного цвета, выполненный в виде фигуры рычащего ягуара, перед которым находилась скульптура бога дождя («чак-мулл») в виде сидящего человека, откинувшегося назад, держащего двумя руками поверх живота похожий на блюдо предмет. Возможно, на него клали сердца принесенных в жертву людей. В данном случае мы согласны с М. Ко, что скульптуры «чак-мулл» имеют чисто тольтекское происхождение (26).

Недалеко от Эль-Кастильо расположен Храм воинов, возведенный на вершине ступенчатой платформы, окруженной колоннами. Все четыре стороны каждой колонны украшены изображениями тольтекских воинов. На вершине храмовой лестницы расположена скульптура «чак-мулл». По бокам от входа в храм находятся изображения двух пернатых змеев. В главном святилище храма расположен стол, который поддерживают фигурки тольтекских воинов.

Одна из пирамид в Туле (27) построена по похожему плану. Однако Храм воинов гораздо больше, а красота его отделки вызывает предположение о том, что эти сооружения возводились с участием майя. Майя-тольтекское искусство несет на себе черты чуждой майя культуры, однако в нем проявился художественный гений майя.

В городе Майяпан большая часть скульптур служит архитектурной орнаментацией (28). Это змеевидные колонны, скульптуры в виде голов змей, а также хвостов гремучих змей, поддерживающих притолоки. Эти детали являются имитацией изображений змей Чичен-Ицы.

В Майяпане изготавливали в горельефе скульптуры людей в натуральный рост. Они прислонены к колоннам. Встречаются изображения обезьян, ягуаров, собак, ящериц, украшающих косяки и колонны, выполненные в стиле майя

классического периода, а также небольшие алтари в форме черепахи с человеческой головой. Животные, на которых охотились майя, или которых они приручали, имели, согласно их представлениям, божественное происхождение. В целом, скульптурное искусство Майяпана было религиозно-символическим. С одной стороны, оно несло на себе следы упадка (об этом свидетельствует попытка копировать тольтекское искусство), с другой – в нем сохранились классические традиции майя.

Проводя параллели с искусством ацтеков, также являвшихся создателями одной из великих цивилизаций Мезоамерики, необходимо отметить, что подобно скульптуре майя скульптурные изображения ацтеков также выражали религиозные верования своего времени. Их огромные архитектурные сооружения заполнялись статуями и покрывались барельефами, выполненными на основе религиозных сюжетов.

Так же, как и майя, ацтеки создавали скульптуры и светского характера: археологи находят высеченные головы людей из народа, изваяния императоров. Ацтекские скульпторы и ювелиры изготавливали также фигурки животных своей страны – черепах, птиц, рыб, ракообразных, ящериц (29).

Мы рассмотрели лишь некоторые скульптурные изображения майя с точки зрения их коммуникативной функции. В действительности это искусство более разнообразно и многогранно, его можно рассматривать с различных сторон. Существует несколько аспектов исследования мезоамериканского искусства, выделенных испанским искусствоведом Э. Санчес-Монтанесом: «формальный», «тематический», «сигнификативный», «функциональный» аспекты (30).

Скульптура майя несет информацию о религии, представлениях о загробной жизни, а также об особенностях их исторического развития. Скульптурное искусство майя, являющееся составной частью архитектуры, функционально связано с архитектурой, выполняет роль архитектурного декора. Из глубины веков оно доносит до нас информацию о верованиях этого народа.

Монументальные архитектурные сооружения майя были в основном предназначены для поклонения божествам. Скульптура была глубоко символична, ее символы религиозны. Преобладание религиозной архитектуры и скульптуры показателем первостепенной роли религии в жизни майя. Это является свидетельством того, что в древнем искусстве семиотический аспект является более важным, чем эстетический, поскольку в данном случае эстетические принципы отходят на второй план, а главными являются религиозные установления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. *Хаген В. фон.* Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки. М., 2010. С. 297.
- (2) «Алтари» валуны, украшенные резьбой; сама стела средний уровень; пышный головной убор верхний уровень.

- (3) См. *Ершова* Г. Фрай Диего Де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира). М., 2000. С. 306.
- (4) См. Там же. С. 306.
- (5) См. Ко Майкл. Майя. Исчезнувшие цивилизации: легенды и факты. М., 2001. С. 101.
- (6) В конце раннеклассиеского периода (IV-VII вв. н.э.) майя попали под сильное влияние города-государства Теотиуакан, расположенного в Центральной Мексике.
- (7) Петен область проживания майя, где находился Тикаль.
- (8) См. *Ершова* Г. Фрай Диего Де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира). М., 2000. С. 308.
- (9) Скульптура Мезоамерики как вид художественного творчества наряду с настенной живописью и архитектурой изучается в основном археологами, поскольку ее образцы плохо сохранились и их количество невелико. Кроме того, автохтонные культуры Нового Света практически угасли, будучи замененными новой, полностью чуждой им культурой. По этой причине культурные традиции художественного творчества индейцев были оборваны. Этому способствовала и деятельность католической церкви, относившейся к традиционному индейскому искусству как к порождению дьявола.
- (10) Чавин культурный центр Андского региона сер. ІІ тыс. до н.э. ІУ в. н.э.
- (11) См. Тананаева Л.И. Между Андами и Европой. С.-Петербург, 2003. С. 28, 30.
- (12) См. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988. С. 264.
- (13) Ветхий Завет. Бытие // Библия. Гл. 35.
- (14) Ветхий Завет. Исход // Библия. Гл. 24.
- (15) Ветхий Завет. Бытие // Библия. Гл. 31, 45.
- (16) Ветхий Завет. Бытие // Библия. Гл. 25.
- (17) Согласно периодизации М. Ко культура «окос» возникла приблизительно в середине 2-го тысячелетия до н.э. Это начало архаической эпохи истории майя, продолжавшейся с середины 2-го тысячелетия до н.э. примерно до середины II в. н.э.
- (18) См. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988. С. 168.
- (19) См.: Ко Майкл. Майя. Исчезнувшие цивилизации: легенды и факты. М., 2001. С. 145.
- (20) См.: *Хаген В. фон.* Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки. М., 2010. 298.
- (21) Этот регион дал название архитектурному стилю ченес.
- (22) См.: Ко Майкл. Исчезнувшие цивилизации: легенды и факты. М., 2001. С. 134, 135.
- (23) См.: Тананаева Л.И. Между Андами и Европой. С.-Петербург, 2003. С. 29.
- (24) Такое же название имеет региональный архитектурный стиль.
- (25) Исторические хроники майя содержат рассказ о прибытии с запада человека по имени Кукулкан. Значение этого слова пернатый змей («кукул» «пернатый», «кан» «змей»). Именно Кукулкан завоевал Юкатан и основал свою столицу Чичен-Ицу. Майя почитали его как бога, поскольку он был справедливым правителем и оставил по себе добрую память.
- (26) См.: Ко Майкл. Исчезнувшие цивилизации: легенды и факты. М., 2001. С. 160–161.
- (27) Тула важнейший центр культуры тольтеков.
- (28) Г. Майяпан был основан ицами в XIII в., однако часть этого народа продолжала жить в Чичен-Ице.
- (29) См.: Сустель Жак. Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы. М., 2003. С. 266.
- (30) См.: *Ершова Г*. Фрай Диего Де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира). М., 2000. С. 247.

SOME TYPES OF SCULPTURAL IMAGES OF THE MAYA AND THEIR COMMUNICATIVE CHARACTER

S.L. Pyshnova

Theory and Cultural History Chair Peoples Friendship University of Russia Miklukhlo-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

Article is devoted to sculptural images of the Maya and their value for understanding of outlook of these people. The sculpture of the Maya is deeply symbolical, its symbols are religious. It bears information on religion, representations on afterlife of the Maya, and also on features of their historical development. It is confirmation of that in ancient art the semiotics prevails over an esthetics.

Key words: semiotics system, symbol, sculpture of the Maya, stele, altar, «a ritual strip», cult of ancestors, archaeological art, outlook of the Maya, architectural decor, Toltecs.

ОТ БИНТОВАНИЯ СТОП К ТУФЛЯМ НА КАБЛУКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЖИТЕЛЬНИЦ ШАНХАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Ю.А. Куприянова

Кафедра восточной филологии
Отделение востоковедения
ный исследовательский университет «Высшая школа эко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Покровский б-р, 8, Москва, Россия, 109028

В статье рассмотрены изменения во внешнем облике женщин Шанхая в период 1911—1949 гг., связанные с распространением новых социальных концепций в обществе и популяризацией городской культуры. Анализируется процесс отказа китайского общества от традиционного обычая бинтования стоп девочек в раннем возрасте. Автор последовательно раскрывает основные этапы трансформации элементов одежды женщин Китайской Республики: от миниатюрных расшитых ботинок до первых туфлей на каблуке в гардеробе «новых женщин». Параллельно с рассмотрением атрибутов моды показаны основные социальные процессы, оказывавшие воздействие на стиль горожанок.

Ключевые слова: Шанхай, Китайская Республика, бинтование стоп, китайское общество, культурное взаимодействие, городская культура, городская мода.

«То было время крайностей. Все недостатки политической системы и семейного уклада внезапно были вскрыты. Молодые интеллектуалы с неприязнью смотрели на все традиционное, даже на все китайское. А старорежимные люди от страха перед ними все больше усиливали прессинг. Не было ни дня без жарких дебатов, в семьях, на страницах газет, в развлекательных заведениях» (1), — так охарактеризовала писательница Чжан Айлин период в истории Шанхая после Синьхайской революции.

Именно тот момент стал ключевым в вопросе изменения облика китайских женщин. Шанхайская среда стала центром формирования новых идей и воззрений. Подобно тому, как наиболее прогрессивные толки об «освобождении женщин» (фунюй цзефан) Китая велись на страницах именно шанхайских изданий, наиболее смелые изменения в образе новых девушек также впервые происходили в этом городе.

В стремлении отринуть традиционные воззрения и предписания шанхайская молодежь с первых же лет становления Республики развернула активную работу по формированию облика «новой женщины» (синь нюйсин) (2) Китая, свободной не только внутренне, но и внешне.

Для горожанок первая четверть XX в. ознаменовалось коренными трансформациями во внешнем облике: обрезанием волос, полным прекращением практики бинтования ног (чань цзу) (3), облачением в мужской костюм или же в модифицированный маньчжурский халат ципао (4). Следующее за этим десятилетие привнесло множество новых западных элементов в облик девушек, которые сделали внешность «новой женщины» Китая исключительной и запоминающейся.

Первые попытки ввести запрет на бинтование ног китаянок были сделаны еще в начале XX в., на закате правления цинской династии. Однако они не привели к ощутимым изменениям. Так же как и не получила распространения практика представителей движения тайпинов (5), которые еще в середины XIX в. в концепции нового государственного устройства также указывали на необходимость отмены этого жестокого обычая (6). Необходимы были более радикальные действия, чтобы положить конец существованию многовековой традиции, предписывавшей девушкам из средних и состоятельных семей путем болезненных процедур добиваться прекращения роста стопы.

Многие исследователи связывают повсеместное распространение этого обычая с конфуцианским положением о том, что место женщины – внутренние покои дома. Порядочной женщине не было нужды покидать его стены. При таком подходе ограниченная подвижность китаянки, вследствие атрофированности конечностей, не являлась проблемой, а наоборот, выглядела вполне естественной. Занятия женщин в состоятельных семьях не отличались большим разнообразием, им не приходилось выполнять тяжелую работу. Передвигаясь с опорой на стену, они могли обеспечить себе достаточную свободу действий внутри дома. Болезненные ощущения со временем становились привычными.

Швейгер-Лерхенфельд, наблюдая за китаянками в конце XIX столетия, заметил, что женщины сумели приспособиться и к передвижению на достаточно большие расстояния: «Особенно удивительно, что китаянки, несмотря на изувеченные ноги, довольно легко движутся, хотя, конечно, без всякой грации, и непринужденно могут предаваться своей любимой игре в мяч» (7).

В традиционном китайском обществе деформация женских конечностей не воспринималась как ущемление прав и свобод слабого пола. Наоборот, забинтованные ножки, обутые в расшитые башмаки, стали символом подлинной красоты и привлекательности. Китайские ученые мужи создали множество литературных и художественных произведений, посвященных эротичности и соблазнительности маленькой женской ножки. В своих рассказах они в первую очередь говорили об эстетическом удовольствии, которое могла доставить забинтованная ножка жены своему законному супругу. Женская беспомощность и хрупкость вызывала у мужчины желание защитить свою избранницу. По мнению ученых мужей, подобный эффект был выгоден в первую очередь самим женщинам, так как сулил им заботу и обожание со стороны супруга.

Бинтование ног в раннем детстве, помимо болезненных ощущений на всю оставшуюся жизнь, приводило к целому ряду тяжелых последствий в будущем: нарушались обмен веществ и кровообращение, искривлялся позвоночник, под плотными бинтами развивалась патогенная среда, что вело к различным кожным заболеваниям и появлению отвратительного запаха.

Но, несмотря на все трудности, с которыми сталкивались китайские женщины, они добровольно соглашались бинтовать ноги собственным дочерям. Л.И. Исаева в книге «Красавицы древнего Китая» дает следующее объяснение распространенности данного обычая: «Тщательное бинтование ног в детстве было, возможно, единственным шансом улучшить социальное положение в будущем путем удачного бракосочетания. Причем мужчина имел право расторгнуть брак, если обнаруживал, что ступни у невесты недостаточно маленькие... бинтованные ножки свидетельствовали о том, что женщина принадлежит не к самым бедным слоям населения и не является прислугой» (8).

Автор книги также указывает на то, что в XVII в. некий литератор Лю Сянь написал целое произведение, в котором теоретически обосновал, почему женщинам непременно следовало бинтовать ноги. Из его высказываний мы можем сделать вывод, что маленькие девочки, которых с детства готовили к удачному замужеству, сами добровольно соглашались на эту бесчеловечную пытку ради того, чтобы в будущем иметь шанс улучшить свое социальное положение: «Если же ноги будут недостаточно маленькими, об этих девушках будут говорить, что их матери недостаточно тщательно занимались воспитанием своих дочерей... Ни один мужчина из приличной семьи не женится на женщине с длинными ступнями... Девушка с большими ногами вынуждена заниматься грубой работой, и если ей надо покинуть дом по делам, ее не понесут в паланкине, ей придется идти по улице самой; у нее не будет одежды красного цвета, и она не сможет лакомиться лучшими блюдами. Девушка подобна золоту, драгоценностям, которые должны оставаться в собственном доме. Если же ноги у них большие, девушки свободно ходят тут и там с неподходящими компаньонами» (9).

Часть исследователей также приводят свидетельства того, что в правление династии Цин маленькими ступнями порой обладали и женщины из небогатых семей (10). О распространении в Китае в XVII в. обычая бинтования стоп среди даже самых бедных слоев населения говорит Дороти Ко: «Один цинский исследователь заметил, что в регионе Ян-чжоу бинтование женских ножек более распространено, нежели в других частях страны. Даже кули (11), прислуга, швеи, бедняки и старухи могут похвастаться крохотными ножками с забинтованным большим пальцем» (12).

Современный исследователь традиционной жизни китайцев Лю Далинь, рассматривая в своей работе особенности сексуальной культуры, весьма резко критикует обычай бинтования. Он пишет о том, что популяризация его при династии Цин была вовсе не следствием любви мужчин к маленькой стопе или желания женщины приукрасить себя, а лишь отражала ухудшаю-

щееся положение женщины в обществе: «Бинтование ног стало особенно популярным в феодальном Китае при последней правившей династии, что явилось демонстрацией невиданного угнетения женщин и восприятия их как некой забавы для мужчин» (13).

Не вдаваясь в полемику с китайским историком, стоит лишь отметить, что в целом по Китаю в правление маньчжуров бинтование ног действительно стало повсеместным явлением, затронувшим более широкие слои населения, нежели в прежние века. Часть исследователей связывают это не с ухудшающимся положением женщины, а с желанием ханьцев любыми доступными средствами не уподобляться носителям чуждой культуры маньчжурам, которые запрещали своим женщинам бинтовать стопы.

В правление цинской династии наличие у женщин маленькой стопы помимо вышеобозначенных особенностей приобрело дополнительное значение. В условиях, когда трон находился в руках пришлых маньчжурских правителей, бинтование ног ханьских женщин стало символом отличия «просвещенных» китайцев от маньчжурских «варваров» (14).

Маньчжуры отнеслись враждебно к традиционному ханьскому обычаю. Во время правления императора Шунь-чжи этот ритуал был строжайше запрещен. В первый год правления императора Канси повторно был издан указ, запретивший бинтование ног. Однако укоренившийся обычай китайцев невозможно было исправить указами сверху. Спустя несколько лет (1668 г.) закон о запрете был отменен (15). Китайские женщины продолжили бинтовать ноги своим дочерям, в то время как маньчжуркам полагалось сохранять естественную форму стопы.

Вообще в правление цинской династии достаточно строго соблюдался принцип разделения нарядов маньчжурского и ханьского населения: «В "Цинском сборнике церемониалов" (Дацин хуэйдянь) четко регламентировался комплект одежды и украшений, которые должны были носить особы знатной фамилии, близкие родственницы и прочие члены семьи императора» (16).

Строгому контролю подвергались не только наряды для церемоний награждения, официальных мероприятий, но просто повседневная одежда. Положения касались не только составных элементов костюма, но и цвета, качества материала, узоров на нем: «Система кроя, пропорции и манера ношения одежды, характер отделки, выбор материала, цвет, украшения, прическа, обувь придавали каждой этнической, родовой, территориальной группе индивидуальное своеобразие и неповторимость, выделяя ее среди других. Одежда выступала этническим маркером, указывала на этническую, родовую, племенную, половую, возрастную принадлежность, положение индивида в обществе» (17).

Маньчжурские правители исходили из принципа, что «мужчина следует нормам, женщина не следует» (нань цун нюй бу цун) (18). Для сохранения своего господства маньчжуры стремились оградить себя от ассимиляции ханьцами, что не раз уже происходило с захватчиками в пределах границ Поднебесной.

Были изданы целые серии указов, неисполнение которых каралось по всей строгости. В первую очередь, были запрещены смешенные браки между китайцами и маньчжурами. Ряд постановлений коснулся обрядовой стороны, а также внешнего вида подданных цинского императора: «Было решено, что китайские мужчины должны принять маньчжурское платье, брить голову и носить косы; нововведения не коснулись одежды и обычаев китайских женщин. С другой стороны, маньчжурским женщинам запрещалось носить китайские одежды или прибегать к практике бинтования ног. Глубоко опечаленные, что им отказано в этом признаке красоты, маньчжурские женщины нашли решение проблемы и стали носить деревянные туфли, нижняя часть которых по форме напоминала "золотые лотосы" китайских красоток» (19).

Маньчжурки должны были разделять волосы ровным пробором, носить просторный ципао, на ноги одевать обувь на сплошной деревянной платформе, в то время как ханькам предписывалось зачесывать волосы назад в сложные прически, носить просторную рубаху и жилетку, и длинную до пят юбку, на ноги надевались специальные *сунсе* (20), тканевые вышитые ботиночки, использовавшиеся девушками, бинтовавшими ноги (21).

Традиция бинтования стоп китаянок сохранялась еще в течение нескольких столетий, вплоть до конца XIX в., когда в обществе были предприняты первые попытки запретить этот жестокий обычай.

Активное участие в кампании по отмене бинтования ног принимали как китайские, так и западные реформаторы. Исследовательница данного вопроса Лесли Вэкслер указывает на то, что западные миссионеры не допускали девочек с бинтованными ногами на учебу в западные школы, тем самым пытаясь убедить родителей отказаться от этого предрассудка. Они вели просветительские беседы в среде китайских жителей, способствуя формированию первых китайских организаций по борьбе с бинтованием ног (22).

Работе этих организаций также оказывали содействие и женщины Запада – представительницы международных благотворительных организаций (23). Небольшие общины создавались по всей стране. Их участники отказывались бинтовать ноги своим дочерям, а также запрещали сыновьям жениться на девушках с миниатюрными ногами.

Писательница Аделин Ма вспоминает, что ее бабушка, родившаяся еще в конце XIX в., благодаря своим прогрессивно мыслящим родителям сумела избежать этой жестокой процедуры. В молодости она заметно выделялась на фоне сверстниц с бинтованными ногами, однако учеба в западной школе оградила ее от осуждения окружающих (24).

Но не все образованные люди того времени решались порвать с этой традицией. Например, одна из самых первых актрис шанхайского кинематографа Ван Ханьлунь родилась в богатой китайской семье в 1903 г. Ее родители, даже несмотря на наличие влияния и напрасность опасений о будущем замужестве, все же пожелали иметь дочь с маленькими ногами. Ван Хань-

лунь вошла в историю китайского кинематографа как единственная актриса с миниатюрными ногами (25).

Более активная работа по борьбе за «естественные ноги» началась после Синьхайской революции в 1911 г. Временное правительство в марте 1912 г. издало указ «О запрете бинтования ног во всех провинциях страны» (26). Данный указ должен был положить конец существованию жестокого обычая. Однако последующие издания аналогичных указов различными локальными властями Китая в 1926, 1927 и даже в 1939 г. говорят лишь о том, что в отдельных районах страны этот пережиток феодального общества был распространен еще очень долгое время (27).

Если говорить о среде городского населения, то к концу 20-х гг. на улицах действительно было трудно встретить молодую девушку, обутую в *гунсе*. Жительницы Шанхая, наиболее прогрессивного в те годы мегаполиса Китая и всей Азии, смогли отказаться от бинтования ног своим дочерям раньше, чем женщины в других частях страны. Во многом это было связано с влиянием западных миссионеров, общественных движений и западной моды.

Жестокий обычай китайского народа вызывал негодование в среде иностранцев, живших и работавших в Шанхае. Часть из них просто с удивлением и непониманием описывала «маленькие треугольники», торчавшие из-под одеяний китаянок, неуклюже переваливавшихся по улицам города.

В отличие от них у служителей католических храмов, сотрудников христианских миссий, западных лицеев, вечерних и дневных школ для девочек, состоявших при благотворительных организациях, находились более весомые аргументы в борьбе за отмену бинтования. Западные организации не принимали девочек и девушек с бинтованными ногами в свои ряды, тем самым в первые два десятилетия XX в. они способствовали появлению первых учениц с естественной формой стопы, так называемыми «свободными ногами» (фанизу).

Родители девочек, желавшие дать своим детям западное образование, которое считалось лучшим в тот период, должны были отказаться от предрассудков и позволить дочерям самостоятельно определять свою судьбу. Количество девушек, обутых в традиционные гунсе, стало заметно сокращаться сразу после Синьхайской революции, чему способствовали действия нового правительства. Молодым девушкам, чьи стопы уже частично были деформированы на момент издания новых указов, было предписано прекратить бинтование. Однако они навсегда лишились возможности следовать модным тенденциям шанхайского общества будущих десятилетий: носить туфли на каблуке и приобщиться к моде на бальные танцы.

В результате работы активистов движения против бинтования ног в первые десятилетия существования Китайской Республики многие девушки начали носить обычную обувь, которая получила названия фансе («свободная обувь») (28). Как правило, это были кожаные ботинки черного цвета, в которые переобулись прогрессивно настроенные первые студентки Поднебес-

ной. Новая республиканская женская обувь больше напоминала западные мужские ботинки.

Подобный элемент гардероба как нельзя лучше подходил под скромные монохромные одеяния, которые предпочитали носить активистки движения 4 мая (29). Естественность, практичность и подражание мужчинам — вот те тенденции, что определяли внешний вид «новых женщин» Китая в первое десятилетие после Синьхайской революции.

В значительной степени новый образ сложился под влиянием западной культуры и моды. Простота и лаконичность были характерной чертой внешнего вида женщин в странах Европы в тот период, что явилось следствием событий Первой мировой войны. Последующее двадцатилетие мирной жизни внесло свои коррективы в западную моду, что естественным образом отразилось и на стиле одежды жителей Шанхая, а вслед за ним и других городов Китая.

Признание в новом обществе естественной формы стопы выразилось в появлении расшитых тканевых ботинок бусе (30), украшавших ноги городских модниц в 10-е гг. ХХ в. Одним из символов освобождения женщин Китая от многовекового угнетения можно считать обувной магазин «Сяохуаю-ань», открывшийся сразу после Синьхайской революции в Шанхае. Этот магазин занимался пошивом и продажей обуви для первых женщин с естественной формой ноги. Магазин постоянно расширял свой бизнес вплоть до начала 20-х гг. (31), когда в городе стали популярны первые модели туфель на каблуке.

Постепенно шанхайские девушки отказались от *бусе*, хотя подавляющая масса женщин со средним и низким достатком сохранила верность этому фасону обуви на долгие десятилетия.

С середины 20-х гг. и вплоть до начала крупномасштабного антияпонского сопротивления в 1937 г. в Шанхае происходит расцвет буржуазной культуры. Женщины забывают о тканевых туфлях бусе, коротких прямых волосах и бесформенных длинных халатах ципао, доставшихся в наследство от маньчжурских кочевников.

Исследовательница культуры Шанхая Дай Юньюнь, анализируя поворот в сознании горожан в тот период, приходит к выводу о том, что общая направленность происходивших изменений во внешнем виде женщины отразила появление нового мышления, в центре которого стояла женщина и, что особенно важно и ново, красота ее тела (32). Это уже была не «новая женщина» Китая, а «современная женщина» (модэн нюйсин) (33) Шанхая.

Появление с конца 20-х гг. новых элементов в женском гардеробе, распространение моды на укладку волос, полный отказ от бинтования ног способствовали пробуждению женственности, появлению интереса к женской индивидуальности и сексуальности.

Для традиционного китайского общества столь скорое принятие новых стандартов красоты при иных обстоятельствах было бы невозможным, но

Шанхай в данном случае был исключением. Нестабильное политическое положение во всей стране, определенная изолированность города от сельской среды дополнялись присутствием огромной иностранной диаспоры и значительными импульсами к развитию со стороны западного бизнеса. Чжан Айлин объясняла неповторимость шанхайской моды внутренней пустотой горожан, их бессилием перед психологическими конфликтами: «Непрестанные изменения в следовании моде вовсе не обязательно говорят о живости духа и оригинальности мышления. Все как раз наоборот. Это может говорить о застое; когда в прочих сферах жизни упадок, весь творческий потенциал расходуется на внешний облик» (34).

Новый стиль жизни «современной женщины» требовал соответствия определенным стандартам: наличия образованности, экономической самостоятельности, активной жизненной позиции. Помимо этого устанавливались и критерии внешнего вида. Горожанки подражали тем моделям и образцам, которые диктовала складывавшаяся новая культура мегаполиса. Ван Цияо – героиня известного романа Ван Анъи «Песня вечной скорби», посвященного атмосфере Шанхая 1930–1960-х гг., была как раз таким «продуктом» массовой культуры: «Для нее следование моде – это четко прописанный сценарий, где она не придумывает ничего своего, но и не хватается за старое, она полностью полагается на то, что ей предлагают. Шанхайская модная лихорадка возникла именно благодаря существованию целой армии таких Ван Цияо. Но они не способны двигать моду вперед. Они не обладают творческим началом и не имеют собственной индивидуальности» (35).

Значительное влияние на формирование облика шанхайской женщины 30–40-х гг. оказывала массовая кино- и печатная продукция. Западный кинематограф становится крайне популярным в городской среде. Модные девушки стремятся во всем подражать образу любимых иностранных актрис.

В 30-е гг. в многочисленных кинозалах Шанхая демонстрировалось до 400 западных картин в год (36). Стиль одежды и образы Кэрол Ломбард (37), Джин Харлоу (38), Барбары Стэнвик (39), Клодетт Колбер (40), Джоан Кроуфорд (41) и других голливудских актрис стали объектами массового подражания (42). К середине 30-х гг. уже шанхайские киностудии начинают снимать фильмы, демонстрировавшие на весь Китай новую городскую культуру.

Золотая эра шанхайского кино подарила модной культуре мегаполиса десятки имен отечественных актрис, которые были знакомы каждой горожанке. Образы, созданные этими актрисами на экранах, соответствовали мировым модным трендам, что позволило им встать на одну ступень с прославенными голливудскими актрисами. Новые стандарты женской красоты и привлекательности задавали и городские печатные издания, которые помимо информационных статей включали в себя многочисленные яркие фотографии, рекламные объявления, красочные карикатуры.

Женские издания еще с середины 20-х гг. начали знакомить читательниц с жизнью успешных и известных женщин, тем самым способствуя по-

явлению устойчивых представлений об облике новой «современной женщины». Газеты и журналы играли важную роль в развитии сферы обслуживания, направленной исключительно на женскую аудиторию. Во многом именно печатная продукция и киноиндустрия заставили модные тенденции 10-х — начала 20-х гг. впоследствии перейти из разряда самостийных, свободно развивавшихся в четко спланированный регулируемый поток информации, организующий моду в нужном для предпринимателей русле.

Любовь к западной культуре и моде вылилась в появлении в Шанхае первых туфлей на высоком каблуке. Обладательницами подобной обуви в 1920-е гг. были лишь жены иностранцев, проживавших в городе, и немногочисленные состоятельные китаянки, которым посчастливилось родиться в прогрессивной семье и избежать бинтования ног.

Девушки из средних слоев населения поначалу не могли позволить себе подобную импортную новинку. Ситуация сильно изменилась к концу 20-х гг. Девушки, одетые в западные платья, в туфлях на высоком каблуке, с завитыми волосами стали неотъемлемым атрибутом шанхайских улиц. «Современные женщины» взирали на прохожих с рекламных плакатов, киноафиш, с обложек женских журналов. К началу 30-х гг. туфли на каблуке были представлены во всех обувных магазинах в центральной части города. Огромная популярность такой обуви и большой выбор моделей сделали этот западный тренд непременным атрибутом моды мегаполиса.

Очень важно отметить, что любовь китаянок к высокому каблуку не была простой данью моде. Обновленный вариант традиционного халата – платье *ципао*, ставшее по-новому популярным в 30-х гг. в Шанхае, часто шилось в пол, что позволяло скрыть обувь. Наличие каблука зрительно уменьшало размер ноги, при этом удлиняло фигуру. Девушка в подобной обуви издалека казалась обутой в прежние миниатюрные *гунсе*, при этом выглядела более изящно.

Иностранцы Шанхая в своих воспоминаниях часто говорили о местном населении с неприязнью и иронией (43). Однако это редко относилось к женской части жителей, особенно когда речь шла о модных девушках: «Китаянки весьма милы и диковины своим внешним видом. Длинные узкие халаты четко скроены по их стройным фигурам, их облик великолепен своей восхитительной сложностью, особенно в сочетании с непременно маленькими ножками в невероятно маленьких туфлях» (44). Не трудно понять, что подобный образ делал жительниц Шанхая 30-х гг. отчасти схожими с китайскими красавицами прежних столетий. Сменив гунсе на западные туфли, шанхайские девушки, с одной стороны, более не подвергали себя мучениям и обладали свободой передвижения, а с другой стороны, выглядели привлекательно для мужчин и внешне казались беззащитными и хрупкими.

Непременная любовь к высокому каблуку стала особенностью шанхайского стиля. Актрисы кино, девушки на рекламных плакатах и традиционных настенных календарях, продавщицы в магазинах, сотрудницы иностран-

ных фирм носили различные фасоны туфлей, но все они обязательно были на высоком каблуке. Даже героиня фильма «Перекрестки» (45) Ян Чжиинь, работающая на фабрике ткани в Шанхае, носила исключительно такую обувь. Правда, она не являлась представительницей рабочего класса, а следила за качеством исполнения работы другими девушками и по своему социальному положению стояла выше окружающих ее женщин. Позволить себе носить туфли на каблуке могли лишь те женщины, которым не приходилось заниматься многочасовой стоячей работой на заводах и фабриках.

В одном из выпусков популярнейшего в те годы женского журнала «Линлун» (46) была опубликована статья под названием «Длинное ципао и туфли на высоком каблуке» (47), посвященная двум основным атрибутам шанхайских красавиц. Автор статьи в возвышенных эпитетах рассуждал об изящности и красоте шанхайского стиля: «Одна знакомая, приехав из Европы, рассказала, что, будучи на каблуках и в *ципао*, она сумела затмить самые изящные наряды французской моды. На званом вечере французы восторженно обсуждали ее наряд: ступая по паркету зала на высоких каблуках и в элегантном платье, она была столь изящна, подобно летящей бабочке» (48).

Однако далее автор замечает, что подобный стиль в одежде являлся атрибутом лишь определенного слоя горожанок: образованных девушек, занимавшихся офисной работой или учившихся в университете, а также женщин, работавших в индустрии развлечений (49). Лу Синь в одном из своих рассказов описывал любительниц высоких каблуков как юных авантюристок, стремящихся к красивой жизни: «В ночном свете уличных фонарей модная барышня смело отбивает каблучками "тук-тук" по дороге, а на кончике носа у самой проступили блестящие капельки пота, что показывает ее полную неопытность в этих делах. И пусть даже доведется ей искупаться в сиянии блеска, все равно не избежать ей забвения и упадка» (50).

Любовь жительниц города к изящной обуви на каблуке оказалась тесно связанной с другим интересным явлением в жизни шанхайцев: огромной популярностью западных танцев, например фокстрота, танго и чарльстона (51).

Запрет на бинтование ног позволил подрастающему поколению юных китаянок 20-х гг. перестать с завистью взирать на танцующих в шанхайских дансингах (52) европеек. К середине второго десятилетия Республики в Шанхае появилось поколение молодых девушек, физически способных танцевать (53). Они не только получили возможность плавно, без усилий передвигаться по паркету, но и смогли обучиться искусству танца на достаточно высоком уровне. Как правило, эти девушки являлись студентками китайских частных женских школ или учебных заведений при католической миссии в Шанхае (54).

В 30-е гг. в стенах таких учебных заведений стали активно преподавать бальные танцы. Также было открыто большое количество частных школ, кружков, центров культурного досуга, где учили игре на западных музыкальных инструментах и преподавали парные танцы. Но не все девушки с разрешения семьи действительно могли позволить себе пойти в один из клу-

бов, где проводились танцы, и выйти с партнером на паркет. Отношение к парным танцам в китайском обществе не было однозначным на протяжении всего существования Китайской Республики (55).

Уникальный шанхайский стиль во внешнем виде женщин стал результатом взаимодействия огромного числа факторов. Последующие события в истории Шанхая привели к определенному застою, как в общественной жизни, так и в модных тенденциях. Образ шанхайской красавицы конца 30-х гг. застыл на неспокойное десятилетие антияпонского сопротивления и гражданской войны.

Вплоть до конца 1941 г. иностранные концессии продолжали оставаться территорией спокойствия и западного благополучия в море японской оккупации. Женщины «Одинокого острова» (гудао) (56), как называли Шанхай в тот период, были вынуждены вести более скромный образ жизни. Многочисленные иностранцы спешно покинули город. Яркая столичная жизнь замерла вплоть до окончания Второй мировой войны, когда она вновь получила небольшой импульс к возрождению. Однако дальнейший приход к власти Коммунистической партии Китая и отток последних иностранцев из Шанхая положили конец процветанию Восточного Парижа. Многие яркие представительницы шанхайской культуры, включая художниц, актрис, писательниц, бежали сначала в Гонконг, а оттуда уже на Запад. Неповторимый стиль жизни и внешний облик шанхайских девушек, просуществовавший в городе всего порядка двух десятков лет, остался неотъемлемым элементом истории старого Шанхая, но ему было не суждено войти в историю Китая второй половины XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Чжан Айлин*. Гэн и цзи (Заметки об изменениях в одежде) // http://book.kanunu.org/book3/7108/155481.html
- (2) Новая женщина образ китайской женщины начала XX в., с присущими ему особым стилем жизни и образом мышления, не характерными для традиционного общества. Данный образ возник в работах общественных деятелей и на страницах китайской прессы еще в начале XX в., в контексте борьбы за освобождение женщины. Особенно активно тема становления новой женщины стала обсуждаться с началом движений за новую культуру и 4 мая, со второй половины 1910-х гг. В этом же значении в китайской историографии встречается сочетание синь фунюй.
- (3) Бинтование ног многовековой обычай, распространенный в определенной среде китайского населения, предполагавший тугое перевязывание стоп девочек в раннем возрасте, что вело к прекращению роста костей и деформации ноги. Женщины были вынуждены бинтовать ноги всю оставшуюся жизнь, так как незафиксированная бинтом стопа лишала их возможности передвигаться.
- (4) Ципао традиционный китайский женский наряд, изначально носимый в среде маньчжурской знати. Благодаря проникновению китайской моды на Запад в англоговорящей среде ципао стал известен как чонсам.

- (5) Тайпины участники политико-религиозного движения в Китае, приведшего к народному восстанию против господства цинской династии.
- Фицджеральд Ч.П. Китай: Краткая история культуры / Пер. Р.В. Котенко. СПб., 1998. // http://www.enoth.narod.ru/History/Fitzgerald.htm
- (7) *Швейгер-Лерхенфельд А. Ф.* Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара / *Усов В.Н.* Жены и наложницы Поднебесной. М., 2006. С. 324.
- (8) Исаева Л.И. Красавицы древнего Китая. М., 2009. С. 241.
- (9) Там же. С. 250–251.
- (10) *Фицджеральд Ч.П.* Китая / *Усов В.Н.* Жены и наложницы Поднебесной. М., 2006. С. 250–251.
- (11) Кули рабочие, занимавшиеся тяжелым физическим трудом.
- (12) *Ko D.* Teachers of the Inner Chambers. Women and Culture in Seventeenth-Century China. Stanford, 1994. P. 263.
- (13) *Лю Далинь*. Чжунго гудай син вэньхуа (Культура взаимоотношения полов в Древнем и Средневековом Китае). Нинся, 2002. С. 892.
- (14) Там же. С. 892.
- (15) Там же. С. 896.
- (16) *Чжэн Юнфу, Лу Мэйи*. Чжунго фунюй тунши, миньго цзюань (История женщин Китая, период Республики). Ханчжоу, 2010. С. 532.
- (17) *Николаева В.Б.* Маньчжурский костюм эпохи династии Цин. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2006.
- (18) Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. Цит. соч. С. 532.
- (19) *Гулик Р.В.* Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер. с англ. Кабанова А.М. СПб., 2000. С. 368.
- (20) Гунсе («изогнутые башмаки») традиционная форма китайской обуви, которую носили женщины с бинтованными ногами. Данная обувь шилась из ткани, часто шелковой, и богато украшалась вышивкой.
- (21) Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. Цит. соч. С. 532.
- (22) Natural food society.
- (23) Wexler L. Allowing Girls to Hold up Half the Sky: Combining Norm Shifting and Economic Incentives to Combat Daughter Discrimination in China // Florida State University Research Paper Series FSU College of Law, Public Law Research Paper No. 209, January 2007. P. 8.
- (24) *Янь Цзюньлин*. Ло е гуэй гэнь (Опавшие листья возвращаются к корням). Пекин, 2001. С. 10.
- (25) Дай Юньюнь. Шанхай сяоцзе (Шанхайская девушка). Шанхай, 1999. С. 82.
- (26) Bailey P. J. Gender and education in China. Abingdon, 2007. P. 121.
- (27) Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. Цит. соч. С.7–8.
- (28) Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. Цит. соч. С. 533.
- (29) Движение 4 мая массовое движение в Китае в мае—июне 1919 г., начавшееся с активного выступления молодежи по всей стране. Развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун.
- (30) Бусе («тканевая обувь») традиционная форма китайской обуви. Данная обувь шилась из ткани, часто шелковой, и могла украшаться вышивкой. Бусе появились в начале XX в. и пришли на смену гунсе.

- (31) Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 24.
- (32) Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 7.
- (33) Современная женщина определенный образ китайской женщины в 1930-е гг. в шанхайском обществе, с присущими ему стилем жизни, внешним обликом, поведением. В зависимости от социального положения женщины данный образ мог включать различный набор характеристик, однако главными среди них являлись образованность, экономическая самостоятельность, вовлеченность в общественную жизнь, уверенность в себе. В этом же значении в китайской историографии встречаются сочетания модэн фунюй, сяньдай нюйсин.
- (34) Чжан Айлин. Гэн и цзи...
- (35) Ван Аньи. Чан хэнь гэ (Песня вечной скорби). Пекин, 1995. С. 21.
- (36) Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 40.
- (37) Carole Lombard (1908–1942). Американская актриса, номинантка на премию «Оскар» (1937). Ее самые известные киноработы «Мой слуга Годфри», «Двадцатый век», «Быть или не быть», «Ничего святого», «Мистер и миссис Смит».
- (38) Jean Harlow (1911–1937). Американская актриса, кинозвезда и секс-символ 1930-х гг. Ее самые знаменитые киноработы – «Ангелы ада», «Красная пыль», «Взрывоопасная красотка», «Держи своего мужчину», «Жена против секретарши».
- (39) Barbara Stanwyck (1907–1990) популярная в 1930–1940-х гг. американская актриса. Снялась в фильме «Двойная страховка», сериале «Поющие в терновнике».
- (40) Claudette Colbert (1903–1996) американская актриса, обладательница премий «Оскар» и «Золотой глобус», признанная одной из ведущих комедийных актрис 1930-х гг.
- (41) Joan Crawford (1905–1977) американская актриса немого и звукового кино, в 1930-е гг. по популярности соперничавшая с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо.
- (42) Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 23.
- (43) См. Например: *Karns M., Patterson P.* High lights, low lights, tael lights. Shanghai, 1936 // http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/high/t-high.htm; *Gunther J.* Inside Asia. Shanghai, 1939 // http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/short/asia.htm
- (44) Karns M., Patterson P. Op. cit.
- (45) Шицзы цзетоу (Перекрестки). Реж. Шэнь Силин. Шанхай, 1937.
- (46) Линлун («изящный, утонченный, элегантный») полноформатный иллюстрированный женский журнал, издававшийся в Шанхае в период 1930–1937 гг., ставший популярным далеко за пределами Китая. Название журнала практически непереводимо на русский язык, в западной историографии оно просто записывается как «Linloon», хотя порой указывается переводное соответствие «Элегантность» или «Утонченная элегантность».
- (47) Чан ципао юй гаогэньсе (Длинное ципао и туфли на высоком каблуке) // Линлун. 1937. № 21. С. 1623–1626.
- (48) Там же. С. 1623.
- (49) Там же. С. 1624.
- (50) Лу Синь. E сун (Гимн ночи) // http://www.5156edu.com/page/07-07-19/26343.html
- (51) Подробнее о танцевальной культуре Шанхая см.: *Селиверствова Ю.А.* Зарождение и развитие танцевальных клубов Шанхая 1920–1940-е гг. // В кн.: Олимпийские игры: история и современность. Сборник статей участников ежегодной межвузов-

- ской научной конференции «Восток и запад: приоритеты эпох». Москва, РУДН, 13 апреля 2012 г. C. 446-458.
- (52) Дансинг определенный тип развлекательных заведений Шанхая, совмещавший в себе ресторан и танцевальный зал. Шанхайские дансинги отчасти были схожи с кабаре, однако важным их отличием было то, что популярностью в них пользовались западные парные танцы, а не представления на сцене. Слово «дансинг» встречается в мемуарах и автобиографических произведениях русских мигрантов, проживавших в 1930-е гг. в Шанхае.
- (53) Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 91.
- (54) Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. Цит. соч. С. 537.
- (55) Чжан Айлин. Тань тяоу (О танцах) // Тяньди. 1944. № 14. С. 1.
- (56) Гудао («одинокий остров») период в истории Шанхая с ноября 1937 по декабрь 1941, когда иностранные поселения оказались в кольце японской оккупации.

FROM FOOTBINDING TO HIGH HEEL SHOES: TRANSFORMATION OF THE APPEARANCE OF THE SHANGHAINESE WOMEN IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY

Y. Kupriyanova

Department of Oriental Philology of the East School of Asian Studies National Research University – Higher School of Economics Pokrovsky bul., 8, Moscow, Russia, 109028

The article considers changes in the appearance of women in Shanghai during 1911–1949 years, closely related to the new social concepts and promotion of urban culture. The study examines the process of rejection from the traditional custom of young girl's footbinding, started from the late XIX century. The author logically reveals the main stages of transformation of women clothing elements from the miniature embroidered shoes to the first high heel shoes appeared in 1920-s. Together with the consideration of attributes of "new women's" fashion author shows the major social processes that had an impact on urban female style.

Key words: Shanghai, Republic of China, bandaging feet, Chinese society, cultural interaction, urban culture, city fashion.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ ОРЕНБУРЖЬЯ: УСТАНОВКИ НА МИГРАЦИЮ

(по материалам этносоциологического исследования)

А.Ю. Толмачева

Центр европейских и американских исследований Институт этнологии и антропологии РАН Ленинский проспект, 32a, Москва, Россия, 119991

Статья написана по материалам этносоциологического опроса, проведенного автором на территории Оренбургской области в 2010–2013 гг. Его задачей было изучение установок представителей немецкой национальности на миграцию в Германию. Данное исследование является актуальным на современном этапе, так как начавшиеся в 1990-х гг. выезды немцев с территории области не прекращаются до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: российские немцы, Оренбургская область, миграции, этнические процессы.

Немцы и Оренбуржье – эти два понятия неразрывно связаны друг с другом уже на протяжении нескольких столетий. Первые представители немецкого этноса появились здесь еще в середине XVIII в., когда происходило основание и становление города и губернии, – это государственные служащие, военные, архитекторы, инженеры, всевозможные представители ремесленных профессий, чиновники и военные чины.

Затем с конца XIX в. в течение нескольких десятилетий сотни колонистов хлынули на территорию Оренбургской губернии в поисках лучшей жизни, свободных земель, государственных привилегий.

Миграции являются характерной чертой российских немцев. Нехватка земель, ущемление в правах, религиозные притеснения, поиск более комфортного места проживания и другие причины способствовали многочисленным переселениям этого этноса. «Volk auf dem Weg» («Народ в пути») — этой

фразой характеризуется вся совокупность российских немцев, опираясь на один из важнейших признаков.

Яков Дитц в своей книге «История поволжских немцев-колонистов» приводит следующее описание: «Люди, бросившие Отчизну, оставившие могилы предков своих и перешедшие в далекую Россию, чтобы найти там свое счастье, действительно, не дорожили насиженным местом и видели свою родину там, где им было хорошо. Эта особенность характера проходит красной нитью через всю историю колонистов» (1).

Нестабильная ситуация в стране, процессы ассимиляции, низкий уровень жизни в России, нежелание властей восстанавливать в Оренбургской области немецкий национальный район способствовали увеличению массовых стихийных выездов немцев в 1990-х гг. Люди стремились покинуть страну, которая долгие годы уничтожала их национальный менталитет, стремясь полностью ассимилировать немецкий этнос, ликвидировать национальное самосознание.

Резкое снижение численности немцев на территории Оренбургской области в последние два десятилетия стало серьезной проблемой. По данным статистики, за период с 1989 по 1996 г. – время непрекращающейся эмиграции немцев – за пределы Оренбургской области выехало около 40 тыс. переселенцев немецкой национальности.

Подобная картина сложилась не только на территории Оренбургской области, но и практически во всех субъектах Российской Федерации. Например, из Омской области за этот же временной период 1989–1996 гг. выехало 66152 этнических немца. А всего из России и бывших союзных республик в Германию мигрировало свыше 2 млн российских немцев.

Данная ситуация не могла не вызвать озабоченность в администрации области. И весной 1998 г. состоялось заседание Совета по делам национальностей при главе администрации Оренбургской области, на котором были подробно рассмотрены перспективы дальнейшего развития немецкого этноса Оренбуржья. Были проанализированы результаты проведенного социологического опроса, которые показали, что более 75% немцев положительно смотрят на эмиграцию и готовы выехать за пределы страны.

В 2010—2013 гг. вновь было проведено этносоциологическое исследование на территории Оренбургской области. Его предметом являлось современное этнокультурное состояние немецкого населения, при этом затрагивались такие компоненты, как этническая идентичность, язык, культура, межнациональное взаимодействие, установки на миграцию. Было опрошено 178 респондентов разного возраста, вероисповедания, социального статуса. Сбор материала проводился в нескольких районах Оренбургской области: Переволоцком, Красногвардейском, Александровском, Акбулакском, а также в городах Оренбург и Сорочинск.

За последние 20 лет из Оренбургской области уехало больше половины проживающих там немцев. Миграция не прекращается и до сегодняшнего дня, хотя и не в таких масштабах, как она происходила в 1990-х гг. Именно в

этот период перестройки Россию покинули родственники большей части опрошенных российских немцев области (85,39%). Из всего количества респондентов ни один не сказал, что его близкие мигрировали в Германию в 1980-х или 2000-х гг. Именно период 1990-х гг. наиболее изменил численность российских немцев области, до этого времени получить разрешение на выезд из страны было крайне проблематично. Тогда как Германия уже была готова принять переселенцев из России — на основании статьи 116 Конституции ФРГ каждый немец, который не видит для себя будущего в своей стране, должен быть принят в Федеративную Республику Германия (2). Лишь в 1989 г. эмиграция немцев была разрешена советским правительством.

14,61% опрошенных респондентов не имеют родственников, которые проживали бы в Германии, чаще всего это семьи, состоящие из более четырех национальностей. В таких национально-смешанных браках решиться на переезд было значительно труднее.

Именно массовые, стихийные, безвозвратные миграции российских немцев Оренбургской области 1990-х гг. и определили ход этнических процессов в начале XXI в. В последующие годы темпы миграции снизились, но и сейчас в Оренбургской области живут немцы, которые хотели бы выехать на постоянное место жительство в Германию. 21,34% опрошенных хотели бы мигрировать на историческую родину. Положительно на вопрос о желании переселиться отвечали как представители молодого поколения, так и люди преклонного возраста. Среди причин указывались следующие:

- 1) желание вернуться на родину предков;
- 2) воссоединение с родственниками;
- 3) улучшение материального положения.

Более половины респондентов (56,74%) не имеют намерения выезжать за пределы России. Свое желание остаться в стране они обосновывали так:

- 1) «мы привыкли жить в Оренбуржье, здесь похоронены наши родители» (18,59%);
 - 2) «наша Родина Россия» (8,98%);
- 3) «в Германии нас, детей от смешанных браков, считают людьми второго сорта»;
 - 4) «все родственники проживают в России»;
 - 5) «уровень жизни в России нас устраивает».
- 21,92% опрошенных немцев Оренбургской области не смогли ответить на вопрос «Хотели ли бы Вы жить в Германии?» Это объясняется тем, что данный вопрос является открытым, и в семьях еще обсуждается возможность мигрировать на постоянное место жительство в Германию или остаться в России

Многие жители области имеют постоянные контакты с родственниками, проживающими в Германии, 58,98% опрошенных респондентов посещали их и продолжают регулярно встречаться со своими близкими. При этом у большинства российских немцев, проживающих на территории Оренбургской

области, сложился определенный идеализированный образ Германии как постоянного места жительства выходцев из России. Данное утверждение подтверждают и результаты исследования — больше половины опрошенных респондентов (58,98%) оценивают жизнь российских немцев в Германии положительно, и считают, что после эмиграции из России условия проживания заметно улучшились. Надо заметить, что подобное предположение высказывали как люди, посетившие Германию, так и никогда не бывавшие в этой стране.

Высказывания немцев Оренбургской области по поводу уровня жизни российских переселенцев указывают на то, что в данной среде сложились определенные представления об обеспеченной, беззаботной жизни в Германии, основанные либо на основе собственных впечатлений, либо по рассказам друзей, родственников, знакомых. Более негативное отношение к Германии и коренным немцам высказывают семьи российских немцев-реэмигрантов, проживающих на территории Оренбургской области, которые, переехав несколько лет назад в Германию, приняли решение вернуться в Россию. Они оценивают жизнь российских немцев в Германии совершенно по-другому:

- «жизнь в Германии очень трудная, в России жить проще» (4,49%);
- «кто работает, тот хорошо живет, но эмигрантам утроиться на хорошую работу очень непросто» (2,24%);
 - «жить там очень тяжело, нас там считают русскими» (2,24%).

Двойственное отношение к российским немцам характерно для данного этноса. Являясь носителями двух культур, они одновременно являются «чужими» и в стране, в которой они родились, России, и на исторической родине — Германии. 4,49% опрошенных респондентов считают, что и в России, и в Германии уровень и качество жизни зависит от самого человека, от его отношения к окружающей действительности.

В целом в представлении российских немцев, проживающих на территории Оренбургской области, сложился определенный образ взаимоотношений переселенцев из России с коренными немцами Германии. Респондентам был задан вопрос — «Как вы считаете, какие отношения складываются с коренными немцами и российскими немцами в Германии?» 18,53% опрошенных затруднились ответить, остальные же ответы распределились следующим образом:

- нормальные / хорошие 44,94%;
- дружеские 6,74%;
- натянутые 4,49%;
- не вполне благополучные 4,49%.

Таким образом, российские немцы Оренбуржья считают, что взаимоотношения с коренными жителями Германии складываются благополучно, отмечая при этом именно рабочие отношения. Одной из проблем при миграции респонденты называли невозможность в Германии иметь более тесные отношения с соседями, какие они привыкли видеть в России.

Если в начале 1990-х гг. при миграции в Германию российские немцы сталкивались с рядом небольших затруднений, то в 2000-х гг. переехать на постоянное место жительства на историческую родину стало значительно труднее. Это объясняется ужесточением паспортно-визового режима со стороны Германии, введение обязательного для всех членов семьи языкового экзамена, более детальные и тщательные проверки документов, подтверждающих родственные отношения с гражданами Германии. Опрошенные российские немцы Оренбуржья отчетливо выделяют наиболее распространенные трудности, с которыми сталкиваются переселенцы из России:

- оформление визы, документов 52,24%;
- незнание немецкого языка на должном уровне 42,69%;
- сложности с получением работы 6,74%;
- отличия в культуре -6.74%;
- образование (недостаточный уровень полученного образования и недействительность российских дипломов) – 4,49%;
 - отличия в менталитете -2,24%;
 - разобщенность проживания российских немцев 2,24%.

11,79% опрошенных затруднились назвать проблемы, а 4,49% считают, что никаких трудностей при переезде в Германию не возникает.

Оформление визы, документов и знание языка определяли как проблему представители старшего поколения, тогда как молодые российские немцы обращают внимание не только на затруднения при плохом владении немецким языком, но и отличия в менталитете, культуре, образовании. Вследствие этого респондентам был задан вопрос — «Хотели бы они (или их дети) получить образование в Германии?» 21,34% опрошенных заявили, что хотели бы учиться или учить своих детей в Германии, так как считают, что немецкое образование дает больше возможностей. 33,14% российских немцев против образования в Германии, так как не владеют немецким языком на должном уровне, не планируют мигрировать и российское образование их устраивает. 42,69% затруднились ответить, это больше люди пожилого возраста, имеющие взрослых детей.

Одним из самых важных пунктов при проведении исследования было выяснение мнения опрошенных респондентов по поводу причины переезда российских немцев из Оренбургской области в Германию с начала 1990-х гг. и продолжающегося до сегодняшнего времени. Перед исследованием стояла задача определить, как сами представители немецкого этноса объясняют причины массовых безвозвратных миграций из России.

Какие же причины, по мнению оренбургских немцев, способствовали массовым миграциям населения в Германию? На первое место вышло «Желание жить лучшей жизнью» – 30,89% опрошенных. Примечательно то, что 28,08% респондентов затруднились назвать причины переезда соотечественников (табл.).

Таблица
Причины миграции российских немцев с Оренбургской области в Германию (опрос 2010–2013 гг.)

Причины миграции российских немцев	Среди опрошенных немцев Оренбургской области (%)
«Желание жить лучшей жизнью»	30,89%
«Обида на страну, на многолетние репрессии»	11,79%
«У каждого своя причина уезжать из России»	8,98%
«Немцы не чувствовали поддержки от государства»	4,49%
«Улучшение материального положения»	2,24%
Страх, неопределенность будущего	2,24%
Воссоединение семьи	2,24%
Сохранение этноса	1,68%
«Отсутствие условий для свободного вероисповедания»	1,12%
Затруднились ответить	28,08%

Если в середине 1990-х гг. российские немцы на первое место ставили причину отъезда — «страх и неопределенность будущего» (по исследованиям, проводимым Амелиным В.В.), то сейчас преобладает желание улучшить свои условия жизни. Примечательно и то, что всего 1,68% опрошенных респондентов заявили, что желание мигрировать на историческую родину в Германию связано со стремлением сохранить язык, традиции, обычаи предков и передать их подрастающему поколению. Люди пожилого возраста все чаще при просьбе назвать причины, побудившие российских немцев Оренбургской области переехать, вспоминают жесткие условия существования данного народа во время Второй мировой войны, угнетение, репрессии, трудовые армии, спецпоселения. Представители же среднего и младшего поколения, воспитанные в советские годы, не акцентируют свое внимание на последствиях военного времени и считают, что сейчас российские немцы мигрируют только по причине желания улучшения материального положения и условий жизни.

Таким образом, современные представители немецкого этноса, проживающие на территории Оренбургской области, и сейчас имеют намерение переехать на постоянное место жительство в Германию (хотя и не в таком количестве, как еще 20 лет назад). При этом необходимо заметить, что данное явление имеет тенденцию к уменьшению.

Сокращение числа мигрантов немецкой национальности с территории Оренбургской области характеризуется, прежде всего, ужесточением правил въезда со стороны Германии, которая издала Закон о поздних переселенцах (ограничение льгот, ежегодная квота переселенцев, необходимость сдачи языковых тестов), а также улучшением условий проживания на территории Российской Федерации. Новая миграционная политика Германии направлена на сохранение этнического меньшинства немцев за пределами Германии, укрепление их желания остаться в России (открытие центров встреч, культурных центров, разработка языковых программ, помощь в бизнесе, улучшение условий проживания и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Дити Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 227.
- (2) История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 371.

RUSSIAN GERMANS IN ORENBURG REGION: RELATED TO MIGRATION

(on materials of ethnosociological research)

A. Tolmacheva

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences Leninskiy Prospekt, 32A, Moscow, Russia, 119991

Article is based on ethno-sociological survey conducted by the author in the Orenburg region in 2010–2013. Its task was to study purpose representatives of German nationality to migrate to Germany. This study is relevant at the present stage, as begun in the 1990s departure of the Germans from the region do not stop until today.

Key words: the Russian Germans, the Orenburg region, migrations, ethnic processes.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «БЛИЖНИЙ ВОСТОК, АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ И РОССИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?»

(Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. – М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.)

А.А. Куделин

Кафедра всеобщей истории Российский университет дружбы народов ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Автору уже приходилось обращаться к теме политического ислама, и также в жанре рецензии (1). В одной из завершающих фраз названной публикации было сказано, что в конце рецензируемой книги следует поставить не точку, а многоточие. Прошло совсем немного времени, и сторонники политического ислама вновь вышли на сцену в арабском мире, однако «Арабская весна» — это, безусловно, не просто очередной подъем исламского политического проекта, но гораздо более широкое и многоплановое явление, имеющее внутри- и внешнеполитическое, экономические, социальные и культурные аспекты. Необходимо отметить, что российская научная и публицистическая печать, российское интернет-сообщество живо реагируют на эти события на Ближнем Востоке и в Северной Африке, все публикации по этому вопросу перечислить просто невозможно. На страницах нашего журнала мы уже публиковали отклик на одну из публикаций по этой тематике (2).

Однако несмотря на многообразие научных и прочих статей по данной проблеме рецензируемый сборник представляет собой принципиально новое явление, поскольку в нем впервые была сделана попытка (и, на взгляд автора, удачная) изучить «Арабскую весну» как многообразный феномен и представить (насколько это было возможно без нарушения общей концепции сборника) всю палитру взглядов на это явление, сложившуюся в российском

экспертном сообществе. В сборнике насчитывается более 30 статей, поэтому в рамках рецензии в силу ограничения объема текста не удастся подробно прокомментировать их все. Тем не менее, необходимо кратко рассмотреть содержание работы в целом.

Структурно работа делится на пять разделов, первый из которых является вводным. Во вводном разделе помещены статьи В.В. Наумкина и Е.М. Примакова, которые в основном дают ответ на вопрос, как правильно охарактеризовать явление, называемое «Арабской весной» (В.В. Наумкин), и какую позицию занимает (или должна занимать) Россия в отношении этих событий (Е.М. Примаков).

Раздел сборника «Трансформация региона» затрагивает проблемы, касающиеся ключевых аспектов многопланового явления, называемого «Арабской весной». Статья А.О. Филоника посвящена социально-экономическим процессам в арабском мире в связи с указанными событиями. Исследование В.М. Ахмедова посвящено роли армии в «арабских революциях». Российский дипломат А.Г. Бакланов пишет о возможностях и проблемах создания ближневосточной системы коллективной безопасности. Статья тунисского эксперта Н. Лажми посвящена роли телекомпании «ал-Джазира» в событиях «Арабской весны». Последние две статьи раздела — «Арабская весна между Америкой и "аль-Каидой"» (Г.И. Мирский) и «Причины альянса Запада и радикального ислама» (О.В. Павлов) освещают геополитический феномен, связанный с неожиданной сменой ориентации американской (т.е. западной в целом) политики в ближневосточном регионе: вместо борьбы с политическим исламом мы видим «сотрудничество», которые особенно рельефно проявилось в Ливии и Сирии.

Второй раздел книги состоит из статей, посвященных отдельным странам, в той или иной степени затронутым событиями арабской весны, — Тунису (В.А. Кузнецов, М.Ф. Видясова, А.А. Кашина), Алжиру (Б.В. Долгов), Египту (А.Г. Аксененок), Ливии (А.З. Егорин), малым государствам Персидского залива (Е.С. Мелкумян), Йемену (С.Н. Серебров), Сирии (В.М. Ахмедов), Иордании (А.В. Демченко), Ливану (А.В. Сарабьев), Саудовской Аравии (Г.Г. Косач), Марокко (И.М. Мохова).

В третьем разделе сборника помещены статьи, в которых рассматривается участие и позиция различных мировых и региональных игроков в отношении событий «Арабской весны» – США (П.В. Топычканов, Ю.В. Устинова), Европейского Союза (Д.А. Данилов), Франции (Н.В. Татарчук), Израиля (Т.А. Карасова), Ирана (Л.М. Кулагина, В.М. Ахмедов), Турции (И.И. Иванова).

Четвертый раздел книги затрагивает проблемы, связанные с реакцией и участием России в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке: восприятие в России событий в арабском мире на примере ситуации в Сирии (И.Д. Звягельская), реакция на события «арабской весны» в российской научной среде (Ю.Н. Зинин), экономические отношения России и Арабского Востока в новых условиях (А.О. Филоник), российская оценка ситуации в

Ираке (В.В. Шуваев), межцивилизационный диалог на Ближнем Востоке (В.В. Попов). Особый интерес представляют воспоминания бывшего российского посла в Ливии В.В. Чамова.

Безусловно, простое перечисление статей не может дать полноценное представление о данной работе. Также сложно дать и общую оценку, подвести какой-либо общий итог данной работы. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, процессы, освещаемые в сборнике, еще продолжаются, поэтому многим событиям пока сложно дать объективную оценку. Во-вторых, одной из целей написания работы, по словам его составителей, было отразить «всю палитру взглядов на феномен Арабского пробуждения». Сложно представить единство мнений при такой методологической установке.

Наконец, необходимо отметить, что не все авторы писали в жанре классической научной статьи, что придает некоторым частям сборника особый колорит «актуального комментария», публицистики, но, с другой стороны, несколько осложняет общую оценку итогов работы с точки зрения академической науки. Также, не оспаривая принципиальный выбор ответственных редакторов сборника, которые оставляют описанные события и сделанные в каждой из статей выводы на суд читателя, автору рецензии хотелось бы увидеть в данной работе общее концептуальное заключение, подводящее итоги проделанной работы.

Хотелось бы обратить внимание читателя на ряд выводов, которые показались принципиальными с точки зрения автора рецензии. Несмотря на разнообразие мнений, практически все авторы сборника придерживаются точки зрения, что причины экономического, политического и социального кризиса, приведшего к «арабской весне», в разных арабских странах были разными.

В частности, если в Тунисе и Египте причины были «внутренними», то ситуация в Ливии и Сирии во многом развивалась (и развивается) в условиях внешнеполитического давления (и прямого вмешательства) со стороны других стран. Однако нужно прокомментировать «внутренние» причины, которые привели к кризису в Тунисе и Египте: здесь нам на помощь приходит статья А.О. Филоника из данного сборника: «...Финансовый кризис ускорил мобилизацию народного недовольства и серьезно мотивировал действия инициаторов "арабской весны". К началу 2011 г. негативные подспудные процессы в ряде арабских экономик настолько созрели, что поочередно прорвались наружу в виде массовых беспорядков в Тунисе, Египте и Иордании. По совпадению, как уже отмечалось, именно там наиболее последовательно осуществлялись рекомендации МВФ» (3). Таким образом, «арабская весна» в Тунисе и Египте фактически была подготовлена извне при активном содействии МВФ (данная организация фактически подконтрольна США). В тех же странах, где экономическая политика строилась без учета указаний МВФ (Ливия) или же где к ним относились осторожно (Сирия), для дестабилизации обстановки потребовалось масштабное внешнее вмешательство.

Наконец, нужно вернуться к теме политического ислама, заявленной в начале рецензии. В результате дестабилизации социальной и экономической обстановки в арабском мире исламские политические организации получили очередной шанс прийти к власти. Используя популистские лозунги и обещания, а также на волне недовольства экономической политикой прежнего режима (проводившейся по указке МВФ–США), движение «Братья-мусульмане» сумело фактически прийти к власти в Египте, поскольку избранный 16–17 июня 2012 г. Президентом Мухаммад Мурси являлся председателем «Партии свободы и справедливости», основанной «Братьями-мусульманами».

Один из авторов рецензируемого сборника, Е.М. Примаков, в своей статье отметил: «Не так просто новому Президенту Египта будет и противостоять настроениям "египетской улицы"... Согласится ли армия передать вновь избранному президенту реальную власть – это тоже покажет время» (4). Действительно, популистские лозунги (вроде обещания добиться улучшения социально-экономической ситуации в Египте в течение 100 дней) позволяют прийти к власти, но удержать власть в условиях кризиса можно только с помощью жестких (и всегда непопулярных) мер по выходу из кризиса, а для их проведения нужно содействие (или хотя бы нейтралитет) армии. В итоге 30 июня 2013 г. на волне народных возмущений Мухаммад Мурси был отстранен от исполнений обязанностей Президента, а затем заключен под стражу и отдан под суд. Результаты кратковременного нахождения «Братьевмусульман» у власти в Египте весьма показательны: ни одна из значимых социальных и экономических проблем не решена, возросла преступность, обострились межрелигиозные противоречия, экономическая ситуация усугубилась в результате уменьшения притока в страну иностранных туристов.

Однако вопрос «политического ислама» в условиях «арабской весны» далеко не так прост, как кажется, и мы планируем провести более глубокий анализ этой теме в одной из последующих публикаций.

С учетом стремительного развития обстановки на Ближнем Востоке не исключено, что через год или два вновь возникнет необходимость написания подобной работы, поскольку время либо подтвердит выводы, сделанные в ходе данного исследования, либо возникнет необходимость внести коррективы. В любом случае хочется пожелать авторам сборника новых творческих успехов, поскольку тематика «Арабской весны» далеко не исчерпана.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Куделин А.А. Политический экстремизм под знаменем ислама (Рецензия на монографию М.Ф. Видясовой и В.В. Орлова «Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние»). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2008) // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2009. № 4. С. 70–73.
- (2) *Воронин С.А.* Рецензия на книгу «Арабская весна 2011 г. Предпосылки. Особенности. Перспективы» (по материалам конференции «круглого стола» в Институте

- Африки РАН 30.05.2011) / Под ред. И.В. Следзевского, А.Д. Саватеева. М., 2011 // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2012. № 2. С. 111—114.
- (3) *Филоник А.О.* Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное) // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С. 41–42.
- (4) Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Там же. С. 30.

REVIEW: «MIDDLE EAST, ARAB AWAKENING AND RUSSIA: WHAT'S NEXT?» (M., 2012)

A.A. Kudelin

World History Chair Peoples Friendship University of Russia Miklukho-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

НАШИ АВТОРЫ

АКСЕНОВА Анастасия Анатольевна – магистрант кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: aksenovaafr@rambler.ru

АНАШКИНА Алена Геннадьевна – аспирант факультета истории, политологии и права кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

E-mail: Allein87@mail.ru

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН.

E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

ГЛАЗОВ Александр Андреевич — магистрант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

E-mail: viadelcorso@yandex.ru

КОМАРОВ Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ.

E-mail: ruslan10@inbox.ru

КОРНОУХОВА Гадиля Гизатуллаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: kornouh@mail.ru

КУДЕЛИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН.

E-mail: andkudelin@mail.ru

КУПРИЯНОВА Юлия Андреевна – старший преподаватель кафедры восточной филологии НИУ ВШЭ.

E-mail: yukupriyanova@hse.ru

ЛУКОВКИНА Екатерина Сергеевна – магистрант кафедры истории России России Российского университета дружбы народов.

E-mail: katerinaposetiv@gmail.com

ПЫШНОВА Светлана Людвиговна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры РУДН.

E-mail: pyshnova59@mail.ru

ТОЛМАЧЕВА Анастасия Юрьевна – аспирант Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

E-mail: nastja-tolmacheva@yandex.ru

ЧЖУН Жуй – аспирант кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

E-mail: zrusachina@mail.ru

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

Научный журнал

Серия ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2014, № 2

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева* Редактор *К.В. Зенкин* Компьютерная верстка *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419 Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198 Тел.: (495) 434-12-12 E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Подписано в печать 25.04.2014. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 236 Типография ИПК РУДН ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419; тел.: (495) 952-04-41

BULLETIN of Peoples' Friendship University of Russia

Scientific journal

Series WORLD HISTORY

2014, № 2

Managing editor *T.O. Sergeeva* Editor *K.V. Zenkin* Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419 Ph.: +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board Series «World history»:

Miklukho-Makhlaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198 Ph.: +7 (495) 434-12-12 E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-42

. СП-1	0	ΦΓУΙ	П«П	ОЧТА	POCC	СИИ»								
	l A	АБОНЕМЕНТ на журнал												
			ВЕСТНИК РУДН						(индекс издания)					
		Серия Количество комплектов:												
		на 2014 год по месяцам												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
		Куда												
		(почтовый индекс) (адрес)												
		(фамилия, инициалы)												
						(фа	амилия	, иниці	иалы)					
						(фа	пилима	, иниці	иалы)					
						(ф:								
							дос			ная	 КАІ			
	<u></u>	ПВ	мес	ето ли		(фа	дос		воч	НАЯ				
	 	ПВ	мес	сто ли		на жур	дос	СТАН	(ин	декс и				
		пв		то ли		на жур	ДОС	СТАН	(ин	декс и				
		Сері	ия		тер	на жур	ДОС	стан ИК І	(ин РУД	декс и ,Н	здани	я)		
			ия	тодпи	ски	на жур	ДОС	UK I	(ин РУД	декс и	здани	я)	чка	
		Сері	ия	тодпи	тер	на жур	ДО(нал [ИК І руб руб	(ин РУД	декс и	здани	я)		
	C	Стои-	пер	подпи	ски	ВЕ (ДОС нал [СТН	ИК І руб руб по ме	(ин Р УД ко	декс и . Н	здани: пичест иплект	я)		
	C	Сері	ия	тодпи	ски	на жур	ДО(нал [ИК І руб руб	(ин РУД	декс и	здани	я)	12	
Куда	C	Стои-	пер	подпи	ски	ВЕ (ДОС нал [СТН	ИК І руб руб по ме	(ин Р УД ко	декс и . Н	здани: пичест иплект	я)		

ДЛЯ ЗАМЕТОК